

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕГИОНОВ**

1/ 2010

Учредитель:

Научно-исследовательский центр гуманитарных проблем
Кавказского региона

Редакционная коллегия:

*Е.Е. Несмеянов, д.филол.н., профессор (главный редактор);
Е.В. Говердовская, д.пед.н., доцент (заместитель главного редактора);
О.В. Губарь, д.экон.н., профессор; Т.П. Матяш, д.филол.н., профессор;
Е.В. Муругова, д.филол. н., профессор; С.Я. Суций, д.соц.н.доцент;
Ю.П. Тен, д.филол.н., доцент; М.В. Финько, д.филол.н., профессор;
В.К. Цечоев, д.юрид.н, профессор; Г.Х. Шенгаров д.филол.н., профессор*

Компьютерная верстка: Н.И. Семенова

Подписано в печать 30.01.10
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: 357500, г. Пятигорск, ул. Ленина, 116 «а»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНОВ

ISSN 2079-1968

Научно-образовательный и прикладной журнал

№ 1 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Ивушкина Е.Б.</i> Интеллектуальный статус науки.....	5
<i>Камалова О.Н.</i> Феномен эстетической интуиции в итальянском идеализме XX века.....	11
<i>Евсеева Л.В.</i> Социально-гуманитарный потенциал биоцентрической модели феминности.....	19

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Оленич Т.С.</i> Религиозное сектантство в годы революции и советской власти.....	28
<i>Эгильский Е.Э.</i> Феномен оккультизма в современной культуре...	40

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Юнак А.Е.</i> Некоторые аспекты диалога культур.....	47
<i>Сурова Е.М.</i> Стиль личности – стиль интерьера.....	52

ПЕДАГОГИКА

<i>Черкасова М.А., Черкасов В.П., Тараненко Н.Ю.</i> Пути формирования межкультурной коммуникативной и экологической компетенций студентов социального вуза.....	60
<i>Пивнева Н.В.</i> Формирование и развитие «гуманной педагогики»: история и современность.....	71

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Сахибгоряев В.Х., Котов С.В.</i> «Вождизм» как механизм перехода к фашистскому типу государства.....	83
<i>Рыбалка Е.А.</i> Ресурсное пространство личности.....	93
<i>Новгородский А.А.</i> Сущность наркомании и ее причины.....	106

ПРАВО

<i>Працко Г.С.</i> Человеческое измерение социального правопорядка	117
<i>Плехова О.А.</i> О злоупотреблениях властью и превышениях должностных полномочий.....	134

АННОТАЦИИ.....	140
-----------------------	-----

НАШИ АВТОРЫ.....	144
-------------------------	-----

ECONOMIC AND HUMANE INVESTIGATIONS OF REGIONS

ISSN 2079-1968

Scientific, educational and applied arts journal

№ 1 2010 г.

CONTENT

PHILOSOPHY

- Ivushkina E.B.* Intellectual status of science..... 5
Kamalova O.N. Aesthetic intuition phenomenon in Italian idealism of
XX century..... 11
Evseyeva L.V. Socio-humanitarian potential of a biocentric model of
femininity..... 19

RELIGION SCIENCE

- Olenich T.S.* Religious sectarianism in course of revolution and so-
viet power years..... 28
Egilskiy E.E. Occultism phenomena in modern culture..... 40

CULTURE SCIENCE

- Junack A.E.* Some aspects of culture dialogue..... 47
Surova E.M. Personal style – interior style..... 52

PEDAGOGICS

- Cherkasova M.A., Cherkasov V.P., Taranenko N.Y.* Ways of for-
mation of cross-cultural communication and environmental social
competence of the social university stu- 60
dents.....
Pivneva N.V. Formation and development of ‘humane pedagogy’:
history and the present..... 71

SOCIAL SCIENCE

<i>Sahibgoryaev V.H., Kotov S.V.</i> «Cult of the leader» as a mechanism of transition to fascist state type.....	83
<i>Rybalka E.A.</i> Personal resource space.....	93
<i>Novgorodskiy A.A.</i> Drug addiction essence and its reasons.....	106

LAW

<i>Pratsko G.S.</i> Social legal order human measurement.....	117
<i>Plekhova O.A.</i> On authority malversation and abuse of rank.....	134

ANNOTATIONS.....	140
------------------	-----

OUR AUTHORS.....	144
------------------	-----

ФИЛОСОФИЯ

УДК 001

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СТАТУС НАУКИ

Е.Б. Ивушкина

доктор философских наук, профессор.

В дискуссии о соотношении науки и религии мы останавливаемся на том, что интеллектуальная несомненность в науке и мифологии опираются на совершенно различные основания. Наука выковала оружие логики и экспериментальной проверки на истинность любых фантазов сознания. Будущее не за религией, а за верой в действительность нравственных идеалов. Наука дает удивительный образец демократической самоорганизации, опирающейся только на интерес, стремление к истине и справедливости. Ученый приглашает к конструктивному диалогу, где происходит плодотворный синтез различных концепций или полезное для развития науки взаимное разрушение.

Ключевые слова: наука, мифология, интеллектуальный статус науки.

Античный рационализм исходил из тезиса, что истина дел разрушает выдумку мифоконструкции. Такой ход мысли совершенно чужд мифологическому сознанию как таковому. Следовательно, интеллектуальная несомненность в науке и мифологии опираются на совершенно различные основания. В соответствии с рациональным мировидением, трансцендированные вовне образы сознания могут быть верифицированы. Опытная истина допускает ее воспроизведение всеми желающими, применительно к материальным условиям места и времени. Там где задаются одинаковые условия опытной проверки знания, неизбежно возникает один и тот же результат, не допускающий кривотолков и искажений. Кризис рациональности в науке XX-XXI вв. не дает основания

отменить этот методологический регулятив. Воспроизводимость научных истин всегда будет отличать их от уникальности переживания *моей* слиянности с Абсолютом.

В то время как рациональное знание ориентируется на объективную заданность, мифологическое сознание исходит из субъективной заданности продуцируемых им структур. Ориентация на объект, на раскрытие объективной истины всегда составляла высшую задачу науки. Мы разделяем вывод, сделанный Г.Н. Гумницким: «Пока есть верующие, должна существовать свобода вероисповедания. Но ради нее нельзя приносить в жертву свободу мысли, а значит свободу личности, демократические принципы, имеющие глубокое разумное основание» [1, с. 156].

В дискуссии о соотношении науки и религии мы настаиваем на следующем выводе: «интеграция» науки и религии означает отождествление критериев валидности продуктов сознания в мифотворчестве и науке. По существу, такое отождествление уничтожает грань, отделяющую науку от мифотворчества с его неудовлетворительным критерием семантического правдоподобия. Науке отказывается в выполнении ее главной функции – поиске объективного знания о мире.

На самом деле именно наука дает удивительный образец демократической самоорганизации, опирающейся только на интерес, стремление к истине и справедливости. Интеллектуальный статус науки очень точно раскрыт Борисом Родоманом в статье «Наука как нравственно-психологический феномен». Подлинному ученому чужд фанатизм, он не скрывает недостатков и слабых мест своей теории, не навязывает оппоненту свое мнение, приглашает к диалогу, результатом которого сплошь и рядом бывает не победа одной концепции над другой, а их плодотворный синтез или полезное для развития науки взаимное разрушение. «Вся кухня научного исследования и построения теории, все использованные методы должны быть обнажены и выставлены на обозрение, иначе выводы не убедят других ученых» [2, с. 47].

Ученому противопоказаны «твердолобая» убежденность в своей правоте, отсутствие некоторой доли скептицизма, самоиронии и чувства юмора. «Ученый обязан дать своим оппонентам возможность разрушить его модель, чтобы из ее обломков построить нечто более совер-

шенное и красивое» [2, с.48]. И еще одно очень важное замечание: «Настоящий ученый ни у кого не отбирает поле деятельности, не нуждается в ошибках и заблуждениях других ученых, не отвергает своих учителей и предшественников, а продолжает их дело» [2, с. 50].

Ученый и художник полезны обществу своей уникальностью, однако наука представляет собою менее блестящую и популярную, но более прочную, опору для личности, чем искусство. Мы уже могли убедиться, что ценности, отстаиваемые естествознанием, легли в основу современной картины мира, наполнили рациональным содержанием мировоззренческие основания всей культуры. Но наука – не только самый надежный источник знания и понимания универсума. Разум и знания в свою очередь способствуют успешному различению нами истинных моральных ценностей. Постнеклассическая рациональность характеризуется соотносительностью с ценностно-смысловыми опорами нашей человечности. В соответствии с названными обстоятельствами следует согласиться с В.С. Швыревым, который писал: «Непреложной ценностью культуры рациональность оказывается в той мере, в какой она ... выступает как средство духовного совершенствования человека в выработке им исходных смысложизненных ориентиров» [3, с.100-101]. И в другом месте: «Рациональность как духовная ценность является поэтому необходимым в культуре противоядием против всякого рода аутизма в сознании, «замыкания» на себя, на собственную культурную, социальную, национальную, личностную и т.д. ограниченность» [3, с. 104-105].

Никто из мифологов не доказал, почему внутренняя очевидность, присущая мифологической картине мира, превосходит эмпирическую очевидность. Между тем с позиции научного, а не мифического отношения к бытию, внутренняя очевидность не может быть надежным ориентиром в познании и освоении позиции научного, а не мифического отношения к бытию. Вся история науки убедительно доказала несовместимость с законами природы тех образов сознания, которые продуцируются и репродуцируются в концептах абсолютной мифологии. И пусть Лосев заявляет, что опора на науку «есть всецело буржуазный, мещанский, капиталистический принцип; это – достояние созерцатель-

но-индивидуалистических эпох» [4, с. 484]. Эта попытка дискредитировать науку посредством «наклеивания ярлыков» мало чего стоит.

Именно наука выковала оружие логики и оружие экспериментальной проверки на истинность любых фантомов сознания. Именно наука последовательно разоблачала и разоблачает иллюзорность представлений о Сверхъестественном, т.е. о Бытии, которое, по самому смыслу слова, отсутствует в природе. Всякое же отторжение от науки, ее умаление или дискредитация в глазах общественности льет воду на мельницу манипуляторов сознанием широких масс людей, которые далеко не тверды в своих упованиях на лучшее будущее, которые находятся в растерянности и страхе перед социальными вызовами нашего времени.

Именно рациональное, а не мифическое мышление составляет конститутивное основание и ядро западной культуры. Наука унаследовала основополагающий принцип рационального мышления: «Ничего не принимать на веру». Как хорошо сказал Д. Локк, думать «о каждой вещи именно так, как она есть сама по себе – в этом настоящее назначение разума, хотя люди не всегда пользуются им для этого» [5, с. 229].

По тем же причинам современный гуманизм невозможен без активной антиклерикальной позиции. Как подчеркивал Л.Н. Митрохин, претензии христианства на монопольное решение так называемых экзистенциальных, смысложизненных проблем путем постулирования высших ценностей, выходящих за пределы нашего индивидуального бытия, далеко не безупречны. Эту функцию осуществляет культура в целом, а не какая-либо обособленная ее часть (или сфера) [6].

Там где построения примитивного архаического сознания рушатся, для веры в чудеса, таинства и т.п. остается все меньше и меньше места. В общественной жизни наблюдается эмпирически фиксируемый параллелизм между развитием человеческой свободы и интеллекта и упадком религиозности. Как говорил Дж. Дьюи, будущее не за религией, а за верой в действительность нравственных идеалов.

На рубеже XX века естествознание перешло к публичному бичеванию религиозного мировоззрения (Т. Гексли, Э. Геккель, В. Оствальд, Н.А. Умов, И.И. Мечников, К.А. Тимирязев и др.). Рост образованности общества, распространение знаний как фундаментальной социальной ценности привели к отходу от мифического восприятия мира многочис-

ленных слоев общества. Для массового сознания делалась все более очевидной логическая и нравственная несостоятельность как рационального, так и мифического оснований библейской картины мира, с одной стороны, и «истин» Откровения – с другой. В эпоху постмодерна – в отличие от прошлых времен – отрицать бога или религию или же фактически не иметь с ними ничего общего – это уже не какой-то необычный и отдельный факт. Сама христианская Церковь вынуждена была признать, что современная картина мира, в которой живут люди, определена наукой. Для верующих физическая и социальная реальность уже не конституируются исключительно с помощью библейских понятий и языка. Современная христианская теология все в большей степени склоняется к выводу, что любые рациональные догадки о боге ведут лишь к заблуждению. Христианская мысль вновь и вновь отбрасывается к формулировке Цвингли: «Сами мы можем узнать, что такое Бог, еще меньше, чем жук может узнать, что такое человек. Поэтому человек может узнать, что такое Бог, лишь от самого Бога» [7, с. 56].

Мы подчеркиваем качественное отличие научной веры от веры религиозной. Научная вера есть антиципация знания, а не само знание. Вера ученого не имеет источником пророческое откровение. Ученый не заявляет, что его посетила Божественная Истина и поэтому он утверждает то-то и то-то. В свете сказанного, идейные шатания части российских ученых следует объяснить их неразборчивостью в выборе мировоззренческих ориентиров, слабостью воспринятой ими философской базы.

На протяжении всей истории западной цивилизации поборники Разума и Здравых смыслов были убеждены в подчинении вещей и событий не божественной, а природной необходимости. Именно с этих позиций отрицание бога и религии выступало в общественном сознании как требование научного прогресса в овладении и использовании сил самой природы. Мистическое упование на помощь потусторонних сил полностью отвергалось.

Признание нравственного обновления верующих под воздействием Божественного Слова, на наш взгляд, на сегодняшний день не находит подтверждения в эмпирически фиксируемых свидетельствах социальной жизни. Мы можем лишь разделить убежденность М. Монтеня, ко-

торый писал: «Я люблю нравственность, которая чувствует себя сильной сама по себе, не нуждаясь в помощи извне, которая родилась в нас и произросла из собственных корней, из семени всеобщего разума, запечатленного в душе каждого нормального человека» [8, с. 225].

Да, нравственный выбор каждого человека должен быть сознательным и свободным. Вот почему демифологизация коллективного и индивидуального сознания – это магистральный путь самостояния человека, стремящегося стать Личностью.

Литература

1. *Гумницкий Г.Н.* Является ли религиозная вера видом знания? // Вестник РФО. 2002. № 4.
2. *Родоман Б.* Наука как нравственно-психологический феномен // Здравый смысл. 1999. № 11.
3. *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6.
4. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001.
5. *Локк Д.* Об управлении разумом // Локк Д. Соч.: В 3 т. М., 1985. Т.2.
6. *Митрохин Л.Н.* Религия // Философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 3.
7. *Büsser F.* Huldruch Zwingli. Zürich, 1973. S.56.
8. *Montaigne M.* Essais. Paris, 1702. Т.III. 1 II. P.225.

УДК 101.1

О.Н. Камалова

кандидат философских наук, доцент

ФЕНОМЕН ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ИНТУИЦИИ В ИТАЛЬЯНСКОМ ИДЕАЛИЗМЕ XX ВЕКА

Анализируется феномен эстетической интуиции в контексте философской системы Б. Кроче. Соотносятся такие понятия, как интуиция и выражение, интуиция и представление, интуиция и форма, интуиция и искусство. Рассмотрена взаимосвязь интуиции и других форм «духа». Показано, почему именно в Эстетике Кроче развивает свое учение об интуиции.

Ключевые слова: эстетическая интуиция, выражение, познание, эстетика, искусство.

Проблема эстетической интуиции является одной из центральных в философской системе крупнейшего итальянского философа-идеалиста XX в. Б. Кроче. Интерес к этому философу и учению связан с рядом причин. Во-первых, представления Кроче об интуиции в определенной степени отражают общую тенденцию, характерную для идеалистической философии XX в., ориентированной на противопоставление интуиции, постигающей действительность в её «целостности» (т.е. во всей противоречивости её свойств и отношений) и научного (аналитического) познания, якобы разрушающего эту целостность; во-вторых, понятие интуиции, разработанное Кроче в эстетической теории, позволяет, на наш взгляд, расширить представления о самом феномене интуиции, существование которого представляется все ещё не решённой загадкой, и обогатить содержание понятия художественного мышления, являющегося сегодня также предметом дискуссий и взаимоисключающих точек зрения; в-третьих, философия Кроче, оказавшая исключительно серьёзное влияние на культурную жизнь не только Италии, но и целого ряда других стран, в нашей стране не получила широкого распространения, а

отечественных исследований, посвящённых различным аспектам крочеанской философии, крайне мало. Эти причины и побудили нас обратиться к творчеству этого философа.

Учение об интуиции Б. Кроче является первой и основной частью его философской системы. Единственной реальностью, являющейся предметом познания, Кроче считает реальность духовную «динамичность, деятельность, целесообразность, дух...» [1, с. 31]. В духовной деятельности Кроче различает четыре «формы или ступени, которыми вполне исчерпывается, по его мнению, активность духа: – интуитивная или эстетическая форма, логическая, экономическая и этическая формы. Первые две – сфера «теоретического духа», две последние формы – сфера «практического духа». Общая форма «теоретического духа» – познание, общая форма «духа практического» – воля. При этом «первая форма является основанием для второй» [2, с.56]. Излагая систему «духа». Кроче одновременно демонстрирует свой метод философствования – метод «различенного согласия», имеющий высшим принципом утверждение самобытности, автономности духовных форм – с одной стороны, и необходимой взаимосвязи их – с другой. Связь эта такова, что «Теоретическая деятельность относится к практической, как первая теоретическая ступень относится ко второй теоретической ступени, а первая практическая ступень – ко второй практической же ступени... понятие не может существовать без выражения т.е. интуиции – К.О.), полезное не может иметь место без них обоих, нравственность же невозможна без всех трёх предшествующих ступеней...» [2, с.69]. Следовательно, развитие духа начинается с интуитивной и заканчивается этической формой. Но такая последовательность и такое проявление согласно Кроче, имеет смысл только в порядке философской систематизации. Конкретно же, в «духе», сознании, все формы обнаруживаются лишь вместе. Четырём формам системы «духа» соответствует наука о «духе», имеющая соответственно формам «духа» такое же двойное подразделение. Это – эстетика, логика, экономика и этика.

Определяя эстетику как науку об интуиции, Кроче утверждает, что она не является частной наукой о художественной интуиции, а общей наукой о всякой интуиции, об интуитивной ступени познания. Кроче считает, что интуиция является необходимой формой человеческого по-

знания вообще. Она, утверждает он, едина и не подразделяется на виды. Деление интуиции на интеллектуальную, мистическую и т.д. Кроче считал ошибочной точкой зрения. Любая интуиция создаётся одним и тем же путём и имеет одну и ту же структуру, поэтому качественно все интуиции однородны и «вся разница сводится, таким образом, к количеству, и как таковая оказывается безразличной для философии» [2, с. 23]. А так как в наиболее «чистом» виде эта форма духовной активности осуществляется в искусстве, то и изучение интуиции неизбежно превращается в исследование искусства и изучает его одна наука – эстетика. «В этом смысле, – отмечает Кроче, – она полный аналог логике, которая исследует самые простые и самые сложные понятия, как факты одной и той же природы» [2, с. 24]. Основной эстетической работой Кроче является «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902), сосредоточившая в себе всю крочеанскую «Философию духа» в целом. Широко известны и такие эстетические работы Кроче как: «Чистая интуиция и лирический характер искусства» (1908), «Тотальный характер художественного выражения» (1917), «Поэзия» (1935) – одна из его последних значительных работ.

Рассматривая интуицию как первичную форму «духа», Кроче считает необходимым определить её «границы». Он не отрицает того, что интуиции предшествует ощущение, но не включает его в свою гносеологию как ступень познания, считая его «бесформенной материей», находящейся за пределами «нижней границы духа». Человеческий дух, будучи активным, как бы «изымает» свой материал из общего потока ощущений и впечатлений, ограничивает его и сообщает форму своим впечатлениям. Эту формообразующую способность «духа» Кроче и называет интуицией. Интуиция тождественна выражению. «Выражение, – пишет Кроче, – есть синтез разного или множественного в едином» [2, с. 30]. Но интуицию-выражение Кроче рассматривает не просто как синтез, организующий хаотическое многообразие впечатлений в некую целостность, но воплощающему эту целостность в образе, т.е., как эстетический акт. «Материя, будучи одета и побеждена формой, даёт место конкретной форме» [2, с.16].

Понимая интуицию, как полную самодавлеющую форму, Кроче требует её отграничения не только от материи ощущений, но и чёткого

разделения в пределах общих границ «теоретического духа», ибо не считает интуицию, эстетический акт вообще единственным проявлением теоретической духовной активности. «Познание, – пишет Кроче, – имеет две формы: оно является либо познанием интуитивным, либо познанием логическим; познанием с помощью фантазии или с помощью интеллекта..., самих отдельных вещей или же их отношений; одним словом, является – либо производителем образов, либо производителем понятий» [2, с.11]. Так Кроче разграничивает упомянутые способности, указывая для каждой из теоретических форм свой собственный объект, свою специфическую функцию. Теперь перед Кроче стояла следующая задача – объяснить взаимосвязь этих обособленных сфер, а значит: а) доказать независимость интуиции по отношению к интеллекту, или возможность «чистого» выражения, к которому не примешивались бы никакие элементы понятийного познания; б) доказать, что в то время как интуитивное познание может осуществляться независимо от интеллектуального; интеллектуальное познание, напротив, не может «существовать помимо эстетического» [2, с. 32]. Отстаивая независимость интуитивной формы от интеллектуальной, Кроче не отрицает, что «большинство интуиций цивилизованного человека пропитаны понятиями» [2, с.12], но по его мнению, вопрос решают другие случаи, когда от «этого смещения не остаётся и следа, чем и доказывается, что оно (т.е. – понятие – К.О.) не является необходимым» (там же). В качестве иллюстрации Кроче выдвигает на первый план те виды выражения, которые как, например, интуиции в музыке или живописи, не обязательно связаны со словесным выражением. Таким образом, если интуитивное познание может быть свободным от понятий, то познание интеллектуальное, напротив, осуществляется лишь посредством понятий и имеет своим результатом абстрактно – всеобщее.

«Искусство и наука различны», но «с одной стороны, – утверждает Кроче, – со стороны эстетической они совпадают» [2, с. 34]. Всякий логический факт, такова мысль Кроче, должен быть так или иначе выражен, т.е. подразумевает акт интуиции. «Человек, который мыслит..., – пишет он, – испытывает, поскольку он мыслит, впечатления и эмоции: его впечатлением и эмоцией является... само усилие мысли... и для того, чтобы получить объективное значение перед лицом духа, это усилие не

может не принять интуитивную форму. Говорить не значит мыслить логически, но мыслить логически всегда значит говорить» [2, с.32]. Или же читаем в другом месте «...выражение означает обладание собственной логической мыслью» [2, с.54]. Но тогда получается, что когда Кроче настаивает на автономности интуиции, он имеет ввиду неинтеллектуальную форму познания, когда же он утверждает, что научное познание может выступать только будучи выраженным, то он, по существу, уже отказывает интуиции в полной независимости от интеллектуального содержания, Кроче, видимо хорошо осознавал несоответствия, которые возникли в результате отождествления интуиции и выражения и отрицания существования различных видов интуиции. Поэтому уже в работе «Чистая интуиция и лирический характер искусства» (1908) Кроче ограничивает интуицию в искусстве от выразительной формы понятий. Отсюда берёт начало одно из его основных эстетических положений – о «лирической» интуиции, являющейся «чистой» интуицией, единственно подлинной и характерной только для искусства и представляющей собой особое выразительное состояние «духа».

Наряду с этой интуицией, Кроче выделяет «историческую» интуицию как опосредованную и рефлексивную интуицию, которая сопровождает всякую научную мысль как её выразительная форма. Тем не менее, основной тезис Кроче о том, что операция синтеза проводится средствами именно образного познания и что любой творческий акт в каких-то своих глубинах носит эстетический характер, остается неизменным. Итак, в теоретической сфере Кроче выделяет две основные формы, познание интеллектуальное и познание интуитивное. Согласно Кроче, эти формы духовной активности не только различны, но и связаны между собой. Этот факт позволяет отличить интуитивизм Кроче от интуитивизма, например, А. Бергсона, в представлении которого отношение между интуицией и интеллектом достигает непримиримого противопоставления.

О единстве интуиции и выражения Кроче писал, что эта идентичность, имеющая применение во всех областях человеческой деятельности, в сфере искусства наиболее ясна и очевидна. Искусство, согласно Кроче, – это первичная «дологическая» ступень познания. Принцип образного познания лежит в нём самом. Содержание и форма в искусстве,

(интуиции) по мнению Кроче, тождественны, слиты в едином акте интуитивного синтеза. Под материей искусства, предшествующей эстетическому акту, Кроче подразумевает чувства, состояние духа, т.е. всю человеческую личность в целом, а значит весь универсум, в его вечном становлении, а слово, ритм, цвет, звук и т.д. представляют собой форму, но форму, тождественную художественному содержанию.

Следуя логике Кроче, между человеческим «духом» и «духом» универсальным нет никакой принципиальной разницы, поскольку последний един, неделим, и выступает как единое целое во всех своих проявлениях, а, следовательно, в частности, тождественен отдельному сознанию. Таким образом, создавая произведение искусства, художник изображает действительность (духовную реальность), но как бы пропуская её сквозь призму своего индивидуального видения, свою «персональность», придаёт ему собственную «индивидуальную» красоту. Поэтому Кроче считает каждое художественное выражение, каждое произведение искусства единственным в своем роде, индивидуальным и неповторимым фактом.

На основании своей системы, Кроче решительным образом отделяет интуитивную деятельность от деятельности практической. То, что называется эстетическим или интуицией, имеет у Кроче одну – идеальную форму. Произведение искусства всегда внутренне, внешнее же выражение и воплощение интуиции в физическом материале Кроче объявляет несущественным для становления художественного образа. Он пишет, что «во всех этих случаях мы имеем перед собой новый факт, который присоединяется к первому и повинуетя совершенно иным законам» [2, с. 59]. Эта сфера практической деятельности, область «технических» приёмов. Интуитивный же акт, согласно Кроче, всегда закончен в самом себе, предшествует практике и не подразумевает по необходимости своего воплощения физическими средствами. Утверждение Кроче о том, что «технические приёмы», «уровень мастерства» ничего не добавляют к становлению художественной формы, неоднократно подвергалось критике. Так, например, видный английский философ Б. Бозанкет пишет, что «Кроче говорит, что художник завершает каждый мазок кистью в уме до того, как положит его на полотно. Мысль здесь та, что само употребление кисти ничего не добавляет к внутренне и умственно созданно-

му им произведению. Я считаю, что это – ложный идеализм. Практически осуществлённая вещь очень многое добавляет к самой идее или фантазии, обогащает её качествами и взаимосвязями» [3, с. 280].

Схожие критические замечания высказывают и другие философы [4, с. 241]. Но Кроче остаётся верный принципам своей философской системы. Искусство (как идеальная деятельность художника) является свободным вдохновением художника, а всякое волевое или интеллектуальное вмешательство искажает форму и приводит к снижению ценности произведения искусства. При этом он не отрицает ни полезности искусства, ни морального его значения, но считает, что все это «внешне и побочно ему». Полный процесс художественного творчества Кроче представляет в виде 4 стадий: «а) впечатления; б) выражение или духовный эстетический синтез; в) гедонистический аккомпанемент или наслаждение прекрасным; г) перевод эстетического факта на язык физических явлений...» [2, с.103]. При этом Кроче подчёркивает, что «действительно эстетическим и подлинно реальным может быть признан лишь пункт б)» [там же]. Отсюда основная задача критика заключается в том, чтобы воспроизвести в себе творческую интуицию художника. Поэтому Кроче считает, что подразделение искусства на пространственное и временное, реалистическое и символическое, классическое и романтическое, классификация искусства в зависимости от изобразительных средств (живопись, поэзию, музыку и т.д.), законно и полезно в определенной области, но не имеет философской ценности. Философское определение эстетического феномена предполагает определение лишь того общего начала, которое однородно для них всех. Интуицию-выражение можно оценить только как художественное, удавшееся, т.е. знаменующее собой единичность красоты, полное слияние всех его частей, или как нехудожественное, неудавшееся, неполучившееся или «дефектное» выражение. Все же остальные определения, попытки обобщений, классификации, по мнению Кроче, относятся к внешней стороне произведения, но не к его сущности.

Диалектика непосредственного и опосредованного Кроче не отрицает, но считает, что «эстетическое выражение представляет собой синтез, в котором невозможно провести различия между непосредственным и опосредствованным. Все впечатления уравновешены в нём, поскольку

подвергаются эстетизации» [2, с.29], подчёркивая тем самым не отсутствие практических, культурных моментов в искусстве, а специфический способ их бытия в интуиции. Так Кроче отстаивает автономность образного сознания, которое подчиняется, по его мнению, специфическим законам обобщения, обеспечивающим одномоментное и целостное постижение реальности. «Искусство, будучи интуицией, соединяет в себе смысл и силу всего того, что имплицитно отрицает и от чего отличает себя» [5, с. 399].

Позиция Кроче по вопросу интуитивного познания достаточна ясна. С одной стороны, его размышления вполне логично вписываются в общую концепцию интуитивизма, получившего широкое распространение в странах Западной Европы XX в., выступавшего с критикой рационального познания и усматривающего в интуиции единственный источник подлинного знания о действительности. Но, с другой стороны, безусловно, есть и расхождения. Если, например, сравнить интуитивизм Б. Кроче и А. Бергсона, то очевидно, что у французского философа иррациональные мотивы в понимании интуиции выступают более отчетливо, а само это понятие более психологизировано и размыто. Под интуицией Кроче понимает творческую формообразующую духовную активность: интуиция – есть форма, но форма выраженная, интуиция и выражение – суть один акт. Для Бергсона же интуиция прежде всего – переживание, зачастую не достигающее уровня образного выражения и представления. То что именно художественная сфера объявлена той областью человеческой активности, которая дает в силу своей специфичности широкие возможности выражения и раскрытия переживаемого опыта, фиксирует через образы тонкую связь индивида со средой, объединяет многих современных мыслителей, в том числе и вышеназванных, является общей для интуитивизма идей во всех его модификациях.

Литература

1. *Кроче Б.* О так называемых суждениях ценности. М., 1910. Кн.2.
2. *Кроче Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 2000.
3. *Бозанкет Б.* Эстетическое отношение в его воплощениях. Современная книга по эстетике. М., 1957.

4. Гарин Э. Хроника итальянской философии XX века. М., 1965.
5. Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб., 1999.

Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ
15 января 2010 г.

УДК 1.02

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БИОЦЕНТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ФЕМИННОСТИ

Л.В. Евсеева

доктор философских наук

Обращено внимание на проблему включения в социально-гуманитарные науки данных и выводов, полученных в рамках естественнонаучного подхода. Применительно к проблеме феминно-маскулинного выявлен гуманитарный потенциал биоцентристской модели, выработан один из убедительных аргументов относительно скрытого доминирования женщин, состоящий в ее наибольшей адаптивности и устойчивости к изменениям внешних условий, что позволяет отнести ее к биологически более сильному полу. Показано, что гипотеза относительно скрытого доминирования женщин затрагивает проблему потенциала женского начала.

Ключевые слова: феминность, биоцентрическая модель, потенциал женского начала.

В социогуманитарном знании нет важнее проблемы, чем проблема человека. Однако в современном мировидении человек предстает не как некая абстрактная сущность без пола и возраста, а согласно установлению природы – мужчиной или женщиной, т.е. в градации феминного и маскулинного начал. К общепризнанному дуализму тела и духа присоединяется противоположность мужского и женского. Женская и мужская формы жизни, как подчеркивают антропологи, определяют отношение к

окружающему миру [1]. В массиве современных исследований достаточно явно проступает биоцентристская модель, сфокусированная на трактовке сущности женщины и феминного начала, исходя из ее природного предназначения. Философская интерпретация этой модели уходит своими корнями к воззрениям Аристотеля. В его текстах читаем: «наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов. Так, необходимость побуждает, прежде всего, сочетаться попарно тех, кто не может существовать друг без друга, – женщину и мужчину в целях продолжения потомства; и сочетание это обуславливается не сознательным решением, но зависимостью от естественного стремления, свойственного и остальным живым существам и растениям, – оставлять после себя другое подобное себе существо» [2, с. 377]. Здесь зафиксирована природная необходимость диморфизма и производства потомства и обозначены системообразующие основания антропологической онтологии, указывающие на необходимость «сочетаться попарно». Причем указание на то, что это есть естественное стремление, свойственное всем остальным живым существам и растениям, как раз и свидетельствует о биологоцентристской парадигме. Аристотель отчетливо фиксирует, что речь идет о сочетании противоположных полов – мужчины и женщины, что суть этого сочетания в порождении потомства. Скажем, если бы здесь присутствовало объяснение, состоящее в том, что такое сочетание представляет собой волю богов, то речь нужно было бы вести не о биоцентристской, а о теологической парадигме.

Реальным основанием биоцентристской модели является наличие природного диморфизма. Сильная сторона этой модели состоит в том, что в ней находят место данные эволюционного подхода и данные естественных наук о половом диморфизме. Этот подход настаивает на наличии общих черт, характеризующих женщин как популяцию женского рода, выявляет наличие общих стереотипов, имеющих кросскультурный характер. В нем не отрицаются также и индивидуальные различия между представительницами данной группы. Нападкам и справедливой критике подвергаются параллели и аналогии, уходящие своими корнями к животным предкам, их инстинктивной жизни и психофизиологическим автоматизмам, которые переносятся на человеческие взаимодейст-

вия. Суть справедливых возражений состоит в протесте против редукции данных, добытых в рамках эволюционно-биологических исследований, например, в этологии, на мир человеческих взаимоотношений. Однако игнорировать их значение и не учитывать биологические и физиологические компоненты неправомерно. Подвергая биоцентристскую модель методологическому анализу, можно заключить о ее связи с позицией эссенциализма, в котором сущность женщины выводится из ее природного предназначения и отождествляется с ним.

В рамках когнитивных представлений, «живые организмы несут в себе информацию, которая управляет образованием самих организмов, происходящими в них процессами и их поведением. Живая материя не может существовать без генетической информации, без своего рода «синтаксиса», который является ее внутренним биологическим свойством» [3, с. 5]. Наука достаточно давно открыла имеющиеся различия в наборе хромосом у женщин и у мужчин. Женские половые хромосомы одинаковые, X-X. У мужчин они разные X-Y. Мальчики «мужскую» Y-хромосому получают от отца. «Женскую» X-хромосому мальчики получают от матери, девочки получают две X-хромосомы от отца и матери. В каждой из 27 пар остальных хромосом дети независимо от пола одну получают от отца, а другую от матери. Y-хромосома содержит программу развития мужских половых признаков, как первичных, так и вторичных, однако ученые не обнаружили в ней генов, влияющих на психотип и интеллект.

Следовательно, все это концентрируется в X-хромосомах, которые наследуют и мужчины, и женщины. Вместе с тем, степень неопределенности и разброс, определяемый сложными сочетаниями генов, очень велики. Поэтому в силу вступают внешние, социокультурные детерминанты, программы которые формируются в процессе первичной социализации, в процессе воспитания и трансляции стереотипов социального опыта. Первичная половая пропорция указывает, что 120-180 зачатий X-Y соответствует 100 зачатий X-X. Эту диспропорцию поначалу выравнивает последующий отбор, а в купе с социальными факторами впоследствии получают иные результаты – численное преимущество женщин [4].

Биологические механизмы половой дифференциации отличаются целесообразностью, и биологическое предназначение наличия в природе двух полов обусловлено закрепленными за ними функциям. Исследователи говорят, что печать принадлежности к женскому или мужскому организму несут на себе не только половые органы, но и ткани, органы и клетки. Генотип определяется в процессе оплодотворения, но степень проявления генетического потенциала впоследствии будет во многом зависеть от средовых факторов, влияющих на организм в процессе его развития, от интенсивности так называемых лимитирующих факторов. Считается, что фенотип – свойства и признаки, приобретенные в процессе индивидуального развития, не может выйти за пределы детерминации генотипа. Когда же говорят о генетической изменчивости организмов, размножающихся половым путем, то, чтобы подчеркнуть царящий в ней фактор случайности, используют термин «перетасовка генов». Заметим, что установлено и повсеместно распространено мнение, что на Земле в живой природе женские гены ответственны за стабильность, а мужские определяют изменчивость, мужчины эволюционно прогрессивны, они – носители эволюционирующих признаков, женщины же консервативны. Отсюда возможно предположение, что основные поведенческие амплуа, например, быть охотником, воином, агрессивным, сильным, быстрым и пр. зафиксированы на генетическом уровне. Эволюционно найденные механизмы, как отмечает В.А. Геодакян, заложили и обусловили то, что самки олицетворяют постоянную память и нацелены на сохранение потомства и продолжение рода, самцы – олицетворяют оперативную память. Они нацелены на восприятие потока изменений, идущих от внешней среды.

На наш взгляд, в рамках биоцентристской модели выработан один из убедительных аргументов относительно скрытого доминирования женщин. Он состоит в том, что именно женщины, обладая наибольшей адаптивностью и устойчивостью к изменениям внешних условий, оказываются биологически более сильным полом. Гипотеза относительно скрытого доминирования женщин затрагивает проблему потенциала женского начала. Потенциал в общем смысле предполагает наличие способностей, которые, в конечном счете, определяются совокупностью биологических и психических возможностей, скоростью реакций

по приобретению тех или иных навыков. Потенциал обеспечивает успешность выполнения функций, той или иной деятельности, но в зависимости от социальных условий может быть как актуализован, так и не актуализован. В случае отсутствия своей актуализации недостающие планы применения способностей могут с успехом компенсироваться другими. Это свидетельствует о динамической устойчивости женского генотипа. Константной остается функция, связанная с продолжением человеческого рода и воспроизведением потомства, что касается универсальности применения женского потенциала, то здесь демонстрируется чрезвычайная мобильность и пластичность в самоактуализации и достижении успехов в самых различных видах деятельности.

Подчеркнем, что со ссылкой на выводы Геодакяна, убедительной представляется концепция дифференциации полов как экономной формы «информационного контакта со средой, как специализации по аспектам сохранения и изменения генетической информации» [5, с. 543]. В этой связи И. Кон отмечает: «Поток информации от среды, связанный с изменением внешних условий, сначала воспринимают самцы, которые теснее связаны с условиями внешней среды. Лишь после отсеивания устойчивых сдвигов от временных и случайных, генетическая информация попадает внутрь защищенного самцами устойчивого «инерционного ядра» популяции, представленного самками. Согласно эволюционной теории пола, норма, реакция женских особей, т.е. их адаптивность (пластичность) в онтогенезе по всем признакам несколько шире, чем мужских. Один и тот же вредный фактор среды модифицирует фенотип самок, не затрагивая их генотипа, тогда как у самцов он разрушает не только фенотип, но и генотип» [6, с. 198].

К характеристике биоцентристской модели относят распространенный в науке взгляд, согласно которому женщина, эволюционно направленная на продолжение рода, ищет в мужчине не только сексуального партнера, но и добытчика, обеспечивающего долговременную защиту. Поэтому она весьма разборчиво вступает в связь в отличие от мужских особей, предназначение которых в осеменении как можно большего количества женских в целях максимально широкого территориального распространения потомства. Женский мозг эволюционно запрограммирован на поиск такого партнера, который будет привязан

достаточно надолго и может обеспечить благополучие развития ее детей, т.е. женщина ищет долговременного партнера. «Согласно социобиологии, – пишет Х. Хайн, – конечная цель и порядок вещей, которым посвящены все человеческие и биологические устремления, это бесконечное воспроизведение упорядоченных рядов ДНК» [7, с. 352]. Мужчина как сеятель и производитель заявляет свое превосходство и снимает урожай с женщин, как женщины с полей. В таком случае можно оправдать метафору уподобление плодородия женщин плодородию природы [7, с. 345].

В современных СМИ распространена информация, что геном мужчины и обезьяны имеет 98,4% общих генов, из чего следует, что разница между мужчиной и самцом обезьяны 1,6%. Генетическое различие между мужчиной и женщиной составляет 5%. Женщина более вовлечена в вербальное взаимодействие, легче имеет дело со временем, у нее в 10 раз больше тактильных рецепторов кожи, она более чувствительна и нуждается в прикосновениях, у нее более точное обоняние. Социобиология сосредоточила в массиве своих знаний очень много аналогий, уходящих в этологию. И. Кон подчеркивает, что согласно выводам мирового эксперта в сфере половых различий Элеонор Маккоби, «многие черты поведения мальчиков воспроизводят то, что характерно для приматов: половая сегрегация в играх разнополых детенышей, разный стиль игровой активности – у самцов гораздо больше силовых игр и показательной, а иногда и реальной агрессии, асимметричность отношений со взрослыми – молодые самцы как группа отделяются от взрослых раньше и полнее, чем самки, а также проявляют меньше интереса к детенышам и реже взаимодействуют с ними. ... Переносясь в мир человеческих отношений, ученый отмечает, более высокий уровень обмена веществ делает мальчиков физически более энергичными и активными. В силу более позднего созревания, мальчики позже девочек овладевают речевыми навыками и у них слабее эмоциональный самоконтроль, что делает их поведение более спонтанным и агрессивным» [6, с. 200].

Однако заметим, что биоцентристская модель и сопровождающая ее социобиологическая доктрина акцентируют эволюционные особенности и предназначение женщины и полностью исключают ее духовность. Факторы духовности не рассматриваются, они лишены значения.

Упор делается на различия в строении мужского и женского тела, на различие в генетических программах, когда самец должен оплодотворять и быть активным, а самка должна сохранять потомство и быть пассивной, фиксируются функциональные различия, однако выхода к моральным факторам, к духовной сфере, интеллекту не намечается. Предлагалась гипотеза относительно влияния гормонов на нервную систему и мозговые структуры, но в связи с тем, что такие исследования трудно тестировать, она не получила развитие. Косвенно было доказано, что когда у женщин снижался уровень эстрогенов – женских половых гормонов, их умственная активность повышалась. Существенным недостатком биоцентристской модели является и то, что нет указания на социальные и социокультурные факторы и детерминанты, которые приводят к трансформации феминного и маскулинного типов. Основные идеи современных биотехнологических проектов связаны с централизованным контролем над женскими репродуктивными функциями. Согласно этим проектам, возможен отбор спермы с целью увеличения числа рождаемых мальчиков или вынашивания ребенка без участия женщины (так называемый ребенок из пробирки), хирургическое изменение мужского пола на женский, насильственная стерилизация и пр. [7].

Природа, возложив на женщину выполнение сложной репродуктивной функции, обусловила ее большую детерминированность в биологическом смысле, по сравнению с представителем сильного пола – мужчиной. Безусловно, эволюционные задачи влияли на структуру мозга, на организацию клеток мозга, циркуляцию гормонов, которые приобрели отличия в женском и мужском организмах под давлением отличающихся требований и в связи с возложенными на них функциями. Обычным стал вывод, что эволюция мужчин и женщин протекала по-разному, в связи с различными обстоятельствами и эволюционными задачами. Как отмечают А.Пиз и Б. Пиз, мужской мозг разделен на конкретно ориентированные области. Каждая область отвечает за свою функцию, действует абсолютно независимо от других. Нить, связывающая левое и правое полушария мозга у мужчин на 10% тоньше, чем у женщин и количество связей в ней на 30% меньше. Делается вывод, что в результате мужчина просто не в состоянии заниматься несколькими делами сразу [8].

Воспользуемся данными доктора антропологии Хелен Фишер, которая на основе методики сканирования мозга определила место трех стадий и трех типов эмоций: вожделения, страстного увлечения и привязанности, которые с биологической точки зрения обеспечивают практическое осуществление жизненно важной репродуктивной функции. Каждой эмоции соответствовали свои специфические химические реакции, которые активизировали мозг. Например, на стадии страстного увлечения выделяются несколько мощных химических веществ, вызывающих чувство подъема. Допамин дает ощущение благополучия, фенилэтиламин повышает уровень возбуждения, серотонин создает чувство эмоциональной стабильности, а норадреналин рождает ощущения, что можно добиться любой цели [8].

Следует подчеркнуть, что биологический детерминизм, пережив пик своего расцвета и популярности, в настоящее время значительно ослабел. В современном варианте биоцентристская модель несколько модифицирована, так как в понятие репродукция вводится явно выраженные качества социальности – это не просто рождение, но и уход, воспитание, первичная социализация, привитие системы ценностей, т.е. создание полноценной личности. Исследователями выявлено, что именно мать закладывает первичную экзистенциальную информацию, ребенок, будучи еще в эмбриональном состоянии, воспринимает информацию, поступающую от материнского тела. Иными словами, женщина обладает ярко выраженным и специфическим поведенческим ядром, она передает способ реагирования, стиль отношения, систему ценностей и сам культурный строй поведения. В связи с чем особо важен выбор женщиной тех паттернов – стереотипов, образцов и стандартов отношений, которые будут привиты отпрыску. Утвердился вывод, что формирование первых представлений о мире, первые реакции и базовые ориентации новорожденные, младенцы и дети делают в основном под руководством «родителей одного пола – матерей». Такие выводы с новой силой высвечивают проблему потенциала женского начала, показывая необходимость интеграции данных естественных наук и социально-гуманитарного знания.

Литература

1. *Гуревич П.С.* Философская антропология. М., 1997.
2. *Аристотель.* Политика // Соч: В 4 т. М., 1983. Т. 4.
3. *Меркулов И.П.* Введение: формирование когнитивных представлений в эпистемологии // Эволюция. Мышление. Сознание. М., 2004.
4. *Искрин В.И.* Диалектика пола. СПб, 2001.
5. *Геодакян В.А.* Асинхронная асимметрия (половая и латеральная дифференциация – следствие асинхронной эволюции) // Журнал высшей нервной деятельности. 1993. Т. 43. Вып. 3.
6. *Кон И.* Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Гендерный калейдоскоп. М., 2001.
7. Женщины, познание, реальность. Исследования по феминистской философии. М., 2005
8. *Пиз А., Пиз Б.* Почему мужчины врут, а женщины ревут? М., 2003.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 522.41

РЕЛИГИОЗНОЕ СЕКТАНТСТВО В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Т.С. Оленич

доктор философских наук, профессор

Данная публикация посвящена изучению «царских» сект, а также новых религиозных культов и «версий» в СССР. Исследование «советского сектантства» производится в культурологическом измерении. Уделяется внимание основным мероприятиям коммунистической партии и советской власти в отношении сектантства, классификации сектантства в советском сектоведении.

Ключевые слова: сектантство, сектант, религиозные искания, вероисповедание, идеологическая борьба, религиозный культ.

Целью данного исследования является изучение положения «царских» сект, а также новых религиозных культов и «версий» в СССР. Задачами статьи являются – исследование «советского сектантства» в культурологическом измерении, рассмотрение основных мероприятий коммунистической партии и советской власти в отношении сектантства, классификация сектантства в советском сектоведении. Исследование является актуальным, так рассматриваются русские секты и организации, характерные для религиозного поля стран СНГ. Ценными для настоящего исследования явились работы В. Бонч-Бруевича, А. Эткинда, О. Воробьева, К. Михайлюк, А. Клибанова, А. Кульского и др. Положение «царских сектантов» и отношение к ним советской власти детально представлено в архивных материалах и в сектантском источнике «Голос истины».

Религиозные искания в советский период представляют собой контркультурные феномены. «Можно сказать, что всякая новая культу-

ра рождается как осознание кризиса предшествующей социокультурной парадигмы. Если «новые религии» находят социальную опору, есть потребность в новых абсолютах. Противостояние предшествующей культуре, рождение новых ценностных и практических установок можно рассматривать как процесс, постоянно воспроизводящий себя в мировой культуре. Давно доказано, что контркультурные тенденции в обществе рождаются именно там, где официальная культура пытается заполнить собой все поры социального организма. Партийная идеология автоматически рождала диссидентство» [1].

В этой связи историк Михаил Агурский утверждал: «Религиозный нигилизм и большевизм быстро обнаружили общность интересов в стремлении к «полному разрушению старого мира», причем «нельзя обойти молчанием и поддержку большевиков баптистами, евангелистами и адвентистами седьмого дня». Последние даже утверждали, что на Ленине почит «благодать Божия» [2]. В результате обсуждения этого доклада была принята резолюция, написанная Лениным (с поправками Плеханова), где сектантство характеризовалось как одно из демократических течений, направленных против существующего строя; членам партии указывалось на проведение активной работы по привлечению сектантов к революционному строительству. В 1919 г., в разгар гражданской войны, Ленин издает особый декрет об освобождении ряда сектантов от военной службы, который вторично был подтвержден в 1920 г. Значительное число сектантов провозгласили себя коммунистами, что было особо характерно для духоборов, молокан, новоизраильтян, малеванцев и толстовцев. Западнические «общины (евангелисты, баптисты, адвентисты) не отставали в «революционном деле». Исследователь российского протестантизма В. Филатов отмечает, что по окончании гражданской войны сектанты становятся союзниками большевиков в «деле социалистического строительства». Лидером евангельского движения был тогда И.С. Проханов. Он попытался осмыслить социализм в христианском контексте. У Проханова была даже идея создания города Солнца, Евангельска, где жили бы коммуны христиан. Когда власти стали активно бороться против всех верующих, И.С. Проханов, покинув Россию, остался за границей. Социальный евангелизм Проханова и других евангельских христиан уже тогда переплетался с тем советским

патриотизмом, который складывался во ВСЕХБ с момента его создания. Внутри союза сложилось мнение, что первое десятилетие советской власти было самым лучшим периодом в истории евангельского движения в России, а значит, и советская власть является самой подходящей для протестантов в России. В. Филатов приходит к выводу, что действительно большевики создали в 20-х гг. сравнительно благоприятные условия для развития протестантизма, но и тогда власти стремились поставить жизнь протестантских церквей под полный контроль. В дальнейшем надежды евангельских лидеров не оправдались. В официальных выступлениях руководство ВСЕХБ стремилось сохранить стереотип о «золотом веке» протестантов в 20-е гг. и лишний раз подчеркнуть согласие с советской властью.

К 1924 г. коммунисты даже стали говорить о «возможности блока партии с религиозными течениями». Показательно, что сектанты, покинувшие Россию в дореволюционное время, возвращались в СССР, чтобы «принять участие в строительстве новой жизни». «Теперь более, чем когда-либо», – писал в 1925 г. руководитель секты адвентистов П. Свиридов, – «своевременно и нам совершить духовный сдвиг в деле проповеди троекратной евангельской вести по обширному СССР» [3]. В 1924-1925 гг. были подписаны декларации о лояльности и сотрудничестве с большевиками баптистами, евангелистами и адвентистами. В декларации о лояльности адвентистов было сказано: «Мы убедились в том, что Бог в своем провидении расположил сердце и дал мудрость нашему незабываемому В.И. Ленину и его ближайшим сотрудникам в деле мудрой организации единственного в мире прогрессивного и своевременного аппарата» [4]. Ознакомившись с деятельностью сектантов, Ленин предложил тов. В. Бонч-Бруевичу написать от имени Наркомзема воззвание к сектантам о привлечении их к сотрудничеству для устройства образцовых колхозов. Оно было опубликовано в 1921 г. и позволяло организовывать сектантские колхозы, «чтобы призвать к творческой земледельческой работе эти народные, так называемые сектантские и старообрядческие массы». Автор высказывал мысль о том, что революция расшатала устои старого мира, ниспровергнув его, чтобы при его гибели воздвигнуть новую цветущую, свободную жизнь. Все те, кто боролся со старым миром, кто пострадал от его тягот, – сектанты и старо-

обрядцы в их числе, – все должны быть участниками в творчестве новых форм жизни. К 1924 г. коммунисты декларируют возможность «блока партии с религиозными течениями». Выступая на XIII съезде РКП(б), член партии Рыков заявил, что «сектантские течения», которые под «религиозным соусом» реализуют революционные задачи, необходимо использовать «всячески и целиком». Показательно, что сектанты, покинувшие Россию в дореволюционное время, возвращались в СССР, чтобы «принять участие в строительстве новой жизни».

Однако молодые коммунисты, в частности Л. Троцкий, возражали против «заигрывания» с сектами. «Неожиданно для многих наблюдателей, вопрос о сектах вызвал раскол стратегических сил партии. Дискуссия развернулась на секции по работе в деревне, где за резолюцию о сектах выступили Зиновьев, Луначарский, Бонч-Бруевич, а против линии ЦК – Степанов-Скворцов, Ярославский, Красиков, Буденный... Согласно Степанову, «мы пустимся в авантюру» и будем «поощрять прозелитизм»... Буденный сказал, что к сектантам «стали переходить очень многие, главным образом бедняки, для того, чтобы не идти в армию» [5]. Защиту линии ЦК в этом сложном вопросе возглавили Зиновьев, «всероссийский староста» Калинин, которые выступили за сохранение сектантских общин в деревне с дальнейшей заменой «религиозных функций» культурными, за сращивание большевизма с народной религией. Однако эта позиция была утопичной, так как ни в 1917 г., ни в годы гражданской войны активных и организованных выступлений сектантов за советскую власть не было. Уже на XIII съезде партии, в 20-е гг., партия отрицала свою связь с сектантами. в основе «антисектантской» кампании конца 1920-х гг. лежали, по меньшей мере, три главные причины. Во-первых, в 1928–1929 гг. у руководства партии сформировалось убеждение, что русская православная церковь более не является, не смотря на значительное число сохранившихся приходов и верующих, серьезным противником «новой революции». «Отсюда в газеты перекочевал ряд стандартных утверждений: православные священники ленивы, неизобретательны, безнадежно проигрывают состязание в идеологической борьбе. Совсем иное – сектантство. Сектант более гибок, опытен, хитер, популярен. В возродившихся в конце 1920-х гг. диспутах православные священники всегда – в изложении авторов репортажей –

были беспомощны, зато «куда мудрее, подготовленней и слащавее были оппоненты-баптисты». Соответственно и «сектантские организации» расценивались как более гибкие, изворотливые по сравнению с русской православной церковью» [6].

Начало коллективизации означало разрыв диктатуры большевиков со «старыми утопиями». В этот период жестоким гонениям подвергалась РПЦ. В 1905 году в статье «Социализм и религия» Ленин требует бороться с «религиозным туманом». Под лозунгом «Религия – опиум для народа» он воспитывал у большевиков чувство ненависти к религии и ее представителям. 20 января 1918 г. Ленин подписал «Декрет СНК об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», что развязало ему руки в борьбе с главным врагом коммунистической идеологии. О чудовищном терроре, организованном Лениным против духовенства и православной церкви свидетельствует отрывок из документа, подписанного Лениным 19 марта 1922 г.: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией,... Чем большее число... реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше», «Церкви и тюрьмы сравниваем с землей» [6]. К 1922 г. на свободе осталось всего 4 правящих епископа во главе с митрополитом Сергием. Комментируя сложившуюся ситуацию в 1918 г., Патриарх Московский и всея Руси Тихон в своем послании в СНК пишет: «...Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли в небывалое по жестокости братоубийство... Казнят епископов, священников, монахов и монахинь, не в чем не виновных... Особенно больно и жестоко нарушение в делах веры» [6]. Таким образом, провозглашенная большевиками свобода совести, оказалась злой шуткой правящей власти. В настоящее время в литературе появилась информация, что столь жесткое отношение советской власти к православной церкви инициировано «заговором масонских лож». Так, А. Кульский в своей работе «Голпа Розенкрейцеров» отмечает, что «в протоколах одного из заседаний французских «вольных каменщиков встречается имя В.Ленина. Речь идет о выделении Лениным как главой Совнаркома значительной суммы денег на восстановление масонского храма на

улице Каде в Париже»[7]. Однако эта версия не является для автора обоснованной, тем более вызывает сомнения подлинность цитируемого документа. Скорее справедлива точка зрения британских историков Бейджента Майкла, Ли Ричарда о «невозможности приписать ту или иную политическую ориентацию принадлежностью к масонству» [8].

В этом аспекте размышляет О.А. Воробьев «...сложно утверждать, что революцию готовили только большевики или, как говорил один бывший казанский адвокат – жидомасоны? В этом случае 90% жителей России должны бы были подпольно состоять в соответствующей партии. Скорее другое – революцию готовили и, отчасти, исполнили многочисленные русские секты. А шире и вернее – сектанское, еретическое, раскольническое сознание народа и его лучшей части – интеллигенции, отвернувшейся от христианства» [9]. По расчетам лидера кадетов П. Милюкова, к 1917 г. количество русских раскольников приблизилось к 25 миллионам[10]. Большевик В. Бонч-Бруевич оценивал количество сектантов в 35 миллионов человек [11]. Это и старообрядцы-раскольники, отнесенные большевиками к сектантам. Согласно информации английского путешественника Уильяма Диксона, в конце XIX в. к расколу принадлежали почти все крестьяне северного края, донские казаки, больше половины населения Поволжья и большая часть московского купечества. Фактически раскол составлял народную религию России «старообрядцы содержат шпионов, владеют секретными фондами, помещают своих друзей при прессе, посылают ко двору агентов» [12].

Огарев Н.П. отмечал «У нас раскол, несмотря на все правительственные преследования, сохранился почти у половины населения» [13]. Славянофил Иван Аксаков, участвуя в специальной экспедиции МВД в Ярославскую губернию в 1850-х гг., утверждал, что раскольников было три четверти от всего населения губернии. Экспедиция же обнаружила в 37 раз больше раскольников, чем числилось по официальным документам. Автор данного исследования придерживается точки зрения О.А. Воробьева относительно значительного влияния русского сектантства на революцию 1917 года в России. Он отмечает, что «о сектантском же происхождении большевизма, достаточно красноречиво говорит младогегельянское происхождение самого марксизма. ...действительно, для этой идеологии история, также как и для мистицизма имеет свой скры-

тый, «диалектический» смысл, в то же время доступный ряду посвященных лиц – в данном случае коммунистической верхушке. В свете изложенного становится ясным, почему именно русские богатые старообрядцы (Рябушинский, Морозов и др.) недвусмысленно и бескорыстно поддерживали социалистов и прогрессистов в их борьбе с православной монархией, почему в борьбе против православия использовались деньги баптиста Рокфеллера, Моргана, Томпсона и других американских спонсоров. В итоге все разговоры об «атеизме» революционеров и воспитанного им поколения строителей коммунизма оказываются слабой маскировкой их активного антихристианства, или обычного сектантства, пытающегося революционно-нигилистическим путем устранить религиозного конкурента.

За годы Советской власти, особенно в период коллективизации происходит возрождение запрещенных царским правительством сект. Этот процесс пророчески предвидел Н. Бердяев. В 1916г., в работе «Духовное христианство и сектантство в России» он писал: «Ощущение от совпадения духовной жизни на вершинах, на заострениях культуры и в самых низах народной жизни дает самую большую радость и надежду на грядущее русское религиозное возрождение. Религиозное возрождение может быть лишь народным». Например, совокупная численность зарегистрированных членов «сектантских» общин на начало 1925 г. составляла только в Омской губернии, являвшейся «колыбелью сектантства», 15.549 человек [14]. В Омском округе, по данным окружного совета Союза воинствующих безбожников (СВБ), в 1929 г. насчитывалось около 10,5 тыс. членов различных сект. По данным А. Долотова, написавшего в 1930 г. с помощью чекистов книгу о сектах в Сибири, численность только зарегистрированных «сектантов» составила 29,5 тысяч [15].

В начале 1929 г. раскрыты общины скопцов в Урицком районе Ленинградского уезда (40 человек), в Ленинграде (27 человек), в Москве и под Москвой (село Черкизово), в Саратове, во многих городах Сибири, на Дону. В Ленинграде на фабрике имени Желябова была своеобразная ячейка из оскопившихся работниц. В доме пророчицы Тупиковой жили обычно 20 женщин, готовящихся к оскоплению, «приближенных». Всего насчитывалось около 2 тысяч скопцов, объединенных цен-

трализованной организацией. Руководителем организации был бывший торговец Д. Ломоносов, проживавший в Москве. Ленинградскими общинами управляла Е. Тупикова. Д. Ломоносов в период нэпа открыл москательную торговлю, но его постигли неудачи, а затем полное разорение. Е. Тупикова до революции имела капитал в 35 тысяч рублей, занималась ростовщичеством. Большинство руководителей скопцов – бывшие торговцы, в деревне – зажиточные крестьяне. Проповеди скопцов носили монархическую окраску. На собраниях «корабля» в 1929 г. говорили: «Скоро будет царь, воссядет славой на престол российский, будет творить волю Господню... Даст он верующим и имущим царство небесное и полную свободу. Советская власть пришла от антихриста, и властвовать ей дано очень короткое время». «Воссядет царь со славой, с небесной державой,— даст детинушкам волю, полную свободу, разрешит явную торговлю, а злых антихристов – неугодных Богу коммунистов – посадит в неволю».

Руководители секты, чтобы избежать наказания, принимали соответствующие меры. Оскопление производил неизвестный новичку человек, который давал клятву держать втайне обстоятельства оскопления и вообще всю деятельность секты. На одного из скопцов, узнавшего имя своего «оскопителя», было совершено за короткий срок три покушения. Выхода из секты не было, человек постепенно смирялся со своим положением. Советская власть скопцов не трогала до тридцатых годов [16].

Второй раз скопцы оживили свою деятельность после войны, вербуя главным образом женщин, потерявших мужей, имелись случаи оскопления мужчин. В 1951 г. в Ростовской области руководитель скопцов Ломоносов оскопил родного брата, демобилизованного из армии. Современные скопцы отказываются от изуверских обрядов, заменяя их духовным оскоплением, т.е. просто отказом от супружеской жизни. Появляются духовное скопчество, девственники, безбожие рассматривается как путь к подлинному Богу, «Богу богов». В московской секте есть двое, оскопленные по всем правилам секты еще в 30-е гг., – некие Иван Калистратович и баба Оля [17]. Можно предположить, что количество последователей секты скопцов по России (с учетом пожилых приверженцев секты, посвященных в нее в 30-е гг.) составляет до 100-150 че-

ловек. Достоверная информация о деятельности секты скопцов отсутствует.

Исследователи советского сектантства классифицируют секты следующим образом (по А.В.Белову, М.К. Теплякову):

1. Колеблющиеся между религией и атеизмом.

2. Убежденные верующие, для которых вера в Бога стала сознательным убеждением.

3. Фанатики, которые представляют собой сравнительно небольшую группу верующих.

4. Течения отечественного происхождения этнического характера (молокане, духоборы), которые быстрее «подошли к своему закату», чем секты протестантские.

А.В. Белов, А. Демьянова считают, что гораздо в большей степени изменилось сознание русских сектантов – отдавая дань некоторым традициям, они проявляют равнодушие к религии. Важную роль в этой трансформации играет отсутствие воспроизводства сектантской идеологии в молодых поколениях. Исследователи говорят о низком образовательном уровне большинства членов сектантских общин, как правило, проживающих в сельской местности. «Современный верующий, входящий в состав сектантских объединений, имеет мало общего с сектантом, которого можно было встретить еще несколько десятилетий назад, а тем более в дореволюционные годы. Сегодня – это человек, который, хотя и не освободился от религиозных предрассудков, чаще всего честно выполняет свои гражданские обязанности...В сознании верующих все в большей степени будут находить место рационалистические, материалистические элементы, а чисто религиозные – размываться, трансформироваться, практически сходить на нет» [18].

Е.М. Ярославский, характеризуя портрет современного ему сектанта, отмечал, что «в сектантстве мы имеем значительный элемент крестьянства, который ищет выхода из религиозного мировоззрения. Но он сейчас еще не нашел настоящей линии и пока «находит» ее в сектантстве» [19]. А.И. Клибанов указывал, что «численный рост сектантства в 1917-1928 гг. не был характерен для всех видов сектантства. Христоверие, субботничество, духоборчество, молоканство не росли. Это были секты, пришедшие в упадок» [20]. В 20-е гг. была широко развернута

острая критика религиозно-нравственного учения Л.Н. Толстого и деятельности толстовцев. Характерным аспектом, указанным в работах этого периода является признание толстовства достаточно «влиятельным движением отдельных слоев населения, в особенности интеллигенции» (А.В. Луначарский), в силу чего мировоззрение толстовства подвергаются острой критике, как идеологически неприемлемые и противоречащие представлениям революционной эпохи о государственном и общественном устройстве, о гуманизме в целом. Толстовцы, открыто выступающие против войны, коллективизации признаются «крайне реакционной», «религиозной» сектой, уводящей народные массы от борьбы за их скорейшее освобождение. Толстовство рассматривается как разновидность русского сектантства, противоречащая целям и задачам коммунистического строительства. В советский период появляются *хорошо законспирированные новые* секты. Важная особенность нового сектантства – его обращение к повседневной действительности. Если религиозные и мистические учения прошлого подчеркивали свое неприятие греховного «мира», то «советское» сектантство, приспосабливаясь к запросам современников, утверждает, что религиозный опыт совпадает с самой жизнью – дом, быт, работа, дети соприкасаются с религией. Такой «религиозный опыт придает всему конкретному, что переживается в будничном опыте, абсолютное измерение, соотносит каждую единичность – с Единым. Такая позиция выгодна для сектантов, поскольку позволяет привлечь к себе как можно больше людей, вовсе не желающих порывать со своим привычным образом жизни. Характеризуя состояние русского сектантства в советский период, необходимо отметить парадоксальный факт его роста в годы Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия. Увеличилась численность сект баптизма, евангельского христианства. Изменился половой и возрастной состав сектантов – численность мужчин среди них из-за демографических изменений военного времени уменьшилась почти в три раза, доля молодежи уменьшилась вдвое. В 70-х гг. в СССР получили распространение восточные верования. Это были всякого рода заимствования из буддизма, индуизма, йоги. Декларируя свободу совести, КПСС идеологически преследовала инакомыслие и «зарубежные культуры».

Особую роль в адаптации восточных верований к условиям массового государства сыграло рериховское движение, возникшее еще до перестройки. Организованное в форме различного рода клубов и ассоциаций, в чистом виде оно не структурировалось в организации. Исследователи советского сектантства предлагают использовать второе название советских сект – «версии» – совокупность лиц, независимо друг от друга придерживающихся общих принципов религиозного поведения и самосознания. «Можно сказать, что версия – это особый склад религиозных формирований, свойственный именно социалистическому обществу, сама атмосфера которого препятствует социализации религиозных связей, образованию устойчивых контактов между верующими».

Таким образом, практически все секты-«версии» основой вероучения избирают согласие или несогласие с атеизмом и другими формами свободомыслия; тайный характер деятельности, что объясняется жесткой политикой государства и КПСС в отношении инакомыслия; в вероучении – обращение к древним историческим традициям, вера в мессианиззм русского народа; влияние восточных и западных современных форм религиозности; эсхатологическая окраска вероучения; изменение численности и качественного состава советских сект. В итоге вырисовывается следующая *концепция* – *изменение культурологических феноменов приводит к смене религиозных парадигм русского религиозного сектантства, т.е. русские религиозные секты, являясь составной частью общего культурного процесса, его отражением, первыми концентрируют в себе новые культурные особенности и запросы эпохи, становясь своеобразными культурными «пионерами», «культурной изнанкой», «контркультурными феноменами» (П.С. Гуревич), а в некоторых случаях «культурными катализаторами» (например, мистические секты во многом предопределили возникновение русского религиозного ренессанса конца XIX – начала XX в., оказали мощное воздействие на русских религиозных философов – В. Розанова, Н. Бердяева, В. Соловьева). Появление новых религиозных культов, сект-«версий» обусловлено сменой и взаимовлиянием мировых парадигм и культур, жестким преследованием традиционных вероисповеданий.*

Литература

1. Простое и сложное в социокультурологических концепциях // Двадцатый всемирный философский конгресс. Бостон, 1998.
2. *Михайлюк К.* Христианские большевики // Эл. адрес: http://religion.ng.ru/bogoslovie/7_sekty.html).
3. *Свиридов П.* // Голос истины. 1925.
4. *Эткинд А.* Хлыст. М., 1998.
5. Истоки зла. (Тайна коммунизма). М., 2000.
6. *Савин А.И.* Инфернальный враг. Протестантские церкви в сибирской прессе 1928-1930 // Электронный адрес – www.Zaimka.ru
7. *Кульский А.* Тропа Розенкрейцеров. Киев, 1999.
8. *Бейджент М., Ли Ричард.* Тайны древних цивилизаций. Храм и ложа. М., 2003.
9. *Воробьев О.А.* Революция продолжается // antisekta.da.ru
10. *Милуков П.* Очерки по истории русской культуры. Париж, 1931. Т.2.
11. *Бонч-Бруевич В.* Избранные сочинения. М., 1959. Т. 1.
12. *William H.Dixon.* Free Russia. New York: Harper, 1870.
13. *Огарев Н.П.* Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952.
14. ЦДНАО, ф.19, оп.1, д.49, л.21. В докладе «О развитии сектантства и состоянии антирелигиозной пропаганды в Омской губернии» по состоянию на 7 мая 1925 г. приводится более высокая численность баптистов, евангельских христиан, меннонитов, адвентистов седьмого дня и молокан – 16 931 человек // ГАО, ф.п.2, оп.1, д.948, л.32.
15. *Долотов А.* Сектантство в Сибири // Критика религиозного сектантства (опыт изучения религиозного сектантства в 20-х – начале 30-х годов). М., 1974.
16. *Белюсова Т.* Скопцы // Совершенно секретно. 1997. № 3.
17. *Эпштейн М.Н.* Пост-атеизм или бедная религия // Октябрь. 1996. № 9.
18. *Белов А.В.* Секты, сектантство, сектанты. М., 1978.

19. Ярославский Е.М. Как вести антирелигиозную пропаганду // Деятельности Октября о религии и церкви. М., 1968.
20. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.
21. Гибайдулина Р.Г. Новое сектантство как проблема религиоведения // <http://www.PHILOSOPHY.ru/library/epstein/02/ns.gibaidulina.html>.

Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ 6 января 2010 г.

УДК 21

ФЕНОМЕН ОККУЛЬТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Е.Э. Эгильский

кандидат философских наук, доцент

Статья посвящена феномену оккультизма в современной культуре. Приведены характерные черты оккультных доктрин, на основании которых предлагается выделение основных методов легализации, узаконивания таинственного, загадочного, непознанного: методы психологизации, позитивизации и расслоения реальности.

Ключевые слова: оккультизм, сциентизация, метод, реальность, оккультный феномен, неооккультизм, официальная наука.

Современный оккультизм представляет собою достаточно пестрое и противоречивое явление. Тем не менее, оккультные доктрины нашего времени в целом обладают рядом характерных черт, часть из которых имеет давнюю историю, часть же приобретены сравнительно недавно, – например, тенденция к «онаучиванию» – сциентизации, что нашло отражение в литературе [1, 2]. Но следует заострить внимание на довольно существенном моменте. Современные оккультные доктрины так или иначе стремятся обосновать, подтвердить и доказать существование та-

инстинктивного, загадочного, непознанного, то есть узаконить в условиях секулярной культуры существование того, что мы будем называть чудесным. Поэтому заслуживает особого внимания вопрос: каким именно образом это может осуществляться?

Мы будем исходить из предположения, что ряд характерных черт современных оккультных учений могут рассматриваться в качестве методов узаконивания – легализации чудесного (хотя ничто и не запрещает определять их как-то иначе в ином контексте рассмотрения). Мы посчитали необходимым особо выделить три метода, которые будем условно называть методами психологизации, позитивизации и расслоения реальности.

Первые два имеют непосредственное отношение к широко известной сциентизации оккультизма, когда его доктрины излагаются с помощью языка, заимствованного у науки. Собственно, эти методы и составляют сущность сциентизации оккультизма и превращения его в ряд паранаучных учений. Мы выделяем здесь две составляющие, рассматривая их как два отдельных метода. Это сделано для того, чтобы показать, что в одном случае речь идет о внутренней реальности человеческого «Я», а в другом – о внешнем мире.

Метод психологизации предполагает сведение оккультных феноменов к скрытым возможностям человеческой психики: чудо становится проявлением определенных возможностей человека. Последние, при этом, превращаются уже как бы в естественные, но доступные не всем. Или же они доступны в принципе любому, но только после соответствующей подготовки. Магические ритуалы превращаются в форму психотренинга, который может приобретать отчетливо различимую магическую окраску. Профессионалы – чудотворцы, именующие себя психологами и имеющие соответствующую академическую подготовку, сейчас вовсе не являются редким исключением.

В недавно опубликованной на русском языке работе Колина Уилсона постулируется существование некой «способности X», которой обладали первобытные люди и которая была оттеснена на задний план психики в ходе эволюции [3]. К.Уилсон проводит различие между магами – носителями «способности X» и колдунами, не имеющими таковой, но имитирующими ее действие в колдовских ритуалах. Представ-

ления подобного рода довольно стандартны для неооккультизма. Еще Теософское общество в момент образования ставило перед собой в числе других задачу изучения и раскрытия скрытых возможностей человека. Но при этом, по справедливому замечанию Питера Вашингтона, ученый может только предполагать наличие таких возможностей и подвергать эту гипотезу корректной проверке, в то время как оккультист уже исходит из того, что они, несомненно, есть [4].

Действительно, произнеся фразу, в целом не вызывающую возражения: «Человеческий мозг использует далеко не все резервы», оккультист получает едва ли не неограниченный простор для спекуляций. Объясняя необъяснимые факты (и еще вопрос – факты ли это?) необъяснимыми же способностями, мы в самом деле получаем шанс придать облик достоверного всему, что угодно.

Метод позитивизации предполагает обращение «теоретиков чудесного» к понятиям и концепциям, принятым в естествознании: в физике – в первую очередь, в биологии, астрономии, кибернетике и т.д. – едва ли не во всех науках, изучающих внешние по отношению к человеческой психике объекты. Оккультист приобретает облик ученого, идущего впереди официальной науки и включившего в круг рассмотрения то, что науке пока неизвестно, существование чего вообще отрицается или ставится под сомнение, а также и то, что с официальных позиций вообще не может быть объектом научного исследования. Это – факт широко известный и неоднократно обсуждавшийся. Мы ограничимся поэтому лишь несколькими наблюдениями.

Во-первых, очевидно, что оккультизм идет в ногу с научным прогрессом, что заметно по характерному изменению терминологии. «Астральное электричество» и «животный магнетизм» трактатов прошлого заменены «лептонными» и «информационными полями». Обычно используются термины, отсылающие к чему-то хоть и санкционированному наукой (действительно или нет – другой вопрос), но все же малоизвестному, обладающему, как предполагается, невероятными свойствами. Электричество, в отличие от гипотетических лептонных полей, рассуждения о которых часто вызывают скептическую усмешку специалиста, сейчас уже вряд ли может вызывать какие-то особые ожидания.

Во-вторых, достаточно строгая научная терминология в восприятии тех, кто не вполне ясно (или вполне неясно) представляет себе существо вопроса, превращается в поистине безграничную символику. Так, одними из наиболее распространенных слов-символов стали «энергия», «поле», «информация», «вибрация», «частота», «энергоинформационный обмен». Бессмысленно было бы ожидать от адептов «мира ображаемого» исчерпывающего ответа на вопрос наподобие: «Что конкретно вы подразумеваете под энергией?» Напротив, весь смысл в том, что мне как потенциальному читателю *не следует* подразумевать ничего конкретного. Создается на первый взгляд парадоксальная ситуация, когда только бесконечные соскальзывания и вариации смыслового содержания могут заставить воспринимать в качестве осмысленных рассуждения, подобные приводимым ниже.

«Можно спорить, существует ли глобальное энергоинформационное поле Вселенной, или в этой Вселенной обитает множество различных энергоинформационных сущностей или полей, т.к. в форме энергетических полей они и существуют. Это не суть важно для космоэнергетики. Космоэнергетика нацелена на контакт с ними. ... Первые частоты, пришедшие к людям, ...откликнулись на просьбы и призывы к исцелению» [5, с. 7]. Эзотерический язык современного оккультизма довольно часто эзотеричен не в большей степени, чем язык научно-популярной публикации, особенно в сравнении, например, с действительно эзотерическим языком позднеантичной или средневековой алхимии. Поэтому, видимо, любой колеблющийся в признании «иной реальности», но не склонный считать подобные заявления полной нелепицей, может увидеть в таких фразах нечто знакомое хотя бы понаслышке: «А, энергия, вот оно в чем дело! Понятно». (Используется и противоположный прием: намеренная необычность, вычурность языка. Но об этом приеме мы скажем позже).

В-третьих, отметим, что имитируется не только язык, но также структура и функции науки. Например, в том же выпуске, откуда взята предыдущая цитата, обсуждается «проблема» происхождения фантомных двойников человека. Приводится ряд объясняющих гипотез, например: «Согласно новейшей гипотезе, в тонком мире длительное время или даже вечно существуют энергоинформационные сущности, которые

формируют для себя материальное тело в чреве матери. Потом они сохраняют обратную связь с человеком в течение всей его жизни, а после смерти путем реинкарнации перевоплощаются в другое тело. ...эти сущности... могут создавать себе еще одну такую же земную оболочку – фантомного двойника. Зачем они это делают, неизвестно» [6, с. 5]. Перечень «научных» гипотез, упоминание имен профессоров, о которых читатель, разумеется, ничего не знает, также создает впечатление узнаваемой и характерной ситуации «мозгового штурма» сложной научной проблемы.

Метод расслоения реальности может рассматриваться как в известном смысле базовый для «теорий чудесного». Он как бы задает систему координат для локализации чудесного. Его смысл – в постулировании различных уровней или планов реальности. При этом «наша реальность» становится одним из этих уровней или планов, а чудесное локализуется в иных областях. Тем не менее, утверждается, что уровни реальности взаимосвязаны и проницаемы друг для друга. Это достаточно известная в истории культуры форма представлений о мироздании, восходящая, в конечном счете, к архаическим космогониям и прослеживаемая в очень многих традициях. Ее использование в современной ситуации создает двоякий эффект.

С одной стороны, источник чудесного выводится за пределы обыденного и тем самым узаконивается там, где, очевидно, возможно все. И тогда уже приобретает законный характер все странное, вычурное, необычное, подобное, например, языку сообщений махатм в сочинениях Е.И. Рерих. Весть, доносящаяся из иных миров, вполне может (и едва ли не обязана) быть не похожей на все, имеющее отношение к обыденности.

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие как своеобразие языка, так и «расслоение реальности»: «Когда сознание удерживает процесс, являющийся ментальным, тогда стираются границы между физическим и астральным. Космический Магнит – сила двуначальная, сила, влекущая к разворачиванию, утончению, к совершенствованию и ярому усилению мощи в соответствии с частотой и утончением ее. Фокус Космического Магнита нашей Вселенной уявлен в центре кольца Млечного Пути, уявляющего как бы границы нашей Вселенной. ... Мы

можем уявлять знание нашей Вселенной и по аналогии уявлять предположения о существовании дальнейших и еще более обширных Вселенных. ... Моя Заповедь новая о ярой любви к красоте есть основа Бытия и движения к устремлению ввысь, в сферы прекрасные сиянием фохатическим и Материи Люциды» [7, с.40-41].

Но, с другой стороны, чудесное все же остается элементом нашей, хотя и несколько трансформированной реальности. Описание иных уровней реальности подразумевает оперирование пространственными образами, предполагающими горизонтальное (параллельные миры) или вертикальное (высшие и низшие миры) расслоение мира. Иные уровни не рассматриваются как трансцендентные – они остаются «нашим миром», хотя и с несколько измененными характеристиками. Не случайно в оккультной терминологии широко используются выражения «тонкая реальность», «тонкие миры». Мир, расслоенный подобным образом, не предполагает онтологического разрыва, пропасти между различными составляющими. Фактически, чудесное оказывается включенным в наш мир, но имеющий только более сложную и не заметную обыденным взглядом структуру.

Приведем пример, в котором «расслоение реальности» представлено в виде структуры «информационных полей»: «Чем выше градиент поля, тем выше его информационный уровень. Самый низший – уровень информации о нашей повседневной жизни, уровень планеты Земля: проснулся, позавтракал, пошел на работу... Второй – уровень нашей астрологической натальности, или информационный уровень Солнечной системы: родился, женился, пошел служить в армию... Третий уровень – галактический, к примеру, хранит информацию об истории целой страны, этноса. И так далее ... Через «n+1» уровней ИП (Информационных Полей – Е.Э.) мы выходим на Абсолют» [8].

Довольно часто расслоению подвергается не только физическая вселенная, но и психика человека. В таком случае высшим планам бытия ставятся в соответствие высшие уровни сознания. Вполне возможно полное отождествление: по распространенной оккультной терминологии «астральный план» означает уровень эмоций, «ментальный план» – уровень интеллекта и т.д. Аналогии этим представлениям также можно обнаружить в истории культуры, но мы отметим их значение в совре-

менной ситуации для легализации чудесного: продвижение к высшим уровням бытия, где адепта ожидает встреча с чудесным, означает переход на более высокий уровень сознания. Поэтому колеблющемуся в признании чудесного как бы подсказывается вывод, что он просто находится на низших уровнях интеллектуального и нравственного развития. «Вставший на Путь», несомненно, со временем включит в круг привычного все, что до этого представлялось ему сомнительным.

Подведем итог. Рассмотрение ряда существенных черт «теорий чудесного» позволяет сделать вывод, что его легализация происходит во многом благодаря своеобразной «мимикрии» (что, однако, вовсе не означает сознательного обмана со стороны «теоретиков», скорее, такова внутренняя логика самой ситуации). Представления и верования, традиционно относившиеся к магико-религиозному комплексу, приобретают облик, соотносимый в настоящее время с секулярными областями культуры. Много лет назад Мирча Элиаде ввел, хотя и в ином контексте, понятие «крипторелигиозность» [9]. В настоящее время это понятие, как мы считаем, может получить большое эвристическое значение.

Литература

1. *Гуревич П.С.* Возрожден ли мистицизм?: Критические очерки. М., 1984.
2. *Магический кристалл: магия глазами ученых и чародеев.* М., 1992.
3. *Уилсон К.* Оккультное. М., 2001.
4. *Вашингтон П.* Бабуин мадам Блаватской. М., 1998.
5. *Воеводин Д.* Космоэнергетика: прорыв в будущее // Тайная власть. 2004. № 10.
6. *Демкин С.* Двойники Сталина. Эти сущности приходят к нам из тонкого мира // Тайная власть. 2004. № 10.
7. *Беседы с учителем. Избранные письма Елены Ивановны Рерих.* Рига. 2003.
8. *Рогожкин В.* Эниология. <http://www.enio.aaanet.ru/book/>
9. *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

А.Е. Юнак

кандидат философских наук

Анализируются некоторые аспекты диалога культур в современном философском и культурологическом пространстве. Показано, что проблема диалога культур является названием комплекса смежных проблем, таких как взаимопонимание и понимание, менталитет и исторически сложившееся мировоззрение, взаимоотношение культуры и языка и многие другие.

Ключевые слова: диалог культур, менталитет, язык

В философских и культурологических исследованиях все чаще звучат слова о чрезвычайной роли диалога в жизни современного общества. Несмотря на то, что тема существует довольно продолжительное время, ее актуализировали в своих произведениях зарубежные и отечественные философы, такие как М. Бахтин, В.С. Библер, Н.И. Конрад, Е.В. Завадская, Л.И. Ремпель, А.В. Уотс, М. Бубер, Ю. Хабермаса, в ней еще остается много неясного, требующего уточнений. Не поняв сущность диалога культур, не раскрыв всю широту и глубину этого понятия, невозможно решать ни одну из существующих проблем во взаимодействии различных культур. Между тем, дела в этом плане обстоят не так хорошо как хотелось бы.

Ряд проблем, связанных с диалогом культур, продолжают возникать в философском и культурологическом пространстве. Биологически свойственная человеку ксенофобия; недостаточность так называемой «страноведческой компетенции»; недостаточность (односторонность) так называемого сопоставительного подхода, констатирующего сходство и различие культур; опасность мистификации, подмены культурных

ценностей фольклором, что превращает их в товар, обмениваемый на широком рынке, и где вместо понятия «диалог культур» возникает понятие «обмен продуктами культуры». Вышесказанное позволяет утверждать, что проблема диалога культур является названием комплекса ряда смежных проблем, таких как взаимопонимание и понимание, менталитет и исторически сложившееся мировоззрение, взаимоотношение культуры и языка и многие другие.

Так, без необходимости изучения и стремления понять «другого» вряд ли можно представить диалог двух субъектов. Здесь понимание возникает как сложный процесс поисков смысла, искусство смыслового постижения знаков, в данном случае знаковых систем культуры – языковых, письменных, художественных, являющихся составными частями сложного многоаспектного понятия культуры. Оно является частью человека, его движения по пути познания мира и собственного развития. Процесс, требующий от личности некоторых качеств, таких как терпимость к «другому», терпимость к чужим мнениям в противоположность жесткому набору своих собственных мнений, в сравнении с лютеровским «Я здесь стою и не могу иначе», смелость в выдвижении гипотез в поисках смысла интерпретаций. Процесс, требующий определенного развития фантазии, метафоричности, образности для понимания смыслов, заложенных в произведение автором, независимо от того, к какому искусству относится это произведение, к какому жанру принадлежит. Понимание всегда связано с диалогом личностей, диалогом искусств, диалогом культур. Для диалогического рассмотрения важно также понимание в герменевтическом смысле, который, вкладывается в термин «понимание» философией жизни, т.е. «вживание», «вчувствование», постижения духа иной культуры. Человек, глубоко интересующийся тем или иным предметом, знает о том, как это происходит, но всегда остается разность личностного опыта, оставляющая свободу творчества для интерпретатора смыслов.

Понимание другого человека, как и культуры, предполагает также и взаимопонимание «Я – ты» как онтологически различных личностей, обладающих актуально или потенциально различными культурами как в малом круге личностного опыта, так и в большом круге культуры этноса, к которому может принадлежать человек.

Предполагается, что взаимопонимание является естественным результатом общения между субъектами посредством языка. Но взаимопонимание слишком сложный феномен, чтобы его появление можно было ожидать, опираясь на случай. Взаимопонимание представляет собой также многоаспектное понятие. Так, одной частью является социологический аспект: осознание общности, приобщенности всех ко всем, зависимость и взаимопроникаемость одной культуры (цивилизации, народа, страны, общества) в другую. Важен социокультурный аспект, когда каждая сторона общения приобретает статус субъекта, на чем и основано речевое и неречевое поведение человека. Аксиологический аспект, только осознание и понимание ценностей другой культуры (конечно, при условии того же отношения к родной культуре) обеспечивает взаимопонимание, основанное на взаимоуважении, а не на так называемой толерантности, которая может употребляться не в самом лучшем из своих смыслов. Необходимо отметить психологический аспект. Желание понять другого и быть понятым всегда ведет к координации, к сотрудничеству, к со-действию, что возможно лишь при условиях, когда предмет общения становится личностно значимым для обоих собеседников при личностном контакте, проявляются отношения сопереживания, эмпатии и вступает в роль эмоциональный контакт; оба общающихся принимают ситуацию как систему взаимоотношений, и, наконец, понимают ее, снимают смысловые барьеры. При взаимопонимании, если оно имеет место быть, культура другого становится частью своей собственной культуры. Так, присвоенная культура не всегда проявляется в общении, но всегда подразумевается, как невидимая часть айсберга – «общающихся объединяет не то, что они говорят (это часто их разъединяет), а то, о чем они молчат, хотя и знают: это их пресуппозиция, их ситуативная позиция». Без этого мы вряд ли сможем говорить о взаимопонимании, и далее о принятии чужого менталитета.

Менталитет является одной из составляющих теории диалога культур, особенно в рассмотрении цивилизационной специфики или о национальной ментальности, национальном характере. Термин «ментальность» часто используется как понятие производное от другого, ныне модного термина «менталитет». По мнению ряда исследователей, менталитет – то же, что и традиционное сознание, то есть – «система миро-

воззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся в процессе социализации», также включает в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах. Ментальность выступает как некая совокупность бессознательных комплексов, складывающихся в процессе адаптации к окружающей природно-социальной среде и выполняющих в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию. Эти бессознательные образы, включенные в систему этнических констант, тем или иным образом определяют характер действия человека в мире. Последний специфичен для каждой этнической культуры. Ментальность – это система этнических констант, которая является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир.

Рассмотрение ментальных особенностей сознания той или иной социальной группы позволяет проникнуть в «скрытый» слой общественного сознания, более объективно и глубоко передающий и воспроизводящий настроения эпохи, или этноса.

Именно поэтому изучение образа мыслей людей, конкретных и образных картин мира, запечатленных в сознании, рассматривается как возможность понять логику исторического процесса как в целом, так и применительно к отдельным историческим феноменам.

Изучение менталитета разных народов может рассматриваться как метод изучения общественных и цивилизационных структур исторического процесса в целом, т.е. изучение менталитета выступает как метод исторического познания.

В межличностном общении, особенно в контексте диалога культур, столкновение с другим у субъектов диалога может вызвать различные эмоции от настороженности до восторга, до появления желания узнать больше о носителе другой культуры или о самой культуре и ее традициях. Это также не может не влиять на вхождение в чужой менталитет, а следовательно и на взаимопонимание, и на диалог культур, когда чужой менталитет становится не таким чужим, становится ближе.

Когда речь идет о национальном менталитете, мы называем типичные национальные характеристики, которые вовсе необязательно присущи, во-первых, каждому представителю нации, а, во-вторых, вполне могут быть свойственны и представителям других наций, но

складываются они на базе развития языка и культуры с ее специфическими особенностями присущими той или иной нации в тех или иных исторических контекстах, которые, впрочем, также могут меняться под влиянием изменяющейся исторической ситуации. Для примера можно привести Японию, где уровень жизни и социальная ситуация в стране изменились, по сравнению с исторической, за очень короткое время, что повлекло за собой изменения в характерах людей следующего поколения. Современная молодежь Японии «очень мало похожа на отцов и совсем не похожа на дедов». Одной из причин таких изменений называют заработанное ими социальное благополучие, тот небывалый экономический рост, произошедший в этой стране за последние десятилетия, что повлекло за собой избавление от многих «расовых, национальных и социальных комплексов». Так, типичному японцу приписывали бесхитрость, некоторую чувствительность, свойственную почти экзотическую честность, трудолюбивость и «абсолютную предсказуемость». Новое поколение, не знавшее нужды, чувствует себя в современном мире, в том числе и зарубежном, вполне уверенно и комфортно. «Синдзинруй» (так в Японии называют новое поколение) отличается «раскованностью, приличным знанием иностранных языков, легким отношением к вопросам семьи и брака, нежеланием надрываться на работе и вдумчивым отношением к досугу», что как правило вызывает осуждение у старшего поколения. Но при всем этом нация не утратила своей национальной неповторимости. Это как раз и является одним из базовых признаков Японского национального характера. На этом, в частности, строится вся японская культура, в которой при постоянном изменении, возникновении новых направлений и школ, очень бережно сохраняется весь опыт своей истории.

Менталитет, понимание и взаимопонимание являются некоторыми составляющими сложной проблемы диалога культур. Говоря о диалоге культур в современной ситуации – это уже не только их взаимопонимание, но и участие в разработке новой системы ценностей, призванных стать основой безопасного и устойчивого развития человечества. Эти новые ценности не редуцируются ни к западной, ни к восточной традиции, а выступают в роли особого избирательного синтеза идей, некой саморазвивающейся единицы.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. *Демьянков В.З.* Загадки диалога и культуры понимания // Текст в коммуникации. М., 1991.
3. *Чхартишвили Григорий.* Но нет Востока и Запада нет // Иностранная литература. № 9. М., 1996.

Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ

5 января 2010 г.

УДК 152

СТИЛЬ ЛИЧНОСТИ – СТИЛЬ ИНТЕРЬЕРА

Е.М. Сурова

кандидат философских наук

Рассматривается интерьер как часть архитектуры. Обращается внимание на формирования вкусов и индивидуальных стилей в различные исторические периоды. Как показывает исторический анализ, каждая культура представлена стилевой системой с определенным социально и исторически обусловленным соотношением индивидуальных, групповых, общекультурных факторов. Выявлены причин возникновения стилевого многообразия в XX в.

Ключевые слова: архитектура, дизайн, интерьер, стиль

Интерьер как часть архитектуры является слагаемым культуры своего времени и общества. Его относят к наиболее мобильным формам зодчества, он чутко реагирует на любые изменения во вкусах, общественных настроениях и социальных переменных. Интерьер характеризует время – в нем с особой яркостью отражается мировоззрение и стиль каждой эпохи. Творчество дизайнеров называют процессом коммуникации, потому что архитектура и интерьер вступают в диалог с человеком.

Многие художники считают своей задачей именно общение с окружающим миром.

Выразительные художественные средства (т.е. язык архитектуры и дизайна) в разное время были разными и в рамках одного периода в большей или меньшей степени канонизированными. Эта канонизация – следование общим принципам, использование схожих приемов, деталей, материалов и др. – позволяет разделять историю развития интерьера, как и всю историю искусств, на стили и делать их узнаваемыми. Йохан Хейзинга писал: «...романский стиль, готика, ренессанс, барокко – все это в первую очередь названия определенной формы выражения пластической способности искусства. Таким образом, каждый век или период имеет для нас свою эстетическую примету, свое многозначное имя» [2, с.188-190].

В Средние века украшенное здание церкви называли *biblia pauperum* – библия для бедных, в чем проявился прагматизм готики. В те времена декор сакральной архитектуры – живопись, резьба и скульптура – создавался для того, чтобы человек, не знающий латыни, понял значение литургии визуальным путем.

Иначе рассматривали значимость интерьера в Новое время. Барочные помещения с аллегорическими элементами и классицистические – с античными «цитатами» – несли информацию об устремлениях своей эпохи, когда декоративная красота считалась не менее существенной, чем содержание. Эстетическая и содержательная стороны здесь были настолько взаимно связаны, что одна раскрывала суть другой и наоборот.

До второй половины XIX в. смена канонизированных систем происходила периодически, плавно, со сравнительно короткими переходными этапами. С середины XIX в. в архитектуре и в интерьерах происходит быстрая смена стилей, а зачастую, и одновременное их смешение, эклектика.

В XX в. в архитектуре произошел революционный сдвиг в понимании пространства, формы, конструкции, рациональности и комфорта, интерьерного дизайна и материалов, цвета и света. Для искусства этой эпохи характерно изобилие выразительных средств, возникновение разнообразных течений и стилей (функционализм, экспрессионизм, по-

стмодернизм и др.). При этом существенно, что за терминами кроются не только формальные признаки, но и специфическое визуальное постижение эпохи.

Одной из главных причин возникновения стилевого многообразия в XX в. является экзистенциалистское видение мира, акцентирование роли индивидуальности, а в связи с этим – и отсутствие всеобъемлющей картины мира. Искусство такой эпохи не может отличаться стилевым единством, так как характеризуется избытком информации, многообразием возможностей и творческих индивидуальностей. «Первоначальное единство субъекта и объекта, предполагавшееся фактом единства стиля, распадается в силу стилевого многообразия современной культуры», – отмечает Л.Г. Ионин. [3, с. 196].

Экзистенциальные поиски в искусстве привели к его экспрессивности. Сейчас наша жизнь, культура, весь мир настолько усложнились, что это грозит утерей сущности. Поскольку в нашем представлении развитие всегда идет от простого – к сложному, архетип, или прообраз, ассоциируется с чем-то простым или примитивным. Упрощение формы в современном мире и связано непосредственно с поисками архетипа.

Контекстуальность (как визуальная, так и содержательная) вызывает определенные эмоции. В искусстве интерьера их причиной может стать извлечение из привычного контекста отдельного предмета, мебели или детали оформления или их необычное использование. Ясные и простые архетипические образы приобретают свои особенности и значимость через деталь, акцент, нюанс. Этот феномен проявляется как в отдельном предмете, так и в решении всего интерьера. Зачастую форма, цвет и местонахождение детали становится ключом к пониманию контекста. «Архитектурное сооружение пытается выразить и символизировать не только свой явный смысл и единственную функцию, но и скрытые функции и значения», – пишет об архитектуре постмодернизма П. Козловски [4, с.179].

Среди сложившихся к концу XX в. архитектурных стилей выделяют: старый и новый модернизм, постмодернизм, new wave (новая волна) – как ансамбль, состоящий из многих стилей. Критики отмечают различие между работой в стиле (a style) и со стилем (with style), что показывает, насколько гибким средством являются стили разных периодов в

руках современных дизайнеров, использующих их то порознь, то соединяя, то копируя их (что особенно характерно для искусства постмодернизма).

На путях обогащения художественного языка интерьера, создания его плюрализма отсутствуют сейчас канонические ограничения, так как в постмодернизме все, принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как представление о ней, зависящее от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления. Приметы нашего неустойчивого периода существования – отсутствие «большой единой идеи», стремление к личностной оценке любого явления, приоритет индивидуального «авторского» подхода в создании художественной среды интерьеров.

Искусство, в том числе архитектура и дизайн, – сугубо лично. Без личности нет стиля. По выражению О. Шпенглера, стиль в культурах – это «биение пульса самоосуществления» [5, с. 91]. То есть – это способ и форма самоидентификации субъекта культуры, когда его лицо, образ, имя неотделимы от его существа.

Как показывает исторический анализ, каждая культура представлена стилевой системой с определенным социально и исторически обусловленным соотношением индивидуальных, групповых, общекультурных стилей. Стилевая система указывает на взаимопереходность, взаимоотражение и дополнение друг друга в культуре индивидуального и общего, являющихся сторонами культурной целостности.

Именно в эпоху постмодернизма (когда истина уже не является ответствием идеи и формы) «стиль», как кажется, становится тем решающим понятием, которое позволяет переоценить традиционно негативную оценку потери истины. Благодаря своей способности совмещать поверхность (форму) со смыслом (или со значением), понятие стиля становится программным положением для художников и философов. Стиль в искусстве становится концептом истины с возможностью быть множественной. Поскольку единственность и универсальность – категории истины, то множественность и специфичность – характеристики стиля. Одно и то же содержание не может быть выражено в той же манере в разное время. Стиль признается многими художниками, как принцип, обеспечивающий способ ориентации.

Говоря о стиле, следует уточнить, что существует еще «что-то особенное и специфическое ... в поведении, образе жизни и способе самовыражения человека, социальной группы, социального слоя или даже целого народа, то есть мы имеем в виду особенную манеру писать, действовать, жить» [3]. Обычно мы называем это стилем личности. Потребляя духовные ценности, человек формируется как личность и в этом качестве выступает и как объект, и как субъект духовного производства. Каждая эпоха – это сложное переплетение микромиров культуры, где человек – звено, связующее историю, социум, культуру. История культуры – это процесс поиска и обретения человеком себя как субъекта культуры.

По природе своего творчества архитектор видит создаваемый интерьер «извне», с некоторого отдаления, как нечто целое и законченное. А реальное жилище формируется изнутри, с позиции обитателя, на близком расстоянии; оно постоянно изменяется в процессе жизни, приспособляется к меняющимся бытовым ситуациям, трансформирующимся вкусам и потребностям. Оно строится и живет по законам быта, а не архитектуры. Жилой интерьер – это визитная карточка, творческое воплощение личности в нем существующей, отражение того, как человек понимает и воспринимает созданный человечеством культурный мир, и является выражением и следствием определенной, индивидуально сложившейся шкалы ценностей. Неслучайно повседневность, быт и жилище все чаще являются объектами исследования философов, культурологов, антропологов, историков.

Одним из механизмов, с помощью которых индивид проявляет свою социальную, национальную, политическую или иную принадлежность, является вкус – это в той или иной мере эстетизированная форма индивидуальных потребностей способность личности оценить достоинства (или недостатки) эстетически значимых явлений и объективизировать эти представления в конкретной деятельности (например, при организации предметно-пространственной среды). Структурируя индивидуальное поведение (потребление или творчество), вкус обнаруживает свою природу, демонстрируя в каждом эстетическом предпочтении определенный опыт, отношение к жизни, и, наконец, социальное положение личности. Именно об этом пишет Ж. Бодрийяр: «Наша свобода выбо-

ра заставляет нас волей-неволей вступать в систему культуры» [6, с.116]. Творчество формирует индивидуальный мир культуры благодаря своей личной уникальности и, отчасти, зависимости от общекультурного фона. А уникальность творчества (в том числе обустройства собственного жилища) и заключается в личностной трактовке.

Сегодняшняя культура представляет собой систему с большим числом возможностей и отсутствием диктата со стороны морали, религии и даже моды. В ней скорость коммуникации, стремительность распространения новых форм, по словам Бодрийяра, подобны вирусному заражению. В этом смысле миру, и дизайну в том числе, угрожает энтропия: вещи становятся похожими друг на друга. Степень чувствительности человека к предметам и к дизайну все увеличивается. Расстояние между нами и вещами укорачивается. Интерьер и мебель изучают социологи и психоаналитики. По форме кресла можно судить о модели поведения, которой следует его обладатель. Сегодня, например, принято сидеть в стиле «clubbing» (от слова «клуб»), то есть демонстрировать свободу, а не условность. В таком же ненапряженном разговорном стиле ведутся телепередачи, пишутся статьи и заключаются сделки. Цель – ускорение и облегчение коммуникации.

Мебель также выражает и противоположный стиль поведения – максимальную концентрацию, когда, например, стул для компьютера уподобляют сиденью мотоцикла (проекция ощущения скорости и энергии движения на интеллектуальную работу).

В последние годы в интерьере считается актуальным смешение разных стилей: классики и хайтека. Востока и Запада искусственного и природного. В качестве источника вдохновения у дизайнеров фигурирует все разнообразие жизни. При этом часто используется ироничное цитирование. Х. Ортега-и-Гассет считает общим симптомом нового стиля «перемещение искусства из сферы жизненно «серьезного» [1, с.265].

Стиль жизни нынешнего молодого поколения next характеризуют небрежность и раскованность. В одежде эта манера выражается в однородности, унификации. Мода с наигранным безразличием игнорирует парадную сторону жизни и не желает признавать различия положений, ситуаций и даже полов (стиль унисекс). Молодое существо всюду себя ощущает естественно, как дома. Мебель для поколения next располагает

к именно такому поведению. Низкие и глубокие диваны, круглые или бесформенные пуфы без ножек, пластиковые кресла – в них проваливаешься (это драйв), увязаешь (это лайф), расслабляешься (это кайф). Если пол белый и пушистый, то стены, напротив, должны быть грубыми и суровыми. Они оклеиваются постерами и портретами любимых музыкантов, афоризмами древнекитайской мудрости и английскими куплетами...

Взрослые люди играют в собственные игры. «Элита» стремится противостоять единству городской ткани, укрываясь в замкнутых особняках. В этом проявляется глубоко интимная человеческая потребность «отгораживания» от остального мира («дом-крепость»). Здесь понятие дома оказывается близким понятию рая как идеального местопребывания. Обязательная защищенность, отгороженность дома от постороннего взгляда и вторжения также смыкается с древним обозначением рая (парадиз – от др.-иран. *pari-daeza*, «отовсюду огороженное место») [7, с.363]. Растущее социальное неравенство в российском обществе и противостояние его слоев отражается в создании и обустройстве собственного жилья, роскошных дорогих, но зачастую безвкусных строений. Впрочем, по мнению специалистов, в пестрой картине строительства элитарного жилья появляются иногда эффектные формы и нестандартные образцы.

Между тем, стало очевидным явление формирования вкусов и индивидуальных стилей, определяемых мнимыми потребностями и прихотями или же искусственно сфабрикованных модой, рекламой, ображениями престижа и т.п. Все богатство человеческих потребностей, которые способны гарантировать полноту жизни, – потребности в познании, любви, истине, красоте, и др., зачастую сводится к одной – потребности потребления.

Великий архитектор современности Ле Корбюзье построил на берегу Средиземного моря домик площадью 3,66 м на 3,66 м с двумя квадратными окнами и узкими бойницами для вентиляции. Здесь он проводил все летние месяцы. Единственная комната Хижины, с дощатым полом солнечно-желтого цвета и фанерными стенами, являет собой урок изысканного аскетизма. На небольшом пространстве собрано все, что необходимо для жизни: стол на одной ножке-опоре, кубической формы сундук на колесиках, койка с жестким изголовьем и вагонным светиль-

ником вместо бра, табуретки – ящики из-под виски, шкафчик-умывальник – старший брат нынешних «мойдодыров» – и унитаз, отделенный от кровати одной-единственной драпировкой. Такое пространство считал идеальным для жизни один из величайших архитекторов современности.

Литература

1. *Ортега-и-Гасет Х.* Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991.
2. *Йохан Хейзинга.* Homo Ludens. М., 1992.
3. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учебное пособие. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2000.
4. *Козловски П.* Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития: Пер. с нем. М., 1997.
5. *Освальд Шпенглер.* Закат Европы. М., 1998.
6. *Жан Бодриар.* Система вещей. М., 1995.
7. *Аверинцев С.С.* Рай // Мифы народов мира. Т.2. М., 1988.

ПЕДАГОГИКА

УДК 371

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНОГО ВУЗА

М.А. Черкасова, В.П. Черкасов, Н.Ю. Тараненко

доктор философских наук, профессор,
кандидаты философских наук.

Анализируются проблемы формирования коммуникативной компетенции, связанные с развитием глобализационных процессов. В современном российском обществе важнейшими показателями успеха коммуникации у студентов как будущих специалистов социальной направленности являются прагматический и социально-психологический аспекты.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, межкультурная компетентность, креативная личность, поликультурное образование, межкультурный тренинг.

В настоящее время в соответствии с «Всемирной декларацией о высшем образовании для XXI века» имеет место беспрецедентный спрос на высшее образование и его широкая диверсификация наряду с все большим осознанием его решающего значения для социально-экономического развития общества. По определению ЮНЕСКО, XXI век должен стать «Веком образования». Следует отметить, что за свою более чем 400-летнюю историю отечественное образование по-прежнему является одним из ведущих в мире (в США только в 1979 г. создали Министерство Образования, в России оно было создано в 1803 году – почти более чем на полтора столетия раньше).

В современном мире инновационная деятельность неразрывно связана с креативными функциями личности в профессии. Ричард Флорид отмечал, что креативная личность «личность, деятельность которой является решающим фактором жизнедеятельности целого общества, – будь то в сфере культуры, образования, науки или бизнеса. Креативная личность формирует сегодня по сути новый общественный класс, который начинает определять не только развитие отдельных организаций, рост и процветание целых городов и регионов, но и мощь держав на мировой геополитической карте». Роль высшей школы состоит прежде всего в содействии формированию инновационного пути развития отечественной промышленности, то есть в активном участии вузов в реализации инновационных проектов в научно-технической сфере.

Филиал государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российский государственный социальный университет в г. Каменске-Шахтинском во главе с директором – Черкасовой Мариной Александровной – разработал и реализует инновационный проект «Формирование межкультурной коммуникативной и экологической компетенций студентов социального вуза».

В числе современных приоритетов отечественной системы образования ведущую позицию занимает ориентация на «рост человеческого капитала», актуализирующая акцент на личностном развитии молодого поколения россиян. Актуальность проблемы формирования коммуникативной компетентности студентов социальных вузов связана с рядом обстоятельств – развитием глобализационных процессов и противоречивым характером диалога культур, расширением миграционных процессов во всем мире, породивших потребность в новых формах межкультурного и межэтнического взаимодействия, а также с необходимостью оптимизации межнациональных отношений, потребностью в системном осмыслении способности разных социокультурных субъектов к коммуникации и ее анализа как целостного социокультурного явления.

Российское общество имеет очень сложную социальную структуру. Классификация социальных страт (слоев) общества проходит по разным критериям – гендер, возраст, место жительства, род занятий и т.д. Важно также учитывать то что отечественное общество является полиэтничным и поликультурным образованием. В России проживает

около двухсот народов, говорящих на разных языках и наречиях, придерживающихся разных традиций, обычаев, социальных норм, исповедующих разные религии. Эффективность взаимодействия человека с другими людьми во многом зависит от его знания особенностей культуры и психологии партнеров по взаимодействию, их собственных коммуникативных способностей, прошлого практического опыта и навыков социального общения.

В современных условиях повышается значение развития идеи поликультурного образования, и как ее центрального момента – повышения уровня социальной и культурной компетентности в образовательной среде. Особо это значимо для студентов вузов социальной направленности, которые в своей будущей профессиональной деятельности сталкиваются с различного рода коммуникативными барьерами общения, вызванными различием в социальном, политическом, этническом, образовательном, религиозном отношениях субъектов общения. Значимыми факторами компетентности человека выступают полученное им качественное образование, накопленный социальный опыт, умение профессионально применять знания на практике. На региональном уровне в вузах все более осознается потребность во введении регионального компонента в программу образовательных курсов, которые раскрывали бы особенности социокультурного, этнорелигиозного и политико-экономического бытия региона. Таким образом, в российском обществе актуализируется потребность в типе личности, владеющей необходимыми знаниями и навыками эффективного общения, способной эффективно преодолевать коммуникативные барьеры в условиях разнообразных межкультурных контактов.

Задачами современного межкультурного образования студентов социального вуза являются: личностное развитие каждого студента, что предполагает индивидуальный подход к нему; развитие этнической и культурной грамотности, т.е. достижение студентами определенного уровня информированности об особенностях истории и культуры имеющихся в обществе этнических групп – своей и «чужих»; осознание взаимовлияния и взаимообогащения культур в современном мире, развитие интегративных процессов; формирование этнокультурной компетентности, т.е. не только позитивного отношения к наличию в обществе

разных этнокультурных групп, но и умения понимать их представителей, взаимодействовать с представителями иных культур.

Коллектив сотрудников, привлекаемый к участию в проекте, обладает для его реализации достаточной исследовательской квалификацией, необходимыми техническими возможностями и значительным объемом базовой информации. Проблема проекта – одна из основных направлений исследований северокавказской научной школы. Эта тема нашла свое отражение в ряде научных статей, разделов коллективных монографий, а также в учебниках, учебных пособиях, словарях и энциклопедиях по регионоведению, политологии, истории, этносоциологии, культурологии (М.А. Черкасова; Ю.П. Тен; Н.Ю. Тараненко и др.). Эта тема отражена в ряде авторских спецкурсов, в тематике круглых столов, семинаров. На базе Каменск-Шахтинского филиала Российского государственного социального университета действует консультативная группа экспертов, проводятся научные семинары и студенческие конференции.

В современной отечественной науке актуализируется потребность в системном социально-философском и культурологическом исследовании феномена коммуникативной компетентности, выявлении ее места и роли применительно к различным социально-стратификационным и этнокультурным контекстам, анализе ее структуры и механизмов формирования.

Целью исследований, проводимых в филиале Российского государственного социального университета в г. Каменске-Шахтинском, является разработка модели формирования межкультурной коммуникативной и экологической компетенций студентов социального вуза и ее практической реализации в профессиональных контекстах специалистов социального профиля в единстве аксиологических, национально-специфических и коммуникативных компонентов. Достижение цели предполагает решение следующих научно-исследовательских задач:

- раскрытие содержания категории «коммуникативная компетентность» и видовых ее понятий;
- выделение основных структурных и функциональных компонентов коммуникативной компетентности и определение их содержательной характеристики;

- исследование сущностных характеристик межкультурной коммуникативной компетентности;
- выработка теоретико-методологических принципов формирования коммуникативной компетентности, а также разработка базовой программы кросс-культурного тренинга в соответствующей области социокультурной практики;
- исследование основных направлений развития поликультурного образования в современной российской высшей школе.
- определение структуры и содержания толерантного поведения в условиях межкультурной коммуникации, основанного на эмпатии, гибкости, некатегоричности;
- разработка принципов и комплексных активизирующих социолитностно-деятельностных технологий развития экологической компетенции студентов социального вуза, основанных на интерактивной коммуникации;
- обоснование необходимости формирования способности к межкультурной коммуникации в целях развития диапазона профессиональной компетенции студентов с учетом требований поликультурного мира.

Исследование носит междисциплинарный характер, опирается на философскую и общенаучную методологию, принципы системно-структурного и сравнительного анализа, исторического и социального познания. В результате исследований были получены определенные результаты. В современном российском обществе важнейшими показателями успеха коммуникации у студентов как будущих специалистов социальной направленности являются прагматический и социально-психологический аспекты.

Как показывает практика коммуникации, чтобы эффективно поддерживать разнообразные контакты и формы общения специалистам в области социальной работы необходимо знание норм, правил, традиций, обычаев и т.д. представителей разных социальных слоев и других этнических культур, религиозных традиций и норм поведения. Иными словами, разнообразные формы взаимодействия и общения представителей разных социальных классов, слоев и культур предполагают наличие у них необходимых теоретических знаний, психологических качеств и

практических навыков для эффективного взаимодействия, совокупность которых можно определить термином «компетентность».

Коммуникативная компетентность складывается из определенных качеств: способности личности прогнозировать коммуникативную ситуацию, в которой протекает общение; наличия коммуникативного исполнительского мастерства, т.е. умения найти адекватную теме общения коммуникативную тактику и реализовать коммуникативный замысел; способности разбираться в самом себе, собственном психологическом потенциале и потенциале партнера; владения навыками саморегуляции в процессе общения, включая умения преодолевать психологические барьеры¹.

Зарубежный ученый В. Хоуэлл выделил четыре стадии компетентности:

- 1) неосознаваемое отсутствие компетентности, когда человек интерпретирует поведение других ошибочно, не осознавая этого;
- 2) осознаваемое отсутствие компетентности, когда человек понимает, что неправильно интерпретирует чужое поведение, но не знает, что с этим делать;
- 3) осознаваемая компетентность, когда человек изменяет поведение, принимая во внимание факт взаимодействия с представителями другой культуры;
- 4) неосознаваемая компетентность, когда правильная модель стала частью привычной структуры межкультурного общения.

По мнению А.П. Садохина, компетентностный подход предполагает исследование способности субъекта эффективно реагировать на постоянно меняющиеся условия внешней среды и изменять ее в соответствии со своими потребностями.

С нашей точки зрения, коммуникативная компетентность может быть рассмотрено как качество, необходимое для эффективного взаимодействия с представителями разных социальных групп населения как носителей определенных культурных и религиозных традиций и оптимизации процесса межкультурной коммуникации. Отсюда актуализируется задача обращения к понятию «межкультурной компетентности».

---

¹ Садохин А.П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования. Автореф...докт. филос. наук. М., 2008. с. 29.

Межкультурная компетентность (лат. *competentia* – «принадлежность по праву», от гл. *competere* – «добиваться», «соответствовать», «подходить») – «позитивное отношение к наличию в обществе различных этнокультурных групп и добровольная адаптация социальных и политических институтов общества к потребностям разных культурных групп»².

Специфическими чертами межкультурной компетентности являются: открытость к восприятию психологических, социальных и других межкультурных различий; психологический настрой на кооперацию с представителями другой культуры; умение разграничивать коллективное и индивидуальное в коммуникативном поведении представителей других культур; способность преодолевать социальные, этнические и культурные стереотипы; владение системой коммуникативных средств и правильный их выбор в зависимости от ситуации общения; соблюдение этикетных норм в процессе коммуникации.

Значимыми факторами компетентности человека выступают полученное им качественное образование, накопленный жизненный опыт, умение профессионально применять знания на практике. В школьном образовании и социальном законодательстве должны подчеркиваться выгоды мультикультурализа. Это особенно актуально для российского многонационального общества.

В современном мире по мере расширения процессов глобализации и углубления межкультурных взаимодействий происходит возрастание значения межкультурной компетентности для представителей всех стран и культур. Реализовать данную потребность можно с помощью целого ряда активных методов обучения студентов социальных специальностей, из которых наиболее эффективным нам представляется метод тренинга, обеспечивающий комплексное усвоение не только теоретических знаний, но и практических навыков и умений, необходимых для эффективной коммуникации.

Главное предназначение межкультурного тренинга – снять социально-психологические трудности приспособления к иной культуре. По мнению Г.К. Триандиса, «одна из главных проблем при изучении куль-

---

² Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2002. с. 277.

туры – это убедить человека в том, что культурный тренинг – стоящее дело»³. Один из видов тренинга – самоанализ, ориентированный на развитие понимания того, как культура влияет на поведение человека. Достоинством этого метода является то, что участник тренинга со стороны может проанализировать свое поведение в конкретной ситуации.

Основная теоретическая задача межкультурного тренинга – познакомить обучаемых с культурными и религиозными различиями между народами, а практическая – применить полученные знания в ситуации непосредственного межкультурного и межэтнического общения.

Межкультурные тренинги делятся на следующие виды:

1) когнитивные (от лат. *cogito* – «мыслить») предоставляют информацию о другой культуре (об ее истории, религиозных обычаях и традициях, достижениях художественной культуры и т.п.);

2) поведенческие направлены на получение обучающимися практических навыков, необходимых в жизни в иностранной культуре (нормам поведения, правилам этикета, кулинарным традициям и т.д.);

3) атрибутивные (лат. *attributum* – «присовокупленное») объясняют социальное поведение иностранцев с точки зрения ценностей, норм и традиций их культуры.

Важное значение в образовательной практике в условиях высшей школы имеет поликультурное образование – молодое, динамично развивающееся направление работы с молодежью. Главная суть поликультурного образования – обучение людей разных национальностей и вероисповеданий пониманию друг друга и принятию таковыми, какие они есть.

В России существуют следующие теоретические идеи по поводу поликультурного образования: воспитание культуры межнационального общения (З.Т. Гасанов), многокультурное образование (Г.Д. Дмитриев), поликультурное образование в школе (В.А. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супрунова), воспитание культуры мира (З.К. Шнекендорф), этнопедагогическое наследие народов России (Г.Н. Волков, И.И. Валеев и др.).

Цель поликультурного образования – формирование «поликультурной грамотности личности». Поликультурное образование призвано решить следующие задачи:

---

³ Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. М., 2007. С. 338.

1. Изучение различных культурных моделей (через религию, традиции, обряды).

2. Формирование убеждений о равенстве всех культур и относительности любой ценностной иерархии.

3. Формирование толерантности как инструмента межнационального общения.

4. Формирование убеждения в недопустимости национализма и расизма, а также признания какой-либо одной культурной модели.

5. Изучение демократических ценностей и уважение прав человека при сохранении его самобытности⁴.

Обучение межкультурному диалогу открывает современному человеку большие перспективы: делает первый шаг по направлению к другим культурам; дает знание и понимание других культур; открывает теоретическое и практическое богатство других культур; позволяет осознать значимость необходимости учиться у других людей, обогащаться их опытом, понимать сходства и различия в культурах⁵.

Анализируя процесс формирования межкультурной коммуникативной и экологической компетенции студентов, наиболее значимые результаты исследования, обладающие признаками новизны, можно сформулировать следующим образом.

– конкретизировано понятие межкультурной профессиональной компетенции, которое характеризуется как целостное интегративное умение реализовать эффективную деятельность в профессиональной субкультуре с учетом ее культурно-специфических ценностей и норм;

– межкультурная компетенция рассмотрена как профессиональное качество личности, необходимое для эффективного взаимодействия с представителями разных социальных групп населения как носителей определенных культурных и религиозных традиций и оптимизации процесса межкультурной коммуникации

---

⁴ *Калачева И.И.* Поликультурное образование как механизм оптимизации межкультурного диалога молодежи Беларуси и России» // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. Материалы междунар. конф. М., 2008. с. 663.

– обоснована необходимость введения в структуру образовательного процесса студентов социальных вузов межкультурных тренингов как системы обучения межкультурной компетентности;

– разработана модель формирования профессионально-направленной межкультурной коммуникативной и экологической компетенций студентов социального вуза, которая включает поликультурную мировоззренческую ориентированность, толерантное поведение, позитивно-целевую коммуникацию в стиле сотрудничества.

Теоретико-практическое значение исследования определяется тем, что в теоретическом плане значимость данной работы связана с разработкой новых подходов в научных изысканиях, основанных на комплексном использовании знаний смежных наук в изучении межкультурной и экологической коммуникативной компетентности. Практическая значимость работы определяется возможностью использования результатов исследования:

1) в ходе подготовки и переподготовки руководящих кадров государственной службы, а также управленческих структур регионального и муниципального уровней; органами управления, принимающими решения в области межнациональных и межкультурных отношений, при разработке стратегии межнационального общения, при устранении межэтнической напряженности между различными этническими общностями;

2) в различных видах профессиональной деятельности, связанной с межкультурным взаимодействием, т.е. при проведении миротворческих и специальных операций в полиэтнической социокультурной среде, в подготовке и повседневной работе сотрудников таможенных органов, при обучении и подготовке специалистов в области средств массовой информации, культурологи, психологии и социальной работы;

3) при разработке курсов лекций по социологии, культурологии, межкультурной коммуникации, психологии; при разработке специальных учебных курсов разной направленности по проблемам межкультурного общения, предназначенных для системы высшего образования,

---

⁵ Результаты международного социологического опроса ЮНЕСКО по проблемам образования и обучения в области межкультурного и межрелигиозного диалога (1999–2001)// Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. Материалы международной конференции. М., 2008. С. 804.

для специалистов, занимающихся организацией международного туризма.

4) при разработке тренинговых программ и практическом проведении тренингов и обучении навыкам межкультурной компетентности специалистов, совершенствования образовательной и учебной практики.

В настоящее время разработан и утверждается Ученым советом РГСУ учебный план повышения квалификации руководителей государственных, образовательных и предпринимательских структур с высшим профессиональным образованием и средним профессиональным образованием «Этнокультурные основы управленческого общения». Целью является повышение квалификации руководителей государственных, образовательных и предпринимательских структур в области создания, организации и эффективного ведения деловых переговоров, как на региональном, так и на международном уровне.

Таким образом, в настоящее время растет небывалый интерес к задаче повышения инновационного потенциала научной деятельности в высшей школе как базового условия повышения уровня социальной и культурной компетентности специалистов нового поколения, способных к творческой самореализации и реализации креативных способностей.

Литература

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2002.
2. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. М., 2007. с. 338.
3. Садохин А.П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования. Автореф...докт. филос. наук. М., 2008.
4. Калачева И.И. Поликультурное образование как механизм оптимизации межкультурного диалога молодежи Беларуси и России» // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. Материалы международной конференции. М., 2008..
5. Стефаненко Т. Этнопсихология. М., 1999.

УДК 371.1

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ «ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н.В. Пивнева

кандидат философских наук.

Рассматриваются истоки и этапы развития «гуманной педагогики». Проанализированы идеи Песталоцци, Монтессори, Л. Толстого, Я. Корчака, В.А. Сухомлинского и др. Представлена полемика по вопросам гуманизации образования на современном этапе развития.

Ключевые слова: гуманная педагогика, образование, история педагогики.

«Гуманная педагогика» – новое направление в российском образовании, получившее в течение последних десятилетий широкую известность и множество сторонников. Это направление не следует путать с объявленной в 90-е гг. «гуманитаризацией образования», под которой имелось в виду перенесение в образовании центра тяжести на гуманитарные науки. Идея «гуманной педагогики», зародившаяся еще в 80-е гг., гораздо более фундаментальна, и заключается в более человечном отношении к ученику, чем это имело место в классическом образовании. Мы попытаемся разобраться, в чем заключается это более гуманное отношение в свете социокультурного статуса образования как социального института. Интерес в данном случае представляет история вопроса. В период первоначального культурного синкретизма в качестве учителей выступали родители другие родственники, процесс и условия обучения совпадали с жизнедеятельностью. Основным методом был принцип наглядности «делай, как я», для ребенка же это подражание взрослым было необходимым условием выживания. Следующий этап развития обучения, видимо, следует связывать с прогрессирующим разделением общества на «профессионалов» и «потребителей» и с возник-

новением общественной деятельности и государства, у которого появляется нужда в послушных подчиненных и верных подданных. В этих условиях дети богатых аристократов отрываются от традиционного семейного приобщения к культуре. Возникает целенаправленная, профессиональная деятельность по обучению.

Так, для древнеримского педагога Квинтилиана воспитание заключается в опоре на «принцип соревновательности», который является наилучшим способом формирования мотива к обучению у ученика, сохраняющим за учителем позицию и роль второго родителя и исключаящим неразрешимые конфликты между ним и учеником. Именно эти ценности и определяют содержание обучения, а также его методику. Качественно новый этап развития образования связан с христианской религией, реализующей в обществе христианские ценности. Специфика этого этапа заключается в целенаправленной массовой организованности христианского воспитания всех его членов, начиная с детского возраста. Именно в этот период возникает массово-поточная школа и классно-поурочная система «книжного» обучения, которая уже с XVI в. успешно конкурирует с индивидуальной системой в плане массовости: она целиком соответствует хозяйственно-эргономическим принципам за счет существенного отвлечения от индивидуальности учащихся. Были выработаны определенные организационные, технологические и методические схемы, обеспечивающие классно-поурочную систему, основанные на определенных критериях образованности и культурности и составляющие содержание понятия «учебная дисциплина».

Именно тогда возникает необходимость специальной разработки теории обучения, воспитания, образования, т.е. педагогики. Первопроходцем здесь был Я.А. Коменский, всесторонне разработавший систему европейской педагогики, определившую ход развития европейского образования на столетия вперед. Всеохватность этой системы до сих пор поражает воображение, но реальная практика образования сразу выявила проблемы, сохраняющиеся до наших дней. Эти проблемы заметил сам Коменский: он писал, что впереди еще «открытие метода, при котором учащие меньше бы учили, учащиеся больше бы учились; в школах было бы меньше шума, одурения, напрасного труда, а больше досуга, радостей и основательного успеха, и в христианском государстве было

бы меньше крика, смятения, раздоров, а больше света, порядка, мира и спокойствия» [1, с. 43]. Такая система меняет все качество образования: оно становится социальным, а затем и государственным институтом, регулируемым законодательно. Это означает усиление нормативизации во всех отношениях, регламентации, а вместе с тем обезличивания в образовании. На первый план выходят «долг ученика» и «долг учителя» как нечто объективно обязательное для обоих. Школа все больше превращается в производство, учителя – в работников, ученики – в заготовки.

В результате с начала XIX в. в европейской педагогике и образовании окончательно оформляются два противостоящих друг другу направления: социально-экономико-эргономическое, выбирающие из всех методов воздействия на ученика наиболее простые и дешевые, т.е. быстроедействующие и эффективные или «доходчивые» (позже добавляется критерий массовости), а также технологичные, т.е. такие, которые просто классифицировать, систематизировать и обобщать и на основе этого – планировать учебный процесс и создавать нормативно-типовые планы – методики; личностно-психологическое, изначально исходящее из интересов ученика в его собственном их понимании и развивающее эти интересы до интересов общества. Для первого направления насилие в разных формах является необходимым и неизбежным орудием приведения учителем ученика к состоянию безусловного повиновения как идеального условия исполнения им приказов; для второго оно недопустимо ни в каких формах. Первое направление является полностью преобладающим при всех его недостатках, так как именно оно обслуживает экономику и политику – два основополагающих общественных института; второе же проявляет себя редко и случайно, хотя пользуется определенной моральной поддержкой общества.

Очень быстро выясняется прямая экономическая и общественная польза образования: для наивысшей производительности труда необходим определенный уровень образованности народа, а его общественный смысл – в безусловном усвоении общественной морали (включая и законы эксплуатации). Капиталистическое общество, открывшее принцип фабричного разделения труда и создавшее за счет этого небывалую производительность, ищет то же самое и в сфере обучения. Появляется

Белл-Ланкастеровская система обучения грамоте и счету, опирающаяся на принцип взаимного обучения в системе иерархии «старший – младший»: каждый старший ученик должен обучать тому, что уже знает, одного из младших. Учитель учит сам только каждый старший класс; остальные обучают младшие классы сами. «Рентабельность» этой системы, т.е. соотношение затрат к труду учителя и ко времени обучения, очень высока: в процессе выстраивания «пирамиды» один учитель может за год обучать до тысячи учеников. Постепенно наука все более становится определяющей силой развития общества: она подчиняет себе технические и инженерные отрасли и все производство. Такая ее небывалая эффективность быстро делает из нее образец любой деятельности. Образование так же быстро онаучивается: его целью становится «книжное» и учебно-экспериментальное преподавание наук – главного способа добиваться успеха, и само оно стремится походить на науки – по методам и результатам: выпускник должен быть маленьким теоретиком, чего он не может и не хочет.

Тут-то и выявляется подлинная проблематика классического образования. И.Ф. Герbart видел его главную проблему в противоречии между его стремлением к наукосообразности и невозможности научного обоснования педагогических умений – основы живого образования как прямого воздействия учителей на учеников. Разрешение этого противоречия он видел в экспансии методизма по принципу: «Длительное и регулярное повторение научает кого угодно чему угодно». «Гуманизм» Герbartа проявился в его стремлении индивидуально подходить к более и менее способным ученикам, т.е. не требовать от последних более того, на что они способны.

Дальнейшее развитие этой «гуманистической» линии в педагогике связано с настойчивыми попытками расширить принцип наукосообразности так чтобы он охватил всю «природу» и даже «культуру» ученика и учебного процесса. Это, например, «педагогическая антропология» К.Д.Ушинского, опирающаяся на достаточно развитые к тому времени физиологию и психологию. Ушинский делает попытку, исходя из описания физиологических и психических процессов сознания, вывести из них личностные качества человека-ученика (например, из владения вниманием – волю, которую он считал важнейшим качеством успешной

личности). Ушинский наивно считал, что любой учитель может применить эти научные знания в своей практике. Но подобное применение возможно только с одной стороны, т.е., используя физиологию и психологию, учитель сможет только более или менее четко определить, чего нельзя делать с учеником, чтобы не нарушить естественные физиологические и психологические процессы в его организме. Но эти науки ничего не говорят о том, что надо с ним делать. Такую одностороннюю форму приобретает педагогический «гуманизм», когда педагогика пытается опереться на науку. Гораздо более «гуманным» является подход П.Ф. Лесгафта, задавшегося целью классифицировать всех учеников по типам их отношения к учителю, учебе и школе в целом. Он выделяет такие типы: «1) тип лицемерный; 2) тип честолюбивый; 3) тип добродушный; 4) тип забитый – мягкий; 5) тип забитый – злостный; 6) тип угнетенный» [2, с. 28]. Характерно, что из шести выделенных им типов только один можно считать психически нормальным, остальные, с точки зрения современной психологии, это не более, чем типы психической компенсации комплекса неполноценности.

Естественной формой синтеза принципов природосообразности и культуросообразности стали возникшие во второй половине так называемые «трудовые школы» (прообраз советских ПТУ), обслуживающие бурно развивавшееся тогда фабричное производство. Идеологию и методику такого образования разрабатывали Г. Кершенштейнер, В.А. Лай, Дж.Дьюи и наш П.П. Блонский, и смысл его прост: школа дает начальные знания, но человеком ученика делает не школа, а трудовая жизнь. Поэтому ему надо давать как можно больше не «книжных» абстрактных знаний, а практических умений, с которыми он легко сможет стать профессионалом и устроиться в жизни. Цель здесь – не человек вообще, описываемый через абстрактные качества, а человек, способный самостоятельно устроиться в жизни. В другом варианте эта система использовалась как школа демократии и коллективизма. Первый российский опыт такой школы (ШКИД) принадлежит В.Н. Сорока-Росинскому, но он не получил распространения. Более известный вариант – производственную коммуны – создал А.С. Макаренко, он же разработал для нее систему воспитательных методов: требования, детской радости, завтрашней радости, общественного мнения, непосредственного воздейст-

вия педагога, наказания. Такая система действительно позволяла осуществлять эффективную ресоциализацию подростковой молодежи, находящейся на грани перехода в сферу асоциальных (деклассированных) элементов. Таким образом, здесь педагогический «гуманизм» реализуется в виде социального «гуманизма».

В 30-е гг. XX в. в СССР эта система была устранена, и возобладала классическая «книжная» система, которая и господствовала до начала 70-х гг. Но в середине 80-х гг. она, как и все сферы общества, пережила кризис. Попытки Министерства образования СССР повысить качество обучения посредством внедрения «прогрессивных» методов образования ничего не дали. Стала очевидной необходимость неформального обновления учебного процесса, а это невозможно без обращения к индивидуальному учительскому опыту. Поэтому начали разрешаться и даже популяризироваться новые авторские методические и педагогические системы и школы (коллективистский подход был реанимирован И.П. Ивановым и М.П. Щетининым). Необходимо отметить и достижения отдельных педагогов, на свой страх и риск предлагавших методические новшества, которые должны были облегчить ученикам выполнение требований традиционных методик, основанных на запоминании, и учебного плана. Наиболее ярким и надолго запомнившимся примером этого является мнемотехнический метод «опорных схем» В.Ф. Шаталова. Его суть – в создании искусственных знаковых структур, сворачивающих в себе более или менее объемное учебное содержание по предмету, которое сравнительно легко может быть развернуто, когда ученику надо отвечать. Запомнить такую схему гораздо легче, чем весь объем материала, так что введение таких техник значительно облегчало работу учеников, не снижая «качества знаний». Но Шаталову пришлось многие годы бороться за свою методику с Академией педнаук и министерскими чиновниками.

Среди методик, находившихся на грани выхода за традиционные, следует отметить метод Е.Н. Ильина, учителя литературы. Его идея о роли детали в литературном произведении разворачивается в метод понимания посредством развертывания и наращивания смысловых структур содержания, исходя из заданного фокуса некоей «детали». Таким способом действительно можно выстроить полноценную смысловую

структуру любого произведения, и этот метод по праву может считаться творческим – речь идет об интерпретационном творчестве. С одной стороны, метод Ильина не выходит за пределы школьной программы по литературе, а с другой – он позволяет даже в таких ограниченных пределах развивать творческие возможности учеников – их воображение и сообразительность. В истории образования признанным основоположником «гуманной педагогики» считается И.Г. Песталоцци, который, осознав идею поэтапно-закономерного развития сознания учеников, выразил ее в своем запрете учителям опережать в процессе обучения естественный процесс развития умственных способностей ученика. Позднее он обобщил эту мысль до идеи природосообразности в обучении, которое он понимал как соответствие усилий учителя возможностям и желаниям ученика. «Гуманистические» идеи И.Г. Песталоцци получили развитие в педагогике Ф.В.А. Дистервега, известного тем, что он добавил к принципу природосообразности еще принцип культуросообразности, который сформулировал он сам, в противовес пресловутому принципу наукоосообразности.

Интересный компромисс между принципами наукоосообразности, природосообразности и культуросообразности был изобретен М. Монтессори. Работая с умственно отсталыми детьми, она, вместо того чтобы считать их детьми с отклонениями от нормального развития человека, стала относиться к ним как к людям особой природы, требующих к себе особого отношения. Выявить характер этого отношения, чтобы скорректировать цели и средства обучения, можно только с помощью науки, но особая методика их обучения не нарушает, а реализует принцип природосообразности, который, тем самым, расширяется. Система Монтессори впервые серьезно нарушает требования социально-экономически-эргономического образования, на том основании, что от «идиотов» все равно нельзя требовать столько же, сколько от обычных нормальных детей. Она впервые систематически применила идею Песталоцци, согласно которой нельзя требовать от ученика обучения сложным действиям, пока он не освоил простые.

Новый этап развития идеи «гуманизации» педагогики связан с морализацией принципа природосообразности и возведением его в ранг единственного важного. Ярким примером являются педагогические

идеи Л.Толстого, согласно которому школьное обучение наносит ребенку только вред и не дает никакой реальной пользы. В России Л. Толстой был первый, кто открыто заговорил о том, что принудительное школьное обучение отупляет и превращает в несчастных рабов прежних свободных, радостных и счастливых дошкольников, что школьное обучение оторвано от живой жизни, что в результате школьного обучения ученик теряет все свои творческие задатки и научается лицемерию, лжи, фальши, искусству угождать вышестоящим. Толстой делает вывод, что школьное образование является целиком искусственным явлением общественной жизни, и нужно только удивляться богатству и разнообразию самой жизни, которая все же способна преодолевать уничтожающее ее влияние образования.

Культурное сообщество в 40-гг. XX в. было потрясено небывалым примером жертвенности польского учителя по отношению к своим ученикам – речь идет о Я. Корчаке (Генрике Гольдсмите), создателе варшавского «Дома детей» для сирот, который не оставил их при депортации в концлагерь. Я. Корчак стал новым идеалом «гуманизма» в образовательной практике и в педагогической публицистике, но не в педагогике. Особенностью его сознания была небывалая способность смотреть на мир глазами ребенка, воспроизводить его видение, оценки и отношение в их естественных пределах. Следуя заветам Руссо, Песталоцци, Монтессори, он задался целью решить, наконец, проблему гармонизации индивидуального и коллективного начал в педагогике. Единственным способом сделать это оказалось введение принципа универсальной демократии и судебной системы: он создал в своем «Доме детей» демократическое государство, живущее исключительно по законам. Любое недоразумение подлежало гласному разбирательству с обвинением, защитой и вынесением решения. Отличие такого детского государства от настоящего заключалось в характере приговора: любой приговор сводился к тому, что виновного надо простить, потому что он сделал что-то плохое, либо не подумав, либо со зла, либо поддавшись на чужие уговоры, либо по невнимательности. Смысл приговора в том, что виновный учтет подобные обстоятельства и не будет впредь так делать.

В СССР в 70-е гг. стал очень популярным учитель В.А. Сухомлинский. Его называли советским основоположником «гуманной» педаго-

гики, и в своих книгах подробно описывает собственное понимание образования, целью которого он считал формирование в ребенке Человека. Но его опыт никак не сказался на кризисе советской школы, когда инициатива учителей-новаторов в середине 80-х выдвинула новые представления о гуманизме в педагогике, в рамках концепции «педагогике сотрудничества». Из них выделился Ш.А. Амонашвили, который еще в 60-е гг. прославился тем, что отказался от отметок в начальной школе. За годы своей деятельности он развил собственную развернутую концепцию «гуманной педагогики», которую прямо противопоставил авторитарной педагогике. Тем самым, он впервые подошел практически к задаче реформирования педагогики и системы образования – до него все новаторы-открыватели, самое большее, предлагали свой опыт, который иногда оказывался полезным, но по своему содержанию всегда представлял как утопия, так как никто не знал, как его внедрить в массовое употребление; почему и зачем это делать; стоит ли менять то, что есть; чем именно оно плохо и почему; стоит ли бороться с авторитарной педагогикой.

Перестройка устранила запреты на критику образования, которая со временем стала все более откровенной и резкой. Калечащее воздействие школьного образования замечается уже давно: уже никто не отрицает, что ученики к пятому классу получают сколиоз, близорукость и гиподинамию, что традиционное обучение провоцирует неврозы, комплекс неполноценности и аморальное поведение, что и является в действительности главным фактором воспроизводства преступности. Об этом пишут: В.Ю.Пузыревский, Б.М. Бим-Бад, Р.В. Могилевский и др. Но самое важное – что образование не позволяет воспитать и обучить человека, способного эффективно решать социальные и иные проблемы, оно закрывает ему путь к развитию и саморазвитию; как пишет Б.М. Бим-Бад: «Образование превращается в инструмент искусственного недоразвития человеческих способностей».

На Западе эту критику развивает И. Иллич, когда пишет, что профессиональное образование, в лице ведущих чиновников и теоретиков от педагогики давно монополизировало обязанность определять факт и характер культурного уровня граждан, якобы целиком и полностью зависящего от их образованности, т.е. наличия аттестатов, дипломов, сер-

тификатов и т.п. Такое положение дел, по Илличу, является очень опасным, так как получается, что процесс исторического развития человечества, в частности, ход решения им исторических задач и проблем, определяется не самим человечеством, а его частью – профессиональными учителями, озабоченными на самом деле только повышением своего уровня благосостояния. Вопрос о том, какое образование нужно какой стране, решается исходя не из экономических, социальных или политических интересов этой страны (т.е. ее народа), а из соображений политического престижа экономической и политической элиты, нормы которого задают Соединенные Штаты Америки. Такая тенденция имеет место и в России, которая также захвачена этим (Болонским) процессом, суть которого в том, чтобы навязать России европейские стандарты образованности и культурности, независимо от российских традиций и специфики российской культуры. Создается впечатление, что молодых россиян готовят к работе не в России и не на Россию, хотя как будто все уже поняли, что никто за нас не будет решать наши проблемы. Подлинную перспективу развития образования в интересах человека ведущие специалисты видят именно в создании условий развития и саморазвития сознания ученика в ходе обучения и самообучения. Однако эти условия понимаются существенно по-разному, в зависимости от страны, от научной и социальной позиции специалиста.

Так, по В.В. Давыдову, «гуманизация начального образования состоит в следующем: 1) младший школьник должен быть субъектом собственной деятельности, 2) содержание и методы начального образования должны обеспечивать существенное психическое развитие младшего школьника, формирование у него таких учебных умений, которые позволяют без особых трудностей продолжить свое образование» [3]. Однако теоретическое обучение в школе и практика жизни не соединяются автоматически вместе, оказавшись в одном и том же сознании, чаще они противоречат друг другу, что и осознается учеником. Но такое осознание противоречия требует выбора в пользу одной из его сторон, и этот выбор делается не в пользу теории, даже пятиклассник понимает, что жизнь гораздо шире любой теории. Это значит, что концепция Давыдова, как сугубо теоретическая, продолжает работать на институционализацию образования, как монополиста в деле окультуривания новых

поколений, не признающего вне себя никаких других форм окультуривания.

Гораздо более практичную позицию обосновывает В.И. Слободчиков: «Идеи гуманизации образования также до сих пор носят лозунговый характер, они не опираются на квалифицированные философские, исторические и научные исследования. Образ человека в образовании до сих пор трактуется вне фундаментальной для модерна категории «автономия человека». Для перестройки, да и до сих пор, характерно спутанное понимание цели образования – ее путают с идеалами, которые не могут выступать в качестве цели, – пока они не соразмерены с имеющимися средствами и социальными условиями реализации, отсюда – утопические проекты и начинания, псевдоинновации» [4]. Но такое положение дел естественно для переходного периода.

И. Иллич же предлагает новую концепцию неинституционального, свободного образования, не зависящего от школы: «Альтернатива зависимости от школы – это не использование общественных ресурсов для создания неких новых устройств, которые каким-то образом сделают людей учение, это создание нового стиля образовательных взаимодействий между человеком и окружающей его средой... Можно учиться не в школе... мы можем не зависеть больше от учителей, которых нанимают для того, чтобы они брали взятки и заставляли учеников находить время и желание учиться... мы можем по-новому связать учеников с миром, а не продолжать кормить их через воронку образовательных программ при помощи учителя» [5, с. 90]. С его точки зрения, «хорошая образовательная система должна иметь три цели: она должна давать всем, кто хочет учиться, доступ к имеющимся ресурсам в любое время их жизни независимо от возраста; позволять всем поделиться своими знаниями с теми, кто хочет научиться этому от них; наконец, предоставлять каждому желающему возможность ознакомиться с проблемами общества и обсудить их» [5, с. 92]. И. Иллич имеет полное право сделать вывод, что «наш пересмотр образовательных институтов ведет к пересмотру образа человека» [5, с. 118] и, соответственно, к новой концепции «педагогического гуманизма».

Литература

1. *Коменский Я.А.* // Антология гуманной педагогики. М., 1996.
2. *Лесгафт П.Ф.* // Антология гуманной педагогики. М., 2002.
3. *Давыдов В.В.* Концепция гуманизации российского начального образования (необходимость и возможность создания целостной системы развивающего начального образования) // Вестник РАО, № 7. 2000/www.experiment.lv/rus/biblio/ vestnik_7/v7_dav_koncepc.htm.
4. *Слободчиков В.И.* Инновации в образовании: основания и смысл / <http://www.experiment-dom.ru/index.php?action=article&id=2>.
5. *Иллич И.* Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир: (фрагменты из работ разных лет). М., 2006.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 321.64

«ВОЖДИЗМ» КАК МЕХАНИЗМ ПЕРЕХОДА К ФАШИСТСКОМУ ТИПУ ГОСУДАРСТВА

В.Х. Сахибгоряев, С.В. Котов

доктор философских наук, доцент,
кандидат философских наук, доцент

Исследуется феномен вождизма фашизма как альтернатива принципа буржуазно-либерального господства и как форма господства в условиях тоталитаризма. Вождизм вырастает из архаического принципа «вождества». Вождество рассматривается как историческая форма господства, находящаяся между акефальным обществом и бюрократическим доминированием. В этом смысле вождество выступает приемлемой формой перехода человеческого общества к государственно-иерархической институализации.

Ключевые слова: вождизм, фашизм, общество, государство.

Многие народы пережили отрезки собственной истории, когда они нуждались в концентрированном, персонифицированном выражении своей национальной сущности. Для этого они, эти народы, выдвигали живые или мифические персоналии, несущие в себе не только совокупные черты этноса или нации, но и стяжающее право быть «спасителями». Люди-символы, национальные авторитеты существовали и существуют не только в политике, вообще во властных структурах, но и в религии, военном деле, искусстве, литературе, а в настоящее время – и в спорте, и в других сферах жизни. Не все эти люди были диктаторами и распоряжались чужими судьбами, но их авторитет беспрекословен и заслуги их абсолютны.

Исследования феномена вождизма в политике в нашей стране долгое время были под запретом, в силу того что было неприемлемо и не-

корректно. В так называемые «царские времена», когда российские императоры шли по пути нарастающего абсолютизма, исследовать и критиковать персональную власть было столь же невозможно, сколь и во времена советской власти. Авторитет монарха и генерального секретаря был значительно выше какой-либо объективной критики, да и сама критика приравнивалась к посягательству на сами основы государственности. Власть воспринималась как сакральная жизнь и «Божий помазанник» всегда представлялся мучеником, на котором лежит вся ответственность. Критиковать его было и жалко и опасно для жизни одновременно.

Гитлера и гитлеризм начали изучать еще в 30-х гг., изрядно перемишывая историю и философию с журналистикой и идеологией. Персона фюрера рассматривалась под разными углами, но только не с точки зрения феномена вождизма. Это могло поставить в один ряд с ним и личность Сталина, такого же вождя «с советской спецификой». Мишурой вождизма была украшена и власть Хрущева, Брежнева. Поэтому вождизм представляется темой, исследованной в отечественных общественных науках до сих пор весьма поверхностно, и слишком ситуативно. Как правило, берется некая личность, а зачастую – личность Сталина и рассматривается с точки зрения ее всестороннего психологического и биографо-хронографического анализа. Сущность же явления, называемого «вождизмом», всегда остается за рамками научного интереса, хотя именно это явление представляется неизжитой традицией российской власти.

Для начала необходимо локализовать вождизм во времени и пространстве, как мы это понимаем. Было бы правильным «очистить» понятие от явлений схожих, безусловно, несущих в себе те или иные элементы вождизма, таких как абсолютизм, цезаризм и некоторых других проявлений монархического господства. Вождизм есть явление, выросшее из европейского абсолютизма, но не зависящее от принципов наследования власти, что хоть как-то определяло бы его легитимность. Вождизм вырастает из массовых движений XX столетия, как альтернатива буржуазно-либеральной государственной институализации и принципу связанности законом, господствующим в современном буржуазном обществе. Вождизм появляется из самой революционной борь-

бы с буржуазно-либеральными устоями. Любой «вождь» XX столетия (да и в наше время) это борец с мировой буржуазией и буржуазными принципами общественной жизни. Вместе с тем, вождизм уходит своими корнями в архаические времена, когда личность лидера, в силу примитивности общества и общественно-государственных институтов, была обязана аккумулировать полномочия верховного администратора, политика-дипломата, первосвященника, военачальника, судьи и учителя-философа, создающего некие этические правила. Революции XX в., разрушающие и дезорганизуящие власть, государственные институты, упраздняющие законы, ниспровергающие элиты и само отношение к власти, не могли предложить никакую иную форму власти, кроме вождизма. Да и навряд ли такая форма власти существует. Вождизм это всегда диктатура и господство культа личности. Словом, вождизм есть полная противоположность буржуазно-либеральной демократии.

Вождизм, как самостоятельная форма господства, появляется в эпоху поздней первобытности, в связи с нарастанием процессов интеграции через политическую централизацию человеческих сообществ, а также в связи с усиливающейся тенденцией к внутреннему социальному расслоению через специализацию труда, присвоение права доступа к ресурсам, отстранение непосредственных производителей от управленческих функций. В современной литературе мы встречаем два родственных термина, обозначающих сущность феномена: «вождизм» и «вождество». Вождество, как правило, рассматривается как историческая форма господства, находящаяся между акефальным обществом и бюрократическим доминированием. В этом смысле вождество выступает приемлемой формой перехода человеческого общества к государственно-иерархической институализации и представляет собой сферу историко-этнологического знания. При этом вождество исследуется как специфическая форма власти, имеющая свои особенности, характеристики и параметры [1; 2; 3; 4].

«Вождизм» есть понятие, производное от «вождества», но трактуется значительно шире. Находясь, главным образом, в предметном поле философской антропологии, социологии, истории и политологии, вождизм понимается как современная креатура архаического вождества. Поэтому мы фундируем некоторые современные политические режимы

как вождизм, т.е. имеющие некоторые существенные характеристики архаического вожества. Ведущей причиной отождествления некоторых современных сообществ с древним вожеством являются два важных обстоятельства:

1. Вожество представляется наиболее обобщенным типом власти, подразделяющее сферы жизни, где можно, собственно, властвовать, и аккумулирует власть над ресурсами и власть над душами, что определяет его теократический характер.

2. В наиболее распространенном варианте вожество есть форма моноэтнической власти, расслаивающей общество на элиту, полноправных свободных граждан и неполноценных, бесправных, рабов, пришлых.

К числу умозрительных характеристик вожества относится, безусловно, то что в период его становления и развития во многих регионах мира появляются гигантские мегалитические сооружения: насыпи, гробницы, святилища, статуи, ворота и т.д. Данные сооружения имели целью представлять тот или иной этнос в его организационном и иерархическом величии, выделяя его из других.

Ворвавшись в общественно-политическую практику XX столетия, в связи с возникновением массовых тоталитарных обществ, вождизм примитивизировал цивилизованное общество, благодаря принципам жесткой иерархии и унификации. Вернее, он предложил тот тип общественной организации, который не требует учета самоценности человека с точки зрения его социального бытия. Личная свобода в условиях вождизма определяется способностью человека творчески продуцировать стороны и нюансы покорности вождю, получая взамен те или иные преференции. Иными словами, вождизм – это культ подчинения, при котором лицемерие является едва ли не единственным ключом к благоденствию. Поэтому поклонение, восхищение, восхваление, приношение даров есть норма целесообразной и правильной жизни. Получая похвалы и полную покорность, вождь дает ресурсы, которыми он наделен изначально. Уровень, качество и количество разнообразных ресурсов, как правило, представляют собой важнейшие индикативные показатели меры беспредельности власти вождя.

Необходимо отметить, что тоталитарные режимы в Европе в описываемый период возникали, конечно же, не потому, что народы в одночасье захотели установления власти вождя, или потому, что такой вождь появился и предложил населению своей страны некие политические услуги. Вождизм есть лишь условие тоталитаризма, необходимый его атрибут. Он возникает как следствие крупных революционных преобразований, имеющих непременно контрлиберальный характер. Не всегда вождизм есть режим одного правителя. Конечно, тоталитарный режим держится на власти вождя, и вождь в условиях тоталитаризма есть его важнейший символ. Бытует мнение, что тоталитаризм держится на вожде, на конкретном человеке, и стоит этому человеку уйти, как тоталитаризм саморазрушается. Это утверждение верно лишь отчасти. Пример советского союза и некоторых других тоталитарных режимов говорит о том, что смерть одного вождя может быть причиной воцарения следующего, даже если он не является прямым преемником предыдущего.

Вождь является носителем, интерпретатором, а иногда и автором идеи всеобщего блага, т.е. той идеи, которая подняла народ для фундаментальной и радикальной реконструкции общества. Идея всеобщего блага всегда специфична, но всегда общепринята. Идея всеобщего блага советского тоталитарного режима в корне отличается от идеи всеобщего блага итальянского фашизма, а последняя имеет серьезные отличия от идеи всеобщего блага нацизма. Итальянский лидер Муссолини проповедовал этатизм и на этом строил все идеологические пассажи. Гитлер был автором идеи национального бытия и принимал этатизм только с учетом его расово-этнической специфики.

В любом случае, идея всеобщего блага тоталитарного вождя всегда имеет национальную специфику. Германское благо Гитлера, германский способ бытия многократно изложен и достаточно подробно уточнен самим «фюрером всех немцев». Во-первых, это исконно немецкое стремление к завоеванию жизненного пространства, исходящее из сознания стесненности жизни во враждебном окружении и в то же время понимании сущности немецкого народа как избранного, внесшего особый вклад в копилку мировой культуры, а особенно – интеллектуальной культуры. Во-вторых, это форма идентификации, основанная на расово-

элитаристской идеологии об арийцах, оснащающей немецкое национальное сознание претензией на изначальную исключительность. Интеллектуальная и духовная «особость» немецкой нации как бы получает свое пояснение на биологическом, естественнонаучном уровне, что делает все претензии немцев, в буквальном смысле, диалектически обоснованными. В-третьих, это проистекающая из предыдущего положения, доктрина национального бытия. Ее элементами выступают автаркия, главным образом, культурная, ограждающая нацию от деструктивного внешнего влияния и расово, гомогенное общество. В-четвертых, это особая теория национального бытия, предполагающая специфический способ организации немецкого народа, отрицающий как либерализм, так и доктрину прав и свобод в ее либеральном прочтении. Национальная специфика выражена не только в расовой принадлежности, но и в расовом способе организации этноса. Чем больше человек озабочен эгоистическим стремлением присвоить неограниченные свободы, тем больше он отдаляется от целей и задач истинного, коллективного бытия. Человек обязан служить коллективным целям и ставить их выше персональных. В-пятых, идея «срединной Европы», обосновывает характер внешнего доминирования немцев в цивилизованном мире. Представляя собой авангард цивилизации, немцы имеют право на ведущие роли в мировой политике и они должны кардинально влиять на мировой порядок и предустанавливать свои национальные интересы как высшие. В-шестых, сама культура немцев, их духовное могущество, формируют стиль аскетического бытия. Служение и скромность должны оградить каждого представителя нации от бесцельной погони за индивидуальными благами и превращать свою жизнь в беспрестанную «погоню за добычей», свойственную буржуазно-либеральному духу. Персональный успех не означает ровным счетом ничего, если он означает сытую и благополучную жизнь эгоиста.

Таким образом, идея национального блага нацизма, сформированная и представленная Гитлером, однозначно, без каких-либо допусков и условий отвечает на следующие вопросы. Что есть национальное счастье и есть ли оно? Что приоритетно: повышение жизненного уровня народа, или его духовное возрождение, духовная направленность на служению сообществу? Что обеспечивает «счастливую национальную

жизнь»: мощное централизованное государство или демократический режим? Конечно же, совокупным ответом может быть следующий: национальное благо существует и оно настолько же естественно, как и сама нация; оно, прежде всего, связано с духовным содержанием жизни, а не с материальным; обеспечить его может только сильный режим, сильное тотальное государство. Сильное тотальное государство есть «генетически немецкий» способ коллективного существования.

Было бы неверным полагать, что вождизм в Германии в период фашизма, есть исключительно власть Гитлера и только Гитлера. Конечно, он имел неограниченную власть и неограниченное влияние. Его воля всегда выполнялась беспрекословно и всегда была законом для подчиненных. Вместе с тем, надо понимать, что вождизм есть система, напоминающая в своей структуре, так называемую, феодальную пирамиду. На самом деле вождей в Третьем рейхе было очень много. Безусловно, вождями были ближайшие сподвижники Гитлера, его непосредственное окружение. Геринг, Гиммлер, Геббельс и другие были вождями и друзьями вождя. Существовало множество отраслевых, «мелких» вождей. Крупные военачальники тоже были вождями. Слово «фюрер» присутствовало в воинских званиях войск СС. Словом, вождизм есть система власти, при которой руководитель какого-либо ранга претендовал еще и на роль неформального лидера, генератора идей, человека, мыслящего перспективами.

Абсолютное господство Гитлера в известный период в немецком обществе объясняется как частными, так и общими причинами, происходящими из двух основных посылов. Частные причины формируются вокруг его персоны, ее мощной харизмы. Гитлер обладал гигантской энергией, виртуозным умением убеждать, был настоящим национальным трибуном, первоклассным организатором. Он сумел «сколотить» хорошую, мобильную и фанатичную команду единомышленников, и самое главное – был убежденным нацистом, т.е., он всегда знал, что нужно говорить и что нужно делать. Он обладал хладнокровной безжалостностью, что позволяло ему без оглядок на «бунтующую совесть» принимать любые решения, связанные с жертвами, что значительно ускорило его движение к власти и укрепляло его позиции в период властвования.

К общим причинам следует отнести принцип соответствия месту и времени. Гитлер был человеком своей эпохи, то есть тем типом человека, которого требуют сами обстоятельства. Его идеология выглядела варварской дикостью, абсурдом в сравнении с идеологией либеральной или марксистской. Но ему прощали самые отчаянные пассажи глупости и невежества, поскольку они входили в общий круг его «народнической» риторики. Измученный и униженный народ хотел слушать о своем величии. Он искал новые сюжеты для складывания прекрасных сказок о возрождении, о безмятежном будущем, и с удивлением слушал разгоряченного ефрейтора, нашедшего врагов там, где их еще никто всерьез не искал. Печально, но в тяжелых условиях один из самых культурных народов Европы поддержал тирана, пообещавшего благоденствие и назвавшего плату за это. Думается, что никто не обманывал немецкий народ в самом главном, в том, что нужно сделать. Развязать новую войну, убить евреев, цыган, изгнать славян и других инородцев, возненавидеть соседей... разве не к этому призывали Гитлер и его сподвижники? Именно к этому. И делали это настойчиво, открыто и достаточно убедительно и красноречиво.

Отмечая направленность идеологии Гитлера к люмпену, к черни, президент Гинденбург называл его «цыганским капралом». Выглядит парадоксальным, но идеология элитаризма Гитлера была адресована к низшим, наиболее массовым слоям общества. Но это был этнический элитаризм, при котором, например, профессор филологии, еврей Виктор Клемперер, был «выродком сионистов», а уличный хулиган, боевик СА – «элитой нации», частью ее золотого генофонда.

Нет никакого смысла приводить цитаты соратников Гитлера о своем вожде. Конечно же, он «гений», «отец немецкой нации», «звезда над Германией», «гениальный полководец», «факел, освещающий путь», «барабанщик революции» и т. д. А что еще могли говорить сподвижники о своем лидере? Гораздо интереснее обратиться к мнениям интеллектуальной элиты, к мнениям тех людей, которые всю свою жизнь служили гуманизму. С восторгом о Гитлере в свое время отзывались Томас Манн, Мартин Хайдеггер, некоторые философы-обществоведы Франкфуртской школы, Освальд Шпенглер, Карл-Густав Юнг, деятели церкви, зарубежные политические деятели и многие другие. В одном из ин-

тервью К. Г. Юнг сказал прямо: «Невозможно говорить о Гитлере, не говоря о немцах, потому что Гитлер и есть немецкий народ» [5, с. 180]. Вообще необходимо отметить, что массовый энтузиазм немецкого народа в 30-х гг., связанный с первыми экономическими и политическими успехами Гитлера, стал «ловушкой» для многих немецких и европейских интеллектуалов. Не удержавшись на «истинной высоте своих рациональных и духовных позиций», они попали под обаяние личности Гитлера, внося свой вклад в общий хор восхвалений и восторгов. Это не продолжалось долго. Такие гиганты европейской мысли, властители дум Европы как Хайдеггер, Шпенглер, Манн, Манхейм и некоторые другие, уже в конце 30-х гг. разглядели истинную сущность гитлеровского режима и порвали какие-либо связи с нацистами. Все это может говорить о том, насколько обаятельным и убежденным, равно как и энергичным человеком был Гитлер. Его манера общения, «продуманный натиск», темперамент, ораторский арсенал, все служило подчинению окружающих.

Власть Гитлера сочетала в себе и формальный, и неформальный факторы. С одной стороны, Гитлер был официальным представителем германского государства, с другой – безусловным лидером, любимым вождем, высшим авторитетом, единственным, кто знает, что нужно Германии. 1 августа 1934 г. в законе «О верховном главе германского Рейха» официальный статус Гитлера закреплялся благодаря слиянию постов президента и канцлера, двух высших должностей Веймарской республики, наличие которых предполагало естественную для демократии систему сдержек и противовесов. Принятие данного закона прерывало государственно-институциональную традицию Веймарской республики, собственно, означало образование новой государственности в Германии. Помимо прочего, верховная власть персонифицировалась, поскольку оговаривалось, что именно Гитлер и никто другой, получает право верховной власти. Получив идеальные позиции для внесения законодательной инициативы, фюрер, фактически, ликвидирует парламент, и делает это, с политической точки зрения, виртуозно. Для начала он реорганизует его, а впоследствии подменяет всенародными плебисцитами, обращаясь непосредственно к народу, а не к его избранникам. Ликвидируя парламент, принцип разделения властей, сворачивая демо-

кратические институты, Гитлер, тем не менее, расширяет само поле демократии, непосредственно обращаясь к каждому немцу для решения важнейших государственных задач. Гражданин получал уникальное право непосредственно влиять на принятие решений. При этом, Гитлер получает прямую и активную поддержку подавляющего большинства граждан. Никто в этот момент не может сказать, что Гитлер строит тоталитарное общество и уничтожает демократию, хотя именно это он и делал. Оставаясь вождем, Гитлер опирался на широкие массы, не на классы, сообщества, политические партии и т.д., а на гомогенную, единую субстанцию – немецкую нацию. Социальное противостояние подменялось национальным единством, где единственным признаком «уходящей демократии и терпимости» было отсутствие права меньшинства.

Литература

1. *Васильев Л.С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников-собирателей к протогосударству чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1.
2. *Крадин Н.Н.* Политогенез // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. Вып. 2. М., 1991.
3. *Кортаев А.В.* Факторы социальной эволюции. М., 1997.
4. *Кочакова Н.Б.* Вождество и раннее государство (подходы к изучению и сравнительный анализ) // Племя и государство в Африке. М., 1991.
5. Аналитическая психология: прошлое и настоящее // К. Г. Юнг и другие. Сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич. М., 1995.

Магаданский институт Санкт-Петербургской академии управления и экономики 12 января 2010 г.

УДК 152.1

РЕСУРСНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ

Е.А. Рыбалка

кандидат философских наук, доцент

В статье рассматриваются феномены ресурсного пространства личности. Предлагается осмысление общих тенденций динамики этого пространства в категориях социальной философии. Подчеркивается, что ресурсное пространство предстает одной из исходных форм бытия личности в гражданском обществе. Также освещаются особенности формирования ресурсного пространства личности в современном российском обществе.

Ключевые слова: личность, ресурсное пространство личности, гражданское общество, социальная роль, бытие личности.

Осмысление фундаментальных основ бытия личности в современном мире предполагает исследование роли ресурсов в различных сферах человеческой деятельности. В качестве социальных ресурсов развития личности все чаще выступают информационные технологии, здравоохранение, экологическая среда. В применении к духовному развитию личности возрастает влияние интеллектуальных ресурсов, научных знаний, образования, знаковых систем культуры. Усиливается влияние ресурсов на конфигурацию социального пространства, на пространство личности. Цель статьи – выявить феномены ресурсного пространства личности и осмыслить общие тенденции динамики этого пространства в категориях социальной философии. Ресурсное пространство предстает одной из исходных форм бытия личности в гражданском обществе. Общественное разделение труда, непрерывное развитие производящей экономики и увеличение избыточного продукта – становятся материальными условиями возникновения индивидуального ресурсного пространства. Это пространство выражает раннюю, весьма подвижную территориальную автономию личности в экономической и социальной

жизни социума, фиксирует начальные источники свободы личности, отражает ресурсную среду, подготовившую, по мнению Ж.Ж. Руссо, почву для гражданского общества. «Первый, кто оградил участок земли, придумал заявить «Это мое!», и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества» [1, с. 72]. Французские просветители одни из первых в истории философии осознали связь ресурсного пространства со свободой личности.

В монистической философии марксизма ресурсы человека приобретают социально-экономическое содержание. Выступая формой материального субстрата производства, обмена и распределения, ресурсы рассматриваются в двух измерениях: во-первых, в качестве вещества природы, природных сил, вовлеченных в процесс производства; во-вторых, как человеческие ресурсы, необходимые для создания прибавочной стоимости и движения капитала. Ресурсное пространство индивида обезличено и подчинено экономическим законам. Выступая одной из форм организации производства, ресурсное пространство личности обретает конкретные исторические формы и становится выражением «определенной исторической ступени общества» [2, с. 12].

В современной социальной теории идея первичности ресурсного пространства личности к другим ее пространственным формам бытия достаточно конструктивно представлена в философской и социальной антропологии и раскрывается через связь с телесным пространством. По мнению исследователей, человеческое тело становится осью ресурсного пространства, а его «наполненность» выражает предметы природы, необходимые для жизнедеятельности человека. С первых моментов своего существования на земле человек был и остается частью окружающей его природы, и жизнь его всецело зависит от тех плодов и материалов, которыми природа снабжает его. Природные ресурсы, преобразованные человеком, превращаются в человеческие ресурсы и образуют простейшую структуру ресурсного пространства. В данном случае речь может идти о *телесных ресурсах*. Эти ресурсы образуют относительно самостоятельное поле жизнедеятельности личности. Психофизиологические, энергетические ресурсы как структурные элементы телесного пространства, помимо антропологических измерений все чаще рассматриваются

в социально-экологических категориях, превращаются в человеческие ценности. Получает научный статус понятие биологического человеческого капитала. Это понятие выражает, во-первых, уровень физических способностей человека к выполнению трудовых операций и, во-вторых, состояние здоровья населения [3, с. 11]. С развитием экологической и биоэтической культуры общества личность все полнее осознает свое ресурсное пространство, перспективы и возможности социоприродного и социокультурного бытия. Выступая формой биосоциального пространства человека, телесное пространство приобретает различные институциональные формы в системе медицинского права, его функционирование входит в правовое пространство биоэтики, регулируется деятельностью национальных, региональных и местных этических комитетов [4, с. 214]. Юридическое закрепление институциональных компонентов биоэтики открывает возможность найти реальные механизмы правового регулирования ресурсов телесного пространства в условиях перехода от техногенной к постиндустриальной цивилизации.

В органической связи с телесными ресурсами *находятся ресурсы социализации*. Эти ресурсы связаны с освоением социальных норм поведения, технологией усвоения знаний в различных малых группах, опыта вхождения в социокультурные коммуникации. Формирование ресурсов общения в условиях социализации захватывает широкий пласт психологических установок, желаний, требований, которые должны обретать в личностном пространстве социальный эквивалент. По мнению Э. Фромма, желания индивида совпадали с требованиями его социальной роли, методы образования могут быть рассмотрены как средства превращения социальных требований в личностные качества [5]. Желания, установки, черты характера, реализуясь в социальной роли, становятся важным ресурсом самореализации личности. Причем социальная роль, занимая место в иерархии других социальных ролей, оказывает влияние на структурирование ресурсного пространства личности в более многослойном пространстве малой социальной группы. Целенаправленно выстраивая устойчивые связи, между различными ресурсами, создавая устойчивые ресурсные поля, личность способна адаптироваться к пространственно-временным континуумам культуры, наполнять

ресурсное пространство определенными смыслами, выражать собственные ресурсы в знаковых системах и кодах культуры.

Значительное влияние на структуру и динамику ресурсного пространства личности оказывают физические, трудовые ресурсы. Эта проблема долгое время рассматривалась с позиций экономической целесообразности ресурсов человека для общественного производства. В широком смысле в понятие трудовых ресурсов включалось население страны, способное к общественно полезному труду, в более узком смысле – физические ресурсы человека, содержащие возможные формы его участия в производстве. Техничко-экономическое измерение ресурсов человека определялось рациональным распределением и использованием его физической и психической энергии. Улучшение организации и стимулирования труда выдвигалось в качестве критериев рационального использования трудовых ресурсов. Под влиянием научно-технической революции уже в 70-е г.г. теория трудовых ресурсов вытесняется теорией человеческих ресурсов, ориентированной на личностный, духовный потенциал субъекта труда. В 90-е г.г. теория человеческих ресурсов получила развитие по двум направлениям: первое, обращенное к опыту западных стран, выводит развитие личности наемного работника за рамки товара «рабочая сила» и направлено на подготовку личности к завтрашним видам труда в сфере производства и вне его [6, с. 86]; второе направление, ориентированное на национальный опыт, рассматривает человеческие ресурсы, их оценку и рациональное использование как важнейшую перспективу безопасного и устойчивого развития всего нашего общества. По сути дела эти два направления исследования человеческих ресурсов дополняют друг друга, дают возможность рассматривать экономическое содержание ресурсного пространства личности в единстве материальных, институциональных и ценностных оснований. При системном подходе к человеческим ресурсам становится ясно, что формирование экономически выверенных прагматических установок в оценке ресурсного пространства личности с рыночных социально-экономических позиций не противоречит общим целям и задачам развития ресурсной среды, а скорее, наоборот, дает возможность обозначить реальные пути гуманизации труда и усиления личностного начала в материальном и духовном производстве. В этой

связи представляется обоснованной выдвинутой в теории социального управления установка, что «основное отличие управления человеческими ресурсами... – его интеграция с конечной целью производства – получением конечного результата» [7, с. 152].

Особую роль для функционирования и развития ресурсного пространства личности приобретают *информационные ресурсы*. Динамизм ресурсных полей, их открытость окружающей среде зависят от состояния информационных ресурсов личности, информационных ресурсных полей культуры. В предельно широком плане информацию, хранящуюся в информационной среде, уже в 80-х г.г. XX в. было принято называть информационными ресурсами, необходимыми для различных видов деятельности [8, с. 5]. В определенном смысле слова все ресурсное пространство личности можно считать информационной средой, так как накопление жизненно необходимых ресурсов сопровождается накоплением информации об их назначении. Весьма показательно, что телесные, энергетические, материальные ресурсы личности подвержены сокращению, истощению, исчезновению при их непрерывном применении, тогда как информационные ресурсы при использовании не уменьшаются, а обнаруживают тенденцию к расширению, как в пространстве личности, так и в информационном общении с внешней средой. Оценивая значимость той или иной информации для своей жизнедеятельности, личность управляет информационными потоками в ресурсном поле, сознательно осваивает новые каналы пополнения информации, используя при этом личностный опыт формирования уже сложившихся ресурсных полей. Ресурсы социализации помогают быстрее освоить компьютерную грамотность, опыт накопления экономических ресурсов дает возможность выявить денежный эквивалент поступающей информации и быстрее адаптироваться к рыночным связям становящегося информационного общества. Для функционирования ресурсных полей, основанных на воспроизведении и усвоении информационных потоков, не достаточно автономных установок и ценностных ориентаций личности. Сознание человека и его поведенческие практики связаны множеством коммуникативных каналов, регулирующих экономическую, политическую, социокультурную сферы общественной жизни. Через эти каналы ресурсное пространство личности входит в самые различные

коммуникационные системы, имеющие собственные информационные ресурсы. Особым посредником и «распределителем» общественных информационных ресурсов в пространстве личности выступают институты масс-медиа. Демократизация, или, наоборот, ориентация этих институтов на корпоративные интересы, оказывают воздействие на состояние информационного пространства личности, ее ресурсное обеспечение. Можно согласиться с утверждением, что «отстранение института медиа от стратегически важных для жизнедеятельности людей информационных ресурсов превращает этот институт в инструмент манипулирования» [9, с. 179].

Опираясь на присущую человеку уверенность в беспредельности своих возможностей в «свободном мире», используя рекламный бизнес, теле- и кинопродукцию, институты масс-медиа активно формируют ценности индивидуалистического прагматизма, основанные на ложных абсолютах субъективности. Представленный в зарубежных исследованиях прогноз развития информационного пространства личности по пути беспредельной индивидуализации и отчуждения от общечеловеческих ценностей отражает одну из объективных тенденций развития посткнижного пространства [10]. Вместе с тем следует учитывать, что в современном мире существуют социально-правовые, социокультурные факторы, сдерживающие беспредельный прагматизм и неограниченную индивидуализацию коммуникационных процессов, факторы, корректирующие поведение и индивидуальное сознание. К числу таких факторов относятся виды деятельности, направленные на создание материальных, социальных, информационных ресурсов, необходимых социальным субъектам для адаптации, выживания и самоутверждения в окружающем социальном мире. Думается, что в сценарии «беспредельной индивидуализации» не в полной мере учитывается роль социальной детерминации на постиндустриальной ступени развития личности. В этой связи представляется важным выявить субъективную детерминацию уровней ресурсного пространства личности и соотнести ее с внешней – социально обусловленной детерминацией ресурсных полей личности со стороны общества. Субъективная детерминация раскрывается во взаимодействии телесных ресурсов, ресурсов социализации, информационных ресурсов, взаимодействий, обусловленных природой человека его

осознанным стремлением к самореализации, самоутверждению в обществе.

Целостное восприятие ресурсной формы пространственного бытия личности связано, по нашему мнению, с понятием и феноменами человеческого потенциала. В предельно общем виде этот потенциал выражает совокупность человеческих качеств, способных реализовываться в определенных условиях жизнедеятельности личности. К таким качествам относится состояние телесного и духовного здоровья человека, качество жизни и окружающей его среды. Человеческий потенциал личности проявляется в социально-бытовых и образовательных феноменах: готовности к семейной жизни и воспитанию детей, в способностях реализовывать приобретенные в процессе обучения профессиональные знания. Несомненный интерес для выяснения роли человеческого потенциала в ресурсном пространстве личности представляет выделенная в литературе форма проявления этого потенциала. По мнению специалистов в предельно общем социально-организационном плане человеческий потенциал раскрывается как человеческие ресурсы, в экономическом – как человеческий капитал, в социально-экологическом – как жизненный потенциал, в духовно-практическом – как личностный потенциал [11, с. 11-12]. Соглашаясь с представленной моделью человеческого потенциала, следует особое внимание обратить на социальную основу человеческого потенциала. В действительности он реализуется благодаря уже созданным личностью ресурсам, обретает конкретные формы в отношении личности к окружающей социоприродной, социально-стратифицированной, культурной среде.

Следует отличать дисциплинарные и философско-методологические подходы к представленному объекту исследования. В проектах исследования человеческого потенциала, выдвинутых в теориях менеджизма, институциональной экономике прослеживается реализация конкретных дисциплинарных задач, связанных с поиском эффективных форм использования человеческого фактора в динамичном развитии рыночной экономики и ее институализированных форм. Философский анализ человеческого потенциала связан с обоснованием проблем свободы. Любой потенциал личностного развития оказывается востребованным обществом, когда у человека сохраняется ценностная

ориентация на свободу в самых различных ее проявлениях – от свободы выбора личностного статуса до свободы духовного самовыражения [12]. Показательно, что в исследованиях по институциональной экономике все чаще обращается внимание на связь человеческого потенциала с возможностями институционального выбора. «Свобода институционально обусловленного выбора дается каждому, но реализовать ее удастся не всем» [13]. Наличие потенциальной возможности для реализации права выбора как проявления свободы личности, предполагает не слепую игру экономических сил, а наличие знаний об институциональной среде. Для того чтобы включаться в институциональный выбор и в нем осуществить адекватное воплощение своего статуса, требуется знание норм, правил, обычаев института, определившего этот статус. Человеческий потенциал в институциональной среде, основанный на жизненном опыте и знаниях, позволяет личности сделать свободный выбор модели поведения, детерминированной правилами института. Такие знания становятся ресурсом личности и реальной возможностью сохранить свое пространство.

Еще более сложный уровень взаимосвязи человеческого потенциала и свободы личности в ресурсном пространстве обнаруживается при взаимодействии личности с миром культуры. В культурной среде личностный потенциал не ограничивается только свободой выбора и проявляется через разнообразие жизненных установок, принятых смыслов. Сознательный выбор поведения в пространстве культуры определяется не только и не столько внешними обстоятельствами, сколько состоянием духовного мира личности, ценностными ориентациями и базовыми ценностями. Личностный потенциал в отношении к культурной среде становится значимым при условии высокого развития собственного творческого потенциала. Этот потенциал предполагает: во-первых, новизну индивидуальных решений, способных разнообразить или обогатить новым содержанием духовное пространство личности; во-вторых, выражает сочетание эмоциональных и рациональных начал активной духовной деятельности; в-третьих, основывается на жизненном опыте, усвоенном в процессе социализации. В сочетании социокультурного и индивидуального опыта рождается творческий потенциал личности, который делает человека «знаменитым», «известным», «узнаваемым».

Творческий потенциал личности выступает необходимым источником объективного развития ресурсного пространства.

Анализируя онтологические структуры ресурсного пространства, формирующие социальные качества индивида, сложную игру индивидуальных и коллективных доминант, не следует упускать из виду тот факт, что потенциальное состояние человеческих ресурсов непрерывно оценивается, подвергается рефлексии в семантическом пространстве, связанном с внутренним миром личности, избирательным отношением к ресурсной среде. Семантическое пространство входит в ресурсное пространство личности и влияет на реализацию ее жизненного пути. Индивидуальные и групповые изменения в структуре индивидуальных ценностей зависят от давления культурных кодов, выражающих отношение общества к существующим ресурсам, их социальную и интеллектуальную значимость. Это подтверждается самым разнообразным эмпирическим материалом.

Сравнительный анализ семантического пространства молодых россиян и молодых американцев в середине 90-х г.г., проведенный исследовательской группой Забродина Ю.М., дает возможность выявить разные ценностные ориентации при использовании личностных ресурсов в обществе. Одна из ключевых ценностей – сотрудничество имеет совершенно разные смысловые структуры в организации жизненного пространства молодых людей, относящихся к разным культурам. В американской выборке сотрудничество оказалось в единстве с жизненными установками на компромисс, приспособление, сглаживание и соотносимость с личностными параметрами зрелости и ответственности. В российской выборке ценностное поле сотрудничества «образует совершенно изолированную группу поведенческих конструкторов, несмотря на то, что связи с личностными параметрами зрелости и ответственности личности оказались примерно такими же, как и у американцев» [14, с. 21]. Проведенные исследования свидетельствуют, что общечеловеческие ценности, представленные ответственностью, долгом, обязательные для структурирования личностного ресурсного пространства, должны органически сочетаться с ценностными установками, необходимыми для реализации индивидуальных ресурсов в демократической среде, основанной на возможности выбора альтернативных моделей поведения. В

советской поведенческой культуре сотрудничество долгое время оказывалось как инструментально навязанная личности модель весьма прямолинейного, однозначного поведения и довольно часто не содержала ситуативных характеристик, связанных с готовностью личности идти на компромисс и сглаживание конфликта в «непривлекательной» ситуации. Приведенные факты свидетельствуют, что личностные ресурсы имеют социально обусловленный смысл, социокультурный контекст и влияют на уровень открытости ресурсного пространства личности в отношении к внешней среде. Во взаимодействии ресурсного пространства личности и культурного пространства социума раскрываются смыслы, востребованные эпохой, и по-разному реализованные в семантических и смысловых структурах личностного пространства. Создавая исходные предпосылки для экономической и социокультурной жизнедеятельности личности, ресурсные структуры открывают возможность для развития других пространственных форм личностного бытия.

История XX в. свидетельствует о разных путях постижения личностью смысла собственного ресурсного пространства. В начале века в сознании интеллектуальных кругов России накопление и использование профессиональных, интеллектуальных ресурсов ассоциировалось со служением личности высшим идеалам добра и справедливости. Именно поэтому интеллектуальные ресурсы рассматривались как высшая ценность личностного бытия. Так, проявления мировосприятия философов «серебряного века» в ценностном пространстве личности определяется И.А. Ильиным как «включение в свой жизненный путь творческого дела в этом мире, творческого совершенствования в духе и себя самого, и ближних, и вещей» [15, с. 319]. Коды философской культуры оказываются созвучными кодам жизни творческой индивидуальности, интеллектуальные ресурсы личностного пространства наполняют смысл жизни идеями творческого созидания.

В индустриальном обществе социалистического типа ценность ресурсного пространства личности измерялась, прежде всего, признанием трудовых, профессиональных ресурсов. Трудовые ресурсы индивида оценивались как общественное достояние, как социальный капитал. Давление общественного богатства и его субъекта – бюрократического аппарата на ресурсное пространство личности и обесценивание радости

самореализации в труде, оказываются общими правилами развития индустриальных обществ Запада и Востока первой половины XX в. «Повсюду, где человеку лишь представляется работа, которую ему надлежит выполнить, – отмечает К. Ясперс, – проблема *бытия человека и бытия в труде* оказывается решающей для каждого. Собственная жизнь обретает новый вес, радость труда становится относительной. Аппарат навязывает все большему числу людей эту форму существования» [16, с. 328-329].

В середине XX в. с нарастанием темпов научно-технического прогресса и утверждением на Западе общества массового потребления связь между ресурсным пространством личности и смыслом жизни в социальной теории и практике применяется с точностью «наоборот». Материальные, потребительские ресурсы, как завоевание НТР, предстают определяющей ценностью ресурсного пространства «массового» человека. Личностное пространство, открытое к обществу потребления, превращается в пространство потребления услуг, индустрии досуга и электронных удовольствий, где ценности повседневного бытия предстают ценностями потребления, вытесняющими стремление человека к духовной самореализации. В современном российском обществе ресурсное пространство личности формируется под влиянием самых различных факторов, которые должны учитываться в исследовании динамики пространственных структур. В конце прошлого века с началом распада социалистических общественных отношений в российском обществе началось разрушение сложившейся системы ценностной мотивации поведения личности, одновременно с этим происходило изменение ее ресурсного пространства. Вовлечение социальных субъектов в рыночные отношения требовало разработки новых концептов бытия личности и личностных ресурсов развития. На фоне широко распространенных теорий трудовых ресурсов появляется более гибкая концепция человеческого капитала. Под углом зрения этой концепции идея ресурсного пространства приобретает более глубокое социально-экологическое и экономическое содержание. Весьма показательны, что многие сторонники этой концепции выделяют точки соприкосновения человеческих ресурсов и структурных элементов человеческого капитала. Р.С. Моисеев прямо указывает на ресурсное происхождение челове-

ческого капитала, называя составными элементами этого вида капитала «имеющийся у человека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и влияют на рост доходов (зарботок)» [17]. Предельно абстрактная дефиниция человеческого капитала должна дополняться сравнительно-историческим анализом. Прежде всего, это касается исторических особенностей инвестиций в человеческий капитал в странах, находящихся на разном уровне экономического развития. Если вслед за А.И. Добрыниным подразумевать под инвестициями в человеческий капитал «расходы по поддержанию здоровья, получению образования, затраты, связанные с поиском работы, профессиональной подготовке, а так же расходы, связанные с рождением и воспитанием детей», то российская модель ресурсного пространства личности оказывается более упрощенной и не достаточно развитой по сравнению с западными аналогами. Вместе с тем, понятие «человеческий капитал» не полностью совпадает с понятием ресурсного пространства личности, так как не захватывает сложную систему мотивации и ценностных установок личности, оказывающих влияние на соотношение человеческих ресурсов, их внутреннюю субординацию и взаимозависимость в личностном пространстве. Формирующиеся в ресурсном пространстве предпочтения личности в сочетании с весьма высоким уровнем развития профессиональных знаний и информационных ресурсов, в единстве с потребностями и целями индивидуальной самореализации содержат потенциальные возможности для активной интеграции личности в инновационные процессы, оказывающие все более заметное влияние на экономический рост и социальную стабильность российского социума. Перед обществом, его институциональными структурами в очередной раз открывается историческая возможность использовать творческий потенциал ресурсного пространства личности для интеграции России в глобальное пространство постиндустриальной цивилизации.

Литература

1. *Руссо Ж.Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. М. 1961. Т. 1.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 26. Ч. 1.

3. *Быченко Ю.* Показатель человеческого капитала // *Человеческие ресурсы.* 2000. № 1.
4. *Седова Н.Н.* Правовые основы биоэтики. М. 2004.
5. *Фромм Э.* Характер и социальный процесс // *Психология личности.* Тесты. М. 1982.
6. *Вильховченко Э.Д.* Западный опыт развития «человеческих ресурсов» в эпоху НТР // *Проблемы теории и практики управления: международный журнал.* 1993. № 6.
7. *Мишин А.К.* Особенности управления человеческими ресурсами в переходный период // *Управление человеческими ресурсами в условиях рынка.* Барнаул. 1994.
8. *Урсул А.Д.* Ускорение прогресса и информация // *НТИ.* 1987. № 8.
9. *Шайхитдинова С.* Информационное общество и «ситуация человека». Эволюция феномена отчуждения. Казань. 2004.
10. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М. 2002.
11. *Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // *Человек.* 1996. № 4.
12. *Новик И.Б.* Свобода XXI // *Философские науки.* 2000. № 2.
13. *Иншаков О.В.* Человек институциональный – проблема свободы выбора // *Человек в современных философских концепциях.* Волгоград. 2004.
14. *Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы.* М. 1996.
15. *Ильин И.А.* Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М. 1993.
16. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М. 1994.
17. *Моисеев Р.С.* К вопросу о теориях «человеческого» и «природного» капитала // www.terrakamchatka.

УДК 613.83

СУЩНОСТЬ НАРКОМАНИИ И ЕЕ ПРИЧИНЫ

А.А. Новгородский

кандидат философских наук

Статья посвящена такому серьезному заболеванию как наркомания. Показаны ее сущность и причины возникновения. Приводится комплекс биологических, психологических и социальных факторов, влияющих на возникновение данного заболевания. Также отмечается роль наркобизнеса в распространении наркотических средств.

Ключевые слова: наркомания, зависимость, наркотические средства, наркотизм, психоактивные вещества, наркобизнес.

Термин «наркомания» употребляется в литературе неоднозначно. В самом общем смысле *наркомания* (от греч. *narke* – помрачение сознания и *mania* – страсть) – страстное влечение к наркотикам, возникающее в результате неоднократного их употребления и привыкания к ним [1]. Такая формулировка не учитывает возникающие в связи с этим серьезные проблемы, например, ухудшающееся здоровье, трудности в работе и учебе, столкновения с законом, социальные и экономические осложнения.

В начале XX в. термин «наркомания» относился к незаконному применению наркотиков, при этом моделям потребления и его последствиям уделялось мало внимания. Позднее этот термин получил более узкое толкование, а с 1957 г., по решению Всемирной организации здравоохранения, стали различать пристрастие к наркотикам как физическое и привычку к наркотикам как психологическое состояние [2].

В клиническом отношении *наркомания* – это заболевание, связанное со злоупотреблением наркотическими средствами, лекарственными и нелекарственными, отнесенными к списку наркотических веществ в соответствии с приказами Министерства здравоохранения и характеризующиеся формированием психической и физической зависимости к

принимаемому препарату, а также изменением толерантности с тенденцией к увеличению принимаемых доз препарата [3]. *Наркомания влечет психическую, интеллектуальную, физическую и нравственную деградацию личности.* Средняя продолжительность жизни наркомана не превышает 35 лет. По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения, 95% ВИЧ-инфицированных составляют наркоманы [4].

В наркологии и психиатрии рассматривают различные *формы наркомании*:

- опиатная (опийная), или наркомания морфинного типа;
- наркомания, вызванная препаратами конопли (гашишизм);
- кокаиновая наркомания;
- наркомания амфетаминового типа;
- наркомания, вызванная галлюциногенами, с разной клинической картиной и течением [5].

В настоящее время получила распространение полинаркомания – сочетание больным двух и более наркотических средств. Наркомания находится в тесной связи с наркотизмом, однако наличие этой связи никоим образом не обуславливает адекватность этих явлений. *Наркотизм* – это явление социальное, понятийно-категориальная сторона которого все еще недостаточно исследована [6]. Сложность однозначного определения понятия «наркотизм» связывается со следующими обстоятельствами:

1. Наркотизм – это широкое по объему и достаточно абстрактное по характеру явление.

2. Наркотизм – сложное, многоаспектное явление, позволяющее рассматривать его в самых различных ракурсах. Он есть стыковая категория права, социологии, психологии, медицины и других наук, каждая из которых в соответствии с собственным предметом и методами исследования изучает его (например, влияние потребления наркотиков на физическое состояние потомства – медицинский аспект, зависимость между степенью пристрастия к наркотикам и степенью деградации личности – психологический аспект и др.).

3. Наркотизм – социальный феномен, который охватывает различные этапы исторического развития общества (действие опийного мака как снотворного средства было известно еще за тысячу лет до н.э.).

В настоящее время отсутствует однозначное определение наркотизма. Например, Н.М. Абдиров определяет *наркотизм* как антиобщественное явление, связанное с незаконным потреблением и распространением наркотических средств и психотропных веществ, появлением и существованием последних в потребительском обороте товаров и услуг [7]. В рамках наркотизма функционирует *незаконный оборот наркотиков*, рассматриваемый как движение, вращение этих средств на рынке товаров и услуг, охватывающий все виды возможных действий с лекарственными препаратами, химическими и биологическими продуктами, сырьем, растениями и их частями, способными вызвать наркоманию, официально включенными в «Список наркотических веществ и наркотических лекарственных средств РФ» в соответствии с международными конвенциями. Помимо незаконного оборота в орбите наркотизма также функционирует и *наркобизнес*, цель которого заключается в извлечении материального дохода (выгоды) от изготовления и распространения наркотиков. Он представляет собой специфическую деятельность, связанную с организованными формами незаконного культивирования наркотиков и их распространением в обществе [8].

Таким образом, понятия наркотизм и наркомания не являются тождественными. Используя понятие наркомания, внимание акцентируют на медицинском и психологическом аспекте, а при использовании понятия наркотизм – на социально-правовом.

Наркомания представляет собой тяжелое и плохо поддающееся лечению заболевание, вызываемое сложным комплексом биологических, психологических, социальных факторов. Эксперты Всемирной организации здравоохранения отмечают, что *причины наркомании имеют четыре уровня* [9].

1. *Биофизиологический*. Речь идет о наследственной предрасположенности к употреблению психоактивных веществ, о влиянии генетически передающихся особенностей расового, этнического, морфологического планов, о психофизиологических особенностях индивида (нехватка энзимов, врожденные и приобретенные нарушения метаболизма, эндокринные нарушения, патологии мозга).

2. *Индивидуально-психологический*. Особенности патологии и личного опыта обуславливают неполноценный образ жизни и соответ-

вующую тягу к его компенсации за счет искусственной регуляции своего психоэмоционального состояния с помощью психоактивных средств.

3. *Микросоциальный.* Здесь концентрируются причины, связанные с непосредственным социальным окружением подростка в семье, школе, среди сверстников, в молодежной субкультуре, то есть там, где создаются патологические, предрасполагающие к наркомании модели поведения.

4. *Макросоциальный.* В социальном плане он является основным и решающим, поскольку деформации на микросоциальном, а во многом и на индивидуально-психологическом уровнях связаны с социальными кризисами и другими социальными явлениями в рамках общества.

Рассмотрим *биофизиологические причины наркомании*. Согласно многочисленным исследованиям, существует некоторая *генетическая предрасположенность* к употреблению отдельных психоактивных веществ. По мнению ряда ученых, она связана врожденными физиологическими способностями организма. Например, можно утверждать, что склонность к употреблению алкоголя обусловлена генетически, по всей вероятности, строением X-хромосомы. Изучая биохимические основы алкоголизма, ученые открыли его связь с индивидуальными особенностями обмена веществ. Существуют данные об этнических различиях в чувствительности к алкогольной интоксикации. Так, «у китайцев, японцев и американских индейцев такая чувствительность обнаруживается чаще, чем у представителей «кавказской» расы. Поскольку эти различия выявляются даже у новорожденных, существование генетических различий представляется весьма вероятным». По мнению Л. Эрман и П. Парсонса, исследования сводных братьев, сестер и приемных детей свидетельствуют о том, что «алкоголизм часто наследуется, однако для получения более определенных выводов необходимо провести более полный количественный анализ» [10]. В ходе опытов на животных удалось произвести отбор на приверженность к морфину, т.е. склонность к наркомании. Оценки наследуемости этого признака были очень высоки.

Американский ученый Т. Кроули в работе «Почему люди употребляют наркотики» пишет о необходимости различать удовольствие, которое наркоманы испытывают от самого приема наркотика, и удоволь-

ствие, которое они переживают из-за прекращения абстинентного⁶ синдрома [11]. Действительно, на первых порах положительные эмоции у подростка, экспериментирующего с наркотиками, могут быть связаны с их эйфорическим действием и одобрением группы наркоманов, с которой общается подросток. Однако по мере привыкания к наркотику и формирования абстинентного синдрома, к наркотику стремятся уже не для эйфории, а для смягчения страданий, причиненных отсутствием привычного вещества.

Данные исследований подтверждают гипотезу о том, что пристрастие к наркотикам возникает как следствие процесса формирования подкрепляющих условных рефлексов. Эта идея отражена в классическом труде А. Линдесмита «Пристрастие к опиатам» [12]. Многочисленные конкретные исследования опиоманов, морфинистов привели к довольно противоречивым итогам. Оказалось, что и стремление избежать боли, и стремление к эйфории сохраняются на разных этапах наркомании.

Важным фактором развития наркомании являются *индивидуально-психологические особенности*. Многие исследователи связывают причины наркомании с особенностями личности наркомана. В числе наиболее общих характеристик исследователи называют: самоощущение беспокойства, любопытство, страх перед контролем извне, уверенность, что наркотик поможет справиться с личными проблемами, желание изменить и переделать себя. Факторами риска наркомании считаются нерешительность, интравертность, низкая переносимость отрицательных эмоций, склонность к тоске и депрессии, безответственность, психические отклонения и болезни, недостаток жизненных интересов, духовная пустота, неинформированность о вреде наркотиков, попытки самолечения, желание быть социально принятым, ставка на одобрение извне, восстание против общепринятых ценностей, потребность в снижении напряженности и беспокойства, чрезмерное любопытство [13]. Особое внимание ученые обращают на такую черту наркоманов, как любопытство. Так, П. Бэлчи выводит целую теорию о том, что причиной нарко-

---

⁶ *Абстиненция* (синдром отмены) – синдром физических и (или) психологических нарушений, который развивается после резкого прекращения употребления наркотического вещества или фармакологического блокирования его действия.

мании является искушение, и соотносит наркоманию с азартными играми.

Наиболее известное исследование героиновой наркомании английского ученого И. Чейна показало, что основной мотив употребления героина – вовсе не риск эйфорических удовольствий, а попытка избежать неприятных эмоций, беспокойства, депрессии, тоски и подавленности. И. Чейн установил, что наркоманы еще до начала употребления героина имели значительные личностные отклонения от нормы: слабую волю, неумение сдерживать свои эмоции, стремление к поддержке извне. Неудовлетворительным было также и семейное положение наркоманов [14]. Нельзя не учитывать и мнение тех ученых, которые в акте приемов наркотиков видят некий «фармакогенный оргазм». Подобные исследования часто проводятся сторонниками фрейдизма. Например, С. Радо приравнивал удовольствие от психоактивных веществ к оргазму [15].

По мнению московского социолога М.Е. Поздняковой, причины наркомании следует искать в конкретных условиях жизнедеятельности людей и нравственно-психологических свойствах личности. Изменения в мотивационно-потребностной сфере неизбежно приводят к специфическому образу жизни, изначальной причиной которого является неудовлетворенность потребностей и влечений, сочетающаяся с неспособностью удовлетворить их социально приемлемыми средствами [16].

Наркомании присуща рассогласованность между побуждениями и способами, которыми пользуется индивид. Одна и та же потребность может быть связана с целым набором мотивов и, наоборот, определенный мотив деятельности может характеризовать целый ряд потребностей. Рассмотрим некоторые из них.

1. *Потребность в достижении*, заключающаяся в стремлении личности улучшать результаты своей деятельности, формируется из двух основных компонентов – стремления к успеху и избежания неудачи. Она не является врожденной. Такая потребность возникает в результате тревоги, беспокойства, вызываемых страхом неудачи, и поэтому часто компенсируется наркотиком.

2. *Потребность в признании* выражается в стремлении добиться высокой оценки со стороны уважаемых людей, референтной группы.

Согласно исследованиям, у лиц с высоким уровнем потребности в признании отмечено раннее приобщение к алкоголю и наркотикам.

3. *Потребность в общении* имеет большое значение для молодого человека. Неудовлетворенность этой потребности, особенно в кругу семьи, часто ведет к развитию аддиктивного поведения, а в дальнейшем – и к наркомании. Уровень значимости общения в кругу семьи у большинства наркоманов низок, в 2,5 раза ниже, чем в кругу друзей.

4. *Потребность в аффилиации*⁷ является вторичной тенденцией, которая возникает в процессе социализации личности, и может также рассматриваться как стремление быть членом какой-либо определенной постоянной группы. Одним из главных проявлений этой потребности является желание человека уменьшить социальную дистанцию. Исследования показывают, что существует прямая связь между возрастанием тревоги и аффилиантным поведением. У подростков с нарушениями процесса социализации снятие тревожности происходит за счет употребления алкоголя и наркотиков.

5. *Потребность в лидерстве, доминировании* выражается в стремлении влиять на свое окружение, в желании быть авторитетом. В случае с наркоманами чаще всего именно потребность убедить членов группы в правильности своей точки зрения и является доминирующей в иерархии потребностей. Она определяет характер общего стиля поведения личности, причем признаки лидерства у нее связываются с волевым началом – стремлением подчинить себе окружающих людей любой ценой, даже силой.

Наркомания обусловлена не только биологическими и психологическими, но и *социальными причинами*. На *микросоциальном уровне* значительное влияние на склонность человека к употреблению наркотиков оказывают внутрисемейные отношения и влияние референтной группы. Х. Джонс пишет о постоянном чувстве зависимости наркомана сначала от матери, затем – от жены [17]. Указывается также, что родители наркоманов часто являются людьми психически неполноценными или неуравновешенными, равнодушными к своим детям, иногда пьющими, склонными к употреблению психоактивных средств. В специаль-

---

⁷ *Аффилиация* (от англ. to affiliate – присоединять, присоединяться) – стремление человека быть в обществе других людей.

ном исследовании Н. Селдина «Семья наркомана» говорится о том, что матери наркоманов по своему характеру чаще бывают властными, эмоционально не развитыми, что может являться фактором риска наркомании [18]. Большинство исследователей усматривают корни наркомании в разрушении нормального взаимодействия между родителями и детьми. Факторами риска являются неполная семья, семейные разрывы, конфликтная обстановка в семье, недостаточное внимание, уделяемое ребенку со стороны родителей. Очевидным фактором риска является наличие в семье наркомана, алкоголика или курильщика. К *макросоциальным факторам*, способствующим распространению наркомании, В.Т. Лисовский, Э.А. Колесникова относят следующие [19].

1. Социально-экономический кризис.

2. Моральная деградация общества, кризис ценностей и идеалов, ослабление жизненных перспектив.

3. Разрушение традиционных институтов социализации и воспитания, системы досуга, бездуховность социальных образований, развал системы детских и молодежных организаций.

4. Стадный, примитивный коллективизм, боязнь быть осмеянным в кругу сверстников, нездоровое любопытство. Для части молодежи наркоман – «крутой человек», который не боится умереть. И наркоманы нередко идут на смерть, будучи уже не в силах остановиться.

5. Безнаказанность торговцев наркотиками, отсутствие мощного, хорошо организованного спецподразделения по борьбе с наркопреступностью.

6. Навязывание наркотической «культуры» в качестве элемента досуга, образа жизни молодежи. Это особенно сильно проявляется в так называемой «рейв-культуре».

7. Либерализм общественного мнения в отношении потребителей наркотиков, непонимание того, что наркомания – не только медицинская, но и острейшая социальная проблема.

8. Отсутствие достаточного количества лечебно-реабилитационных наркотических центров, государственной помощи больным наркоманией.

9. Отсутствие четкой государственной политики в этой области, низкий уровень профилактики наркомании, нехватка медикаментов.

В современном мире заинтересованным в распространении наркомании является *наркобизнес*. Цель наркобизнеса заключается в получении прибыли от незаконного культивирования и распространения наркотиков в обществе. Практика борьбы с наркобизнесом свидетельствует, что основной причиной сбыта наркотиков является экономическая заинтересованность, возможность заработать «легкие деньги». Под этим следует понимать, во-первых, крупный размер дохода от сбыта наркотиков; во-вторых, высокую скорость обращения этого дохода. Так, по оценкам специалистов, даже у мелкого сбытчика этот доход в день составляет от 130 до 250 долл [19].

Закономерно, что функционирование наркобизнеса подчинено основному экономическому закону, поэтому без его учета любые попытки борьбы с незаконным оборотом наркотиков будут лишь увеличивать доходы наркоторговцев и повышать их заинтересованность в процветании этого вида преступного бизнеса. Складывается парадоксальная ситуация, когда меры, направленные на пресечение дальнейшей наркотизации, могут привести к ее увеличению и повышению стоимости наркотиков. Механизм возникновения данных последствий следующий: потребителю достать наркотики становится труднее, и он готов заплатить дороже; дороже ценит наркотики и преступник, что, в конечном счете, приводит к увеличению желающих заняться сбытом наркотиков, появляется больше наркоторговцев, и, следовательно, они вовлекают все новых и новых потенциальных потребителей наркотиков. Именно таким путем живет и развивается наркобизнес [20].

Подводя итог изложенному выше, следует отметить, что наркомания представляет собой тяжелое и плохо поддающееся излечению заболевание, вызываемое сложным комплексом биологических, психологических, социальных факторов. К биологическим факторам относится генетическая предрасположенность, нехватка энзимов, врожденные и приобретенные нарушения метаболизма, эндокринные нарушения, патологии мозга. Психологическими факторами риска наркомании считаются нерешительность, интровертность, низкая переносимость отрицательных эмоций, склонность к тоске и депрессии, безответственность, недостаток жизненных интересов, духовная пустота, потребность в снижении напряженности и беспокойства, чрезмерное любопытство. На

микросоциальном уровне значительное влияние на склонность человека к употреблению наркотиков оказывают сложные внутрисемейные отношения. К макросоциальным факторам, способствующим распространению наркомании относятся моральная деградация общества, кризис ценностей и идеалов, разрушение традиционных институтов социализации, навязывание наркотической «культуры» в качестве элемента досуга, образа жизни молодежи, отсутствие достаточного количества лечебно-реабилитационных наркотических центров, государственной помощи больным наркоманией. В современном мире заинтересованным в распространении наркомании является наркобизнес, цель которого заключается в получении прибыли от незаконного культивирования и распространения наркотиков в обществе.

Литература

1. *Еникеев М.И.* Энциклопедия. Общая и социальная психология. М., 2002.
2. *Лисовский В.Т., Колесникова Э.А.* Наркотизм как социальная проблема. СПб., 2001.
3. *Жариков Н.М., Морозов Г.В., Хритинин Д.Ф.* Судебная психиатрия. М., 2001.
4. Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003.
5. *Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж.* Клиническая психиатрия. В 2 т. М., 2001. Т. 1.
6. *Сартаева Н.А.* Наркотизм: социально-правовой аспект // Государство и право. 2003. № 2.
7. *Абдиров Н.М.* Проблемы борьбы с наркотизмом и наркобизнесом в Республике Казахстан: формирование адекватных организационных и правовых основ // Актуальные проблемы теории и практики применения права. Караганда, 1994.
8. *Сартаева Н.А.* Наркотизм: социально-правовой аспект // Государство и право. 2003. № 2.
9. *Мартынич Е.Г.* Борьба с наркоманией: проблемы и перспективы. Кишинев, 1990.
10. *Эрман Л., Парсонс П.* Генетика поведения и эволюция. М., 1984.

11. Фридман Л.С., Флеминг Н.Ф., Робертс Д.Х., Хайман С.Е. Наркология. М., СПб., 1998.
12. *Lindesmith A.R.* Opiate Addiction. London, 1987.
13. *Личко А.А., Лавкай И.Ю.* Акцентуации характера у подростков // Психологический журнал. 1987. № 2.
14. *Chein I.* The Road to Heroin: Narcotics, Delinquency and Social Policy. London, 1964.
15. *Rado S.* Narcotic Bondage: a General Theory of the Dependence of Narcotic Drug // American Journal of Psychiatry. 1957. Vol. 114.
16. *Позднякова М.Е.* Неудовлетворенность социальных потребностей – важный фактор наркотизации // актуальные проблемы девиантного поведения. Ежегодник. М., 1995.
17. *Jons H.* Alcohol Addiction: A Psucho-Social Approach to Abnormal Drinking. London, 1963.
18. *Seldin N.E.* The Family the Addict // International Journal of the Addiction. 1972. Vol. 7 №1.
19. *Лисовский В.Т., Колесникова Э.А.* Наркотизм как социальная проблема. СПб., 2001.
20. *Сартаева Н.А.* Наркотизм: социально-правовой аспект // Государство и право. 2003. № 2.

Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ 20 ноября 2009 г.

ПРАВО

УДК 340

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Г.С. Працко

доктор юридических наук, профессор

В статье исследуется взаимообусловленность порядка и человека как родового существа. При этом рассматривается несколько форм общественного порядка: социальный, экологический, политический. Уделяется внимание доминирующей роли институтов власти в институциональной структуре порядка.

Ключевые слова: социальный порядок, правопорядок, общественная среда, институт власти, индустриальное общество, индивид.

Продолжающиеся дискуссии о социальных и гуманистических основаниях гражданского общества в России расширяют философские представления о системной организации общественной жизни, предполагают новый взгляд на устоявшиеся проблемы человеческого существования. К их числу относятся фундаментальные вопросы о роли правопорядка в жизненном мире человека, соотношении внутреннего и внешнего порядка в поведенческих моделях индивидов и социальных общностей, ценностные отношения личности к институциональным структурам, осуществляющим регулирование сфер общественной жизни. Основной целью статьи является исследование взаимообусловленности порядка и человека как родового существа, где порядок предстает как сложная система адаптации индивидов к общественной среде, а родовой человек рассматривается как активный субъект, способный принять или изменить существующий социальный порядок.

Широкий спектр человеческих измерений социального порядка не может получить должного философского обоснования без обращения к

историко-философской традиции. Стремление понять сложную природу социального порядка и место в нем человека характерно для духовной жизни разных эпох. Предназначение порядка для реализации прав человека как гражданина обнаруживается в философских трактатах античных авторов и впервые оформляется в систему философских воззрений в Новое время. В сформировавшемся индустриальном обществе значимость правопорядка в общественном сознании определялась развитием техники, культуры, науки. На этом культурном фоне проблема отношения человека к общественному порядку как бы уходила на второстепенный план. В эпохи нарастания глобальных противоречий и международных конфликтов второй половины XX в. философы и правоведы вновь обращаются к порядку как гаранту сохранения человеческой жизни, как общественной форме бытия индивидов, необходимой для сбережения человеческих и социальных ресурсов. В современных дисциплинарных подходах к порядку, представленных политологическими, социологическими и правоведческими исследованиями, фундаментальные для человека адаптационные свойства общественного порядка, как правило, не подвергаются направленной теоретической рефлексии, не учитывается ценностная природа этой системной организации общественной жизни.

Необходимо кратко выяснить эволюцию философских воззрений на проблему социального порядка. Философские теории социального порядка, сформировавшиеся в классической социальной философии, вытекают из различных теоретических начал, и в своем большинстве, образуют два направления. Первое, утвердившееся в XVII-XVIII вв., исходит из естественного состояния человека как основы перехода к правовому состоянию и началу публичной власти, публичного права. Второе, сложившееся в середине XIX столетия, в качестве теоретического основания для выяснения роли человека в структуре порядка выделяет общественную субстанцию – сущностные социальные связи, детерминирующие жизнь общества как социального целого.

В Новое время общественный порядок оказывается проекцией родового индивида его естественных и социальных качеств. Порядок ассоциируется с политическим телом объединившихся индивидов, состоящим из государственных и частных институтов, норм, законов, регулирующих общественную жизнь людей. Практически все концепции обще-

ственного договора XVII-XVIII вв., ставшие мощным импульсом для исследования проблем происхождения государства и общества, образовывали проблемное поле исследования порядка общественной жизни. Философы исходили из естественного состояния человека как условия перехода к государственной организации общества. Правопорядок оказывался регулятором межчеловеческих отношений, открывалась возможность философского осмысления человека как гражданина, его прав, свобод в установившихся отношениях между государством и его подданными. В теориях общественного договора разрабатывались основания политической антропологии и антропологические принципы исследования социального порядка.

Особое положение в теориях общественного порядка, сложившихся в конце XVIII в., занимает философское наследие И. Канта. Теоретическим и практическим основанием для взаимосвязи человека и порядка выступает сфера должного. Философ считал, что помимо разнообразия частных устремлений каждого необходимо еще и объединяющее начало. Таким началом социальных действий становится общая воля, которая как источник правового состояния общества реализуется в принуждении, «именно на нем основывается затем публичное право» [1, с.291]. Долженствование как основание для порядка общественной жизни имеет разумную природу. Исследователи наследия немецкого философа обращают внимание на мысль И. Канта о том, что человек посредством разума привносит целесообразность в установившийся порядок и определяет общую направленность действий и поступков свободных индивидов [2, с.210].

Идея долженствования воплотилась у И. Канта в различных видах категорического императива. Один из них, морально-практический императив содержит внутренне осознанное чувство долга каждым индивидом; другой – строго-правовой императив выражает нормы права обязательные для каждого и регулирующие гражданскую жизнь людей. Решая проблему порядка с позиций человека как морального существа, И. Кант одним из первых мыслителей осознал сложность взаимодействия внешнего порядка, принуждающего индивида к обязательным действиям, и образа порядка в сознании индивида. Пытаясь смягчить жесткую нормативность общественного долга для человека, И. Кант видел важнейшую

задачу порядка в разумном, обоснованном направлении индивидуальных действий к общей цели. Поэтому долженствование и нормативность порядка необходимо соотносить с идеей справедливости. Справедливость, возведенная И. Кантом в один из важнейших принципов порядка, оказывается необходимым условием реализации категорического императива и выступает как принуждающее (нормативное) и благоразумное начало [3, с.229]. Раскрывая внутреннюю и внешнюю природу порядка, И. Кант стремится выстроить предельно развитую форму правовых, политических и моральных отношений гражданского общества. В его философской теории порядка человек представлен как моральное существо с развитым нравственным сознанием, способным, исходя из категорического императива, добиваться совершенного правопорядка. Масштабность философской теории порядка сочетается у Канта с преобладанием абстракции «человека вообще» и позволяет выявить самую общую тенденцию развития роли и места человека в структуре общественного порядка.

Другое теоретическое направление в осмыслении взаимосвязи человека и порядка окончательно складывается в середине XIX – начале XX в. Начало порядка, его субстанция, определяется исходными социальными качествами. Именно с этих позиций проблема человека и порядка рассматривается в позитивной философии О. Конта и Г. Спенсера. Имманентно присущая индивидам способность к сотрудничеству и достижению общей цели реализуется в истории добровольным или принудительным путем, определяет, по мнению Г. Спенсера, исторические типы порядка. Английский мыслитель впервые обосновал различия «военного» и «промышленного» порядка. Помимо генетического подхода к исследованию социальной организации общественной жизни Г. Спенсер применяет структурно-функциональный анализ социального порядка. В этой связи им выделяется «регулятивный» порядок, порядок, «производящий средства для жизни», и «распределительный» порядок. Пристальное внимание социальных философов и экономистов второй половины XIX в. к политэкономическим проблемам социального порядка было обусловлено бурным развитием индустриального общества, которое остро нуждалось в рационально-организованном экономическом порядке.

В теории материалистического понимания истории порядок общественной жизни вытекает из материальных потребностей и интересов классов. Осуществляя экономическую детерминацию в обществе, порядок экономической жизни содержит сущностные свойства общественного порядка «вообще». Позитивная философия и теория исторического материализма, выявляя субстанциональные основания общественного порядка, оставляли без должного внимания проблему человека в социально-организованных системах.

Широкий пласт теоретических проблем, включая культурно-антропологические основания порядка, динамику развития культуры, как необходимого условия реализации человека в социальном порядке, получает в XX в. истолкование в философской герменевтике, культурной и политической антропологии, в понимающей социологии. В философско-социологической теории общества Макса Вебера социальный порядок оказывается проекцией базовых идей, интегрирующих общественную жизнь. Религиозные, нравственные, правовые начала определяют социальный порядок. В такой модели порядка человек оказывается многомерным объектом исследования, не сводимым к экономическим или политическим доминантам.

Основываясь на историко-философской традиции в осмыслении места и роли человека в социальном порядке, установленном при прямом участии государства, институтов культуры, следует отметить целесообразность специального исследования нормативной и ценностной структур современного порядка. В этой связи особую роль приобретают проблемы норм, стандартов поведения людей и их влияния на процессы адаптации человека к окружающей среде. Нормы и стандарты общественной жизни, органично связывающие в традиционных обществах территорию обитания и сферы проявления порядка, значительно усложняются в индустриальном обществе, дополняются институциональными структурами государства и многочисленными видами социального контроля. Привычные для традиционного общества формы реализации норм и стандартов на основе традиций перестают доминировать при адаптации индивида к новой среде обитания в индустриальном обществе. Как справедливо утверждает Б.А. Урванцев: «Привычки, выработанные в результате многократного применения норм, иногда так укореня-

ются в сознании людей, что при введении новых стандартов они еще долгое время оказываются противодействующей силой усвоения новых норм» [4, с.228]. В более широком социальном плане нормы выступают структурным элементом социального порядка и выражают его функциональную направленность в двух аспектах: во-первых, содержат информацию о последовательности действий социальных субъектов; во-вторых, предстают средствами управления и социального контроля. Если в первом случае нормы и стандарты содержат образцы, модели поведения, то во втором речь идет об институционализации норм, их связи с социальными институтами. Образуя структурные уровни социального порядка, институты регулируют виды социальных действий и отношений социальных субъектов и устойчивости социальной системы. Совокупность социальных средств и ресурсов создает материальную основу института, определяет масштабы его влияния в структуре порядка.

Доминирующую роль в институциональной структуре порядка занимают институты власти. Эти институты регулируют бинарные оппозиции социальных интересов, преодолевают напряженность общественной жизни и центристские тенденции в действиях разнородных социальных общностей – социальных слоев, классов, корпоративных групп. Институты власти, раскрываясь в волевых отношениях между людьми, вносят согласованность в действия социальных субъектов благодаря реализации полномочий принимать решения и реализовывать их на практике. Институты власти, контролируя интеграционные функции социальных норм, оказываются системными элементами социального порядка.

Реализация системных качеств институтов власти происходит через институты различных сфер общественной жизни. Взаимодействие институтов различных уровней между собой выступает еще одной особенностью социального порядка. Непрерывно воспроизводя традиции и нормы поведения, социальные институты реализуют функции порядка в реальном времени и пространстве. Они интегрируют интересы и контролируют совместные действия людей, осуществляют социокультурную преемственность поколений, коммуникационных структур и социально-значимых знаковых систем.

Абсолютизация структурных и функциональных свойств институтов может увести исследователя от решения философско-антропологических проблем социального порядка. Сохранение проблемного поля исследования роли и места человека в общественном порядке может решаться в нескольких теоретических плоскостях. В этой связи несомненный научный интерес представляет феноменологическая парадигма социального порядка. В феноменологии через осмысление конкретных форм институциализации поведения человека в процессах межиндивидуальной коммуникации разворачивается собственный подход исследования человека в структуре порядка. В точках пересечения коммуникационных потоков, представленных различными формами наследования прошлого, в информационных потоках, порожденных формами социального мышления (включая экономическое, политическое, религиозное, художественное отражение мира), человек создает образы социального порядка, подкрепленные традициями. Известные представители феноменологии П. Бергер и Н. Лукман рассматривают традицию как исходную форму институциализации общественной жизни. В контексте нашего исследования традиции не только выступают как генетически ранний способ институциализации человеческих отношений, но и являются необходимым условием адаптации индивидов к существующему порядку. Вливаясь в коммуникационные потоки, соединяющие прошлое с настоящим, родовой человек, воспроизводящий традиции, реализует, сохраняет и укрепляет социальный порядок.

Один из авторитетных специалистов в области социальной памяти М. Хальбвакс в монографии «Социальные границы памяти» особо выделяет социальные группы, реализующие потребности общества в сохранении прошлого. Это объект социальной памяти, «о котором можно было бы сказать, что его задача состоит в сохранении и продлении жизни традиций,... он участвует в актуальных функциях лишь настолько, насколько их нужно приспособить к традиции и обеспечить им непрерывность жизни в обществе» [5, с.298]. Продолжая логику рассуждений М. Хальбвакса, можно заключить, что, участвуя в актуальных функциях по воспроизводству различных сфер общественной жизни, профессиональный субъект социальной памяти проводит социальную «инвентаризацию» все новых феноменов жизнедеятельности социальных систем и

социальных групп под углом зрения традиций, тем самым он сохраняет историческую преемственность старого и нового социального порядка. Институт социальной памяти, осмысленный с позиций феноменологической методологии, дает возможность исследовать информационно-коммуникационные признаки социального порядка в генетическом и структурно-функциональном аспектах. Причем представления и образы порядка, формирующиеся у отдельных индивидов или социальных групп, в процессе воспроизводства традиций прошлого становятся духовным импульсом для укрепления или реформирования сложившегося в обществе социального порядка. Феноменологическая теория дает возможность очертить духовные основания порядка, выяснить человеческие измерения его институциональных структур.

Познавательные средства, разработанные в современной феноменологии, дают возможность выявить самые различные формы взаимодействия человека и общественного порядка с позиций духовных оснований человеческого бытия. Вместе с тем, эта парадигма порождает новые проблемы, связанные с неизбежной при таком подходе подменой онтологических структур порядка феноменами человеческой intersубъективности. Представления человека о значимости или бессмысленности социальных механизмов функционирования порядка не совпадают с объективными структурами, регулирующими различные уровни общественной жизни. Частичная подмена сегментов порядка intersубъективными представлениями, сочетается с переносом результатов исследования микроструктур и процессов индивидуальной, повседневной практики индивида на макроструктуры общественного порядка. При таком подходе возникает опасность подмены одного познавательного объекта другим. Вместе с тем, феноменологическая концепция социального порядка весьма остро поставила вопрос о соотношении онтологических и intersубъективных структур в организации общественной жизни. Помимо чисто академического решения этой проблемы средствами философской рефлексии появляется широкий спектр практических проблем, связанных с соотношением формальных и неформальных форм общения в институциональных структурах порядка, объективных и intersубъективных критериев устойчивого порядка его способности выдержать натиск истории. Очерченный круг вопросов свидетельствует о необходимости бо-

лее обстоятельного анализа онтологических структур порядка, рассмотренных под углом зрения поведенческих практик субъектов порядка.

Проанализированные выше «элементарные» образования социального порядка – стандарты, нормы, институты, предстают как элементы этой системы. Известно, что любая система не сводится к отдельным элементам. В познавательной деятельности важно выявить системное качество исследуемого объекта. В рамках представленного исследования речь идет о выявлении системного качества социального порядка. В философской традиции и в современной социально-философской теории можно найти разные теоретические процедуры выявления системного качества порядка. Г. Спенсер системным качеством порядка считал способность индивидов к сотрудничеству в достижении общей цели, в феноменологических моделях порядка выделяется в основе порядка ценностное согласие, символическое взаимодействие (символический интеракционизм). Странники аксиологической парадигмы системные основания порядка связывают с категориями долга, справедливости, ответственности. Думается, что названные концепции хорошо работают при исследовании ментальных структур порядка, но малоэффективны при анализе сложных социальных систем с множеством экономических, политических и социокультурных составляющих.

Позитивный опыт макросоциального анализа системного качества порядка представлен теоретическим наследием Т. Парсонса. При исследовании многоуровневых социальных систем он выдвигает принципы выявления сложных функций стратифицированных систем, которые вполне применимы для определения системного качества социального порядка. «Любое системное социальное явление, – по мнению Парсонса, – должно быть скоординировано как с универсальными нормами, определяющими статус членства, так и с определенным разделением функций коллективов, статусов и ролей, которое, в общем-то, не обязательно предполагает наличие иерархии. Стратификационная система, таким образом, представляет собой сложную функцию всех этих составляющих» [6, с.27]. Четко сформулированная автором позиция несколько проясняет весьма запутанный вопрос о системном качестве социального порядка. Внося методологические коррективы можно выделить несколько признаков, исследуемого объекта. Во-первых, порядок обнаруживается при

сведения индивидуальных действий к общепринятым нормам, которые закрепляют положение субъектов в сложившейся социальной структуре. Во-вторых, порядок – это особый вид социальной стратификации, нуждающийся в постоянной регламентации и институализации. В-третьих, порядок выступает способом жизнедеятельности составляющих его индивидов, где реализуются жизненно важные потребности, цели и смысл социального существования. Выделенные признаки дают возможность соотнести системное качество социального порядка с наличием интеграционных, институциональных и адаптационных функций, необходимых для устойчивой жизнедеятельности человеческих сообществ и стратифицированных социальных систем. Сущностные черты социального порядка приобретают реальные очертания в жизнедеятельности конкретных социальных организмов и в реальной практике человека. Представляется возможным выделить конкретные формы самореализации человека в условиях экологического и политического порядка и провести философскую рефлексию человеческого бытия в этих эмпирических горизонтах социальной реальности.

В отношении человека к природе формируется исторически исходная форма общественного порядка, представленная экологическим порядком. Целесообразность установления экологических стандартов и норм поведения как структурных элементов порядка в отношении человека к природе обусловлена, прежде всего, сохранением человеческой жизни и социоприродных условий ее существования. Социально-природные свойства экологического порядка впервые были выделены Р. Парком. По его мнению, «проявление живого, изменяющегося, но устойчивого порядка между соревнующимися организмами, воплощающими конфликтные, но все же взаимосвязанные интересы, представляются основой для понимания социального порядка, основанного скорее на биотическом, нежели на культурном базисе» [7, с.22]. Выявляя существенные признаки порядка, сформировавшегося в процессе взаимодействия людей с природой, Р. Парк рассматривает конкуренцию и конфликт интересов как изначальные факторы становления экологического порядка. Способность порядка регулировать взаимоотношения между индивидами, живущими на одной территории, и восстанавливать равновесие противодействующих социальных сил, достигается путем

установившихся обычаев, конвенций и законов, интегрированных в институциональную структуру [8]. В экологическом порядке регулирование человеческих отношений осуществляется в пределах пространства, освоенного этносами. Долженствование как необходимое условие функционирования любого порядка реализуется через властные отношения. Категории долга, ответственности, свободы в экологическом порядке обусловлены отношением человека к природе. Особо следует выделить человеческие измерения экологического порядка, связанные с наличием стихийных и сознательно регулируемых форм экологической деятельности человека как социоприродного существа. Человек сопротивляется социальным факторам, содержащим угрозу его здоровью, нарушающим его экологическую свободу. Естественное противостояние человеческого организма негативным воздействиям техники, техногенных структур городов, промышленных комплексов оказывается весьма хрупким и неустойчивым. В любом цивилизованном сообществе необходимы социальные технологии и правовые отношения, обеспечивающие экологическую безопасность человека.

Стихийное противостояние населения загрязнению воздуха, воды, земли промышленными отходами в крупных городах и индустриально-развитых регионах выступает одной из форм проявления противоречий экологического порядка. В условиях расширения масштабов экологического кризиса, негативно сказывающихся на живом и растительном мире, влияющих на здоровье человека, в качестве важного фактора экологической безопасности всего живого выступает экологическое право. Возникновение экологической функции права связано с углублением противоречий между природной и социальной средой, необходимостью правового регулирования социальных отношений по охране жизни, здоровья человека и рациональному использованию природной среды. По мере выделения экологических правоотношений и экологического права из общей системы права и правопорядка формируются принципы экологического права, отражающие современные особенности экологического порядка. В общем ряду этих принципов следует выделить приоритет интересов народов, проживающих на соответствующей территории и защите экологических прав человека [9]. В конституции Российской Федерации (ст. 42) закреплены экологические права человека на благоприят-

ную природную среду, право на достоверную информацию о ее состоянии; право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическими правонарушениями. Утверждение правовой основы экологического порядка способствует активной адаптации человека к окружающей природной и социальной среде. Вместе с тем, весьма несовершенная юридическая практика по соблюдению экологических прав человека, не проработанность эколого-правовых норм, отражающих новые тенденции в экологическом порядке, ограниченное государственное финансирование мероприятий на создание и сохранение экологически благоприятной среды – все эти явления снижают эффективность действия экологического права в России. Современные правовые средства и механизмы регулирования экологического порядка не могут полностью решить проблему человека в окружающей среде.

В экологическом порядке на рубеже XX – XXI вв. заметное влияние продолжают оказывать процессы, связанные с динамикой экологической культуры и устоявшимися ментальными структурами общества. Помимо социально-правовых защитных функций экологического порядка в его структуру входят моральные ценности, нормы, стандарты поведения, оказывающие влияние на практические действия человека по сохранению окружающей среды. Новое осмысление нравственных начал экологического порядка и места в нем человека во многом обусловлено развитием экологической этики. Нравственное обоснование ответственности человека за сохранение всего живого на Земле открывает новое понимание порядка жизни. Один из основоположников экологической этики А. Швейцер раскрыл глубинное содержание новой нравственности. «Этика есть благоговение перед волей к жизни во мне и вне меня» [10, с.220]. В новой этике идеи разумности и долга обретают новый смысл. «Там, где я наношу вред какой-либо жизни, – пишет А. Швейцер, – я должен ясно сознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, – даже самого незначительного» [10,

с. 221]. Общие принципы экологической этики открывают возможность по-новому увидеть сущность долга и долженствования в экологическом порядке, в отношении человека к природе.

Ключевое значение в философской рефлексии экологического порядка отводится ценностям. По мнению другого представителя экологи-

ческого направления в этике Х. Ролстона, «новое экологическое понимание должно стать основой для выбора нравственных ценностей, воздействующих на управление землей в жизни каждого поколения» [11, с.259]. Среда нравственных ценностей усиливается влияние нравственного долга, совместимого с экологическими требованиями сохранения природной среды для живущих и будущих поколений. Экологизация категорий долга, совести, справедливости, категорий, которые традиционно оценивались не в отношении к природе, а в отношении индивидуального «Я» к другому «Я», сопровождается изменением представлений о порядке природы. Экологические категории, обретая свойства экологических ценностей, расширяют интеллектуальные границы экологического порядка, охватывают отношения человека с живой природой. Как считает Х. Ролстон, «создание великого порядка природы не только включает в себя человека, но и охватывает также множество видов живых существ и мест их обитания» [11, с.280]. Обобщая это высказывание в русле нашего анализа, следует отметить, что, выстраивая образ порядка природы в категориях и ценностях экологической этики, инвайронментальная философия, социология, этика обогащают понимание общественного порядка, разработанное в классических философских парадигмах, новым смыслом, выходящим за пределы традиционного мышления. Долг государства и человека по сохранению природы не может ограничиваться проблемами взаимной институциональной ответственности, закрепленной в экологическом праве. Эти горизонты взаимной ответственности захватывают мир природы, внутренний мир человека и находят свое проявление в ментальных структурах экологического, морального, правового сознания. Таким образом, в отличие от теоретической модели социального порядка, имеющей гносеологическую направленность, экологический порядок выражает конкретный способ человеческого бытия и содержит собственное онтологическое основание. От организации экологического порядка, регулирующего среду обитания, зависит качество и уровень жизни людей.

Интеллектуальные и ценностные структуры экологического порядка, выражающие особенности бытия человека в природе, имеют сложную временную направленность. Время влияет на строение экологического порядка. Детерминация прошлым проявляется через состояние

среды обитания, доставшейся современному человеку от предшествующих поколений, а детерминация будущим определяется гуманистической ответственностью человечества за сохранение природной среды для жизни будущих поколений. По мере превращения экологического порядка в планетарное образование усиливается осознание ценности человеческой жизни, нарастает экологизация современного уклада жизни, проявляющегося в экологическом, политическом и социокультурном порядке.

Новые стороны бытия человека раскрываются в политическом порядке общества. По определению Аристотеля, человек – существо политическое и в политическом общении наиболее полно реализуется его социальная природа. Осознавая величайшее значение политического порядка для самореализации человека как гражданина, Стагирит указывает на прямую связь порядка с законом. «Порядок есть своего рода закон» (Политика III, II, 1287 а 6). Под этим углом зрения правление на основе законов создает стабильность политического уклада жизни, реализацию гражданами запланированных политических целей.

Выдвинутая еще Аристотелем проблема соотношения закона и порядка остается актуальной и сегодня. Совпадение закона и порядка не может быть полным. Закон, как выражение правотворчества государства, образует правовую основу порядка, тогда как сам порядок выражает состояние политической системы и содержит самые различные аспекты политической жизни всего общества, раскрывает существенные стороны политического бытия человека как гражданина.

В теоретическом плане категория политического порядка соотносится с категорией социального порядка. Последняя служит методологическим ориентиром для выделения системных оснований политической жизни, оказывающей влияние на адаптацию или отчуждение человека в мире политики. На основе предложенной в статье модели социального порядка можно выделить следующие функции политического порядка в отношении к человеку: а) интегративно институциональную, направленную на выполнение индивидами политических норм и принятых правил, закрепленных в основных ветвях государственной власти и необходимых для стабильности политического сообщества; б) защитно-адаптационную, содержащую конституционно установленные гарантии

сохранения жизненно-необходимых условий существования и возможности приспособления к изменяющейся системе властных отношений; в) компенсационно-согласительную, выражающую политические механизмы преодоления напряженности и конфликтов, вызванных столкновением интересов и потребностей социальных групп и отдельных индивидов в политическом пространстве социума.

Выделенные функции политического порядка оказываются необходимыми факторами воспроизводства политической сферы общества. Выражая объективные тенденции развития политической жизни, политический порядок зависит от созданного в стране государственного устройства, соотношения политических сил, состояния политической культуры. По справедливому утверждению А.П. Бутенко, «в каждом обществе, в каждой стране своя расстановка общественно-политических сил, свои нравы, свои традиции и учреждения. Поэтому и государственная, политическая власть реализуется, осуществляется в каждой стране по-своему, через только ей присущий государственный строй и политический режим» [12, с.33]. Вбирая в себя различные оттенки политической действительности, политический порядок неизменно сохраняет системное качество, связанное с государственной властью и государственным строем.

Функции политического порядка, включенные во властные отношения, входят в организованный союз господства в лице государства. Мысль о государстве как «союзе господства» получила развитие в совместном исследовании А.П. Бутенко и А.В. Миронова. «Современное государство, – отмечают авторы, – есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей... и сам занял вместо них самые высшие позиции» [13, с.155]. Думается, что, оставаясь в теоретической плоскости чистых абстракций возможна опасность абсолютизации функции господства как объединяющего начала государственного устройства и порядка. Современная политическая реальность такова, что функции государственного устройства и функции политического порядка находятся в сложном переплетении и взаимодействии. В результате

этого взаимодействия государственное устройство может эволюционировать в государственный порядок. Порядок оказывается более сложным образованием, чем государственное устройство. Помимо четкого разграничения властных структур и средств управления в государственный порядок включаются политические партии, поддерживающие действия государства, государственная идеология, государственные программы управления и т.д. Отмечая расширение социальной базы государственного порядка, следует учитывать сохраняющиеся различия между этим новым политическим образованием и политическим порядком. Государственный порядок предполагает отстаивание властных полномочий, связанных с реализацией государственных интересов, поэтому в любом обществе между государственным и политическим порядком, между правящими и оппозиционными политическими элитами, между государственными и негосударственными организациями неизбежны противоречия, конфликты, столкновения политических интересов и целей. Обладая более широкой социальной базой и разветвленной системой институтов, политический порядок содержит значительно больше человеческих и социальных ресурсов, чем государственный порядок для регулирования политических процессов в обществе. М. Корозье в книге «Скромное государство, современное государство. Стратегия для другого измерения» (Париж, 1987) связывает ограничение государственной власти с отказом государства от притязаний на главную роль в обществе, государственная власть, шире – государственный порядок, не должны определять судьбы людей и ограничивать свою деятельность созданием условий для самостоятельного выбора гражданина в политической среде [14, с.108].

Политический порядок особым образом связан с политическим бытием человека. Обладая развитым политическим сознанием, индивид может погружаться во внутреннее пространство политического порядка, наполненное чувствами, эмоциями, настроениями субъектов политических действий. Внешний для человека порядок сочетается с внутренним порядком, представленным образами, оценочными суждениями, установками. Осознавая двойственность любого порядка как материального образования и как особой духовной субстанции, М. Вебер вслед за И. Кантом приходит к убеждению, что политический порядок имеет глу-

бинный смысл в обращенности к человеку. Легитимность порядка в понимании М. Вебера «может быть гарантирована только внутренне, а именно: 1) чисто аффективно: эмоциональной преданностью; 2) ценностно-рационально: верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей (нравственных, эстетических или каких-либо иных; 3) религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка» [15, с. 639].

Развитие ценностей структур социального порядка XXI в. открывает новые возможности для самореализации человека и постижения новых смыслов бытия в постиндустриальном мире.

Литература

1. *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 6.
2. *Философия И. Канта и современность.* М., 1974.
3. См.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 4. Ч. 2.
4. *Урванцев Б.А.* Порядок и нормы. М., 1991.
5. Цит. по: *Шацкий Ежи.* Утопия и традиция. М., 1990.
6. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998.
7. Цит. по: *Баньковская С.П.* Инвайронментальная социология. Рига., 1991.
8. *Park R.A.* biography of Sociologist with Rashenbussh. N.-Y., 1979.
9. См.: *Желудков А.* Экологическое право России. М., 2000.
10. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М., 1992.
11. *Ролстон Холмс.* Существует ли экологическая этика // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.
12. Цит. по: *Политология в вопросах и ответах.* М., 1994.
13. Цит. по: *Государство и гражданское общество* // Социально-политический журнал. 1997. № 4.
14. См.: *Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке.* М., 1992.
15. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.

УДК 342.5

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ ВЛАСТЬЮ И ПРЕВЫШЕНИЯХ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

О.А. Плехова

кандидат юридических наук

В данной работе приводится сравнительный анализ таких преступлений, как злоупотребление властью и превышение должностных полномочий. На основе сходства почти всех признаков состава преступлений предлагается внести изменения в соответствующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: злоупотребление властью, должностные полномочия, должностное лицо, умышленное преступление, состав преступления.

Проблема соотношения сходных и однородных составов преступлений нередко отмечается в исследованиях уголовного права и уголовного законодательства России. Одним из спорных вопросов является соотношение составов преступлений злоупотребления и превышения должностных полномочий. В советской юридической литературе еще в 50-х гг. было высказано мнение о том, что «...состав ч.1 ст. 110 (ныне ч.1 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий») ни чем по существу не отличается от злоупотребления властью или должностным положением, поскольку злоупотребление должностными правилами, нарушение их, есть тем самым и их превышение: одно невозможно без другого. При таких условиях разграничение этих составов, основанное на весьма условных и нечетких признаках, может привести лишь к затруднениям и путанице и будет неизбежно отвергнуто судебной практикой, как это уже имеет место в настоящее время».

Как известно конструкции специальных более узких составов преступлений имеют смысл, когда общественная опасность соответствующих преступлений особенно велика, когда четко выделяются их призна-

ки и законодатель имеет возможность выделением *delictum sui generis* подчеркнуть актуальность борьбы с определенным конкретным преступлением. Применительно к составу «Превышения должностных полномочий» этого сказать нельзя. Это мнение было высказано А.Б.Сахаровым в 1956 г. и поддержано в публикациях Н.С. Лейкиной в 1978г. В диспозициях Уголовных кодексов России в том числе и УК РФ 1996г. конструкции составов злоупотребления и превышения должностных полномочий имеют немалое сходство. Их соотношение носит характер общего и специального состава, как часть и общей нормы.

Составы преступлений по ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» и ст. 286 «Превышение должностных полномочий» объединены в одном десятом разделе и главе 30 Уголовного Кодекса РФ 1996 г., по одному и тому же родовому объекту. Родовым объектом этих преступлений являются государственные властные отношения. Видовым – государственная власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Иначе говоря, нормальная деятельность публичного аппарата управления в лице государственных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, органов местного самоуправления, а также аппарата управления в Вооруженных Силах, в других войсках и воинских формированиях РФ.

Общими для этих преступлений являются не только родовая и видовая объекты, но и другие признаки. Так, непосредственным объектом этих преступлений является нормальная деятельность соответствующего звена публичного аппарата управления в лице государственных и муниципальных органов и учреждений или же аппарата управления в Вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях РФ. Поскольку злоупотребление и превышение должностных полномочий приводят к существенному нарушению прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства, то эти интересы рассматриваются в качестве дополнительных объектов преступления.

Другим общим признаком для анализируемых преступлений является наличие однородного специального субъекта, т.е. эти преступления могут быть совершены только должностным лицом. Понятие должностного лица дается в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, «Должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному пол-

номочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях РФ».

Злоупотребление и превышение должностных полномочий относится к умышленным преступлениям. При этом умысел может быть как прямой, так и косвенный. При злоупотреблении умысел выражается в том, что должностное лицо осознает, что совершает деяние вопреки интересам службы, предвидит возможность или неизбежность наступления преступных последствий, сознательно допускает либо относится к ним безразлично. При превышении должностных полномочий субъект также осознает, что он злоупотребляет последними, явно выходя за их пределы, предвидит возможность или неизбежность наступления преступных последствий, желает их наступления, сознательно допускает либо относится к ним безразлично.

Мотив и цель превышения должностных полномочий могут быть любыми – в том числе и корыстными и с личной заинтересованностью, и не имеют значения для квалификации, хотя учитываются при назначении наказания. Для квалификации должностного злоупотребления является обязательным признаком субъективная сторона состава преступления, которая определяется в законе как корыстная или иная личная заинтересованность.

Понятие корыстной или иной личной заинтересованности как мотива данного преступления дано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 30 марта 1990 г.: « Злоупотреблением служебным положением из корыстной заинтересованности следует считать такие неправомерные действия должностного лица, которые совершены с целью получить имущественную выгоду без незаконного безвозмездного обращения средств в свою собственность или собственность других лиц».

Иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленная такими побуждениями как карьеризм, семейственность, получение взаимной

услуги и т.д. Эти признаки могут в одинаковой мере проявляться в составах преступлений как злоупотребления, так и превышения должностных полномочий.

Некоторые различия между анализируемыми преступлениями можно увидеть в признаках объективной стороны этих составов преступлений. Злоупотребление должностными полномочиями выражается в использовании должностным лицом своих служебных полномочий, и может быть выражено как в виде активных действий, так и в виде бездействия, которое может заключаться в невыполнении должностным лицом возложенных на него обязанностей. Объективная сторона превышения должностных полномочий заключается в совершении субъектом действий, явно выходящих за пределы его полномочий. В литературе общепризнанным является мнение о том, что превышение должностных полномочий может выражаться только в активных действиях, однако на практике встречаются случаи их превышения путем бездействия. Например, прокурор выносит постановление о прекращении уголовного дела, а следователь не совершает необходимых для этого действий.

Обязательным признаком объективной стороны, как в составе злоупотребления, так и в составе превышения должностных полномочий является наличие общественно опасного последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства, и причинно-следственная связь между преступным деянием и наступившим преступным последствием.

Существенный вред может выражаться в виде реального материального ущерба, в упущенной выгоде, а также в причинении иного вреда различным интересам (это могут быть нарушения конституционных прав и свобод граждан, подрыв авторитета органа власти, нарушение общественного порядка и т.д.)

Квалификация злоупотребления и превышения должностных полномочий по признаку причинения тяжких последствий одинаково возможна в случаях, когда в результате преступления причинен значительный ущерб личным правам и свободам граждан, а также такой вред, как крупные аварии, длительная остановка транспорта, дезорганизация ра-

боты учреждения или предприятия, нанесение государству материальных потерь в особо крупных размерах и т.д.

Способ совершения преступлений, злоупотребления и превышения должностных полномочий по части 1 ст.285 УК РФ хотя и могут быть различными, но для квалификации значения не имеют.

Что касается части 3 ст.286 УК РФ, то в ней отмечаются способы совершения преступления как обязательные признаки, присущие только для превышения должностных полномочий. К ним относятся применение и угроза насилием, применение оружия и специальных средств, которые в действующем УК рассматриваются как квалифицирующие признаки ст.286 УК.

Вопрос о превышении должностных полномочий путем применения насилия обнаруживается, когда действия сопряжены с нанесением побоев, причинением телесных повреждений, физической боли, а также ограничением свободы. Что же касается применения оружия, то данное обстоятельство присутствует тогда, когда установлено фактическое использование оружия или специальных средств для запугивания, а также для психического воздействия путем угрозы причинения вреда, если у потерпевшего имелись основания считать, что его жизни и здоровью грозила реальная опасность.

Таким образом, преступление, предусмотренное ч.3 ст.286 УК РФ представляет собой большую опасность тем, что оно посягает не только на интересы государственного аппарата управления, но и на жизнь, здоровье, достоинство личности. Следовательно, оно является двуобъектным. В связи с этим возникает вопрос, является ли преступление, предусмотренное ч.3 ст.286 УК РФ, самостоятельным или только квалифицирующим составом в общей статье о превышении должностных полномочий.

На этот вопрос, по нашему мнению, следует ответить положительно. Данная точка зрения подтверждается и тем обстоятельством, что должностное лицо может совершать действия в пределах своей служебной компетенции, не превышая ее, и при этом прибегать к насилию, оскорблениям и другим противозаконным методам. В таком случае нет сочетания превышения должностных полномочий и насилия. Поэтому: «de lege ferenda» ч.3 ст.286 УК РФ – это самостоятельное преступление,

которое состоит в насилии, угрозах, применении оружия или специальных средств, мучительных и оскорбляющих личное достоинство потерпевшего действиях, совершаемых противозаконно должностными лицами в связи с использованием должностных функций.

Как видно из приведенного анализа, злоупотребление и превышение должностных полномочий имеют общую основу почти всех признаков состава преступления. Поэтому в целях дальнейшего совершенствования уголовного закона, по нашему мнению, следует выделить ч.3 ст.286 УК РФ в самостоятельную статью, а части 1 и 2 ст. 286 УК РФ объединить со ст. 285 УК РФ. И изложить диспозиции статей 285 УК и 286 УК в следующей редакции:

Статья 285 « Злоупотребление должностными полномочиями»

1. Использование должностным лицом своих служебных полномочий или их превышение вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Наказывается.....

2. То же деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта РФ, а равно главой органа местного самоуправления.

Наказывается.....

Статья 286 « Злоупотребление или превышение должностных полномочий совершенное путем насилия»

1. Злоупотребление или превышение должностных полномочий, совершенные:

а) с применением насилия или угрозы его применения;

б) с применением оружия и специальных средств.

Наказывается.....

2. Те же деяния, если они повлекли причинение тяжкого вреда.

Наказывается.....

ANNOTATIONS

Ivushkina E.B. Intellectual status of science

In the discussion concerning the correspondence of science and religion we focus on the fact that intellectual obviousness in science and mythology rely on absolutely different basements. Science made weapons of logics and experimental verification to check the truth of any phantom of consciousness. The future is not in religion but in the belief in the reality of moral ideas. Science is a wonderful sample of democratic self-organization, basing on interest, striving to the truth and fairness. A scientist invites to a constructive dialogue where one can find a fruitful synthesis of different concepts and mutual destruction useful for developing of science.

Key words – science, mythology, intellectual status of science

Kamalova O.N. Aesthetic intuition phenomenon in Italian idealism of XX century

Aesthetic intuition phenomenon is analyzed within the context of B. Croce's philosophic system. Such notions as intuition and expression, intuition and conception, intuition and form, intuition and art are correlated. The interaction of intuition and other forms of "spirit" is investigated. It is shown the reason of Croce's intuition study development within Aesthetics study.

Key words: aesthetic intuition, expression, cognition, aesthetics, art.

Evseyeva L.V. Socio-humanitarian potential of a biocentric model of femininity

The attention is focused on the matter of including the data and results received within the frames of natural approach into the field of social sciences and the humanities. As applied to the problem of feminine-masculine there was revealed the humanitarian potential of a biocentric model and worked out one of the most convincing arguments concerning the hidden women's dominance – that is the greater adaptability and stability in the changing environment.

Key words: femininity, biocentric model, potential of the woman

Olenich T.S. Religious sectarianism in course of revolution and soviet power years

The article is devoted to the study of “imperial” religious sects and new religious cults and “versions” in the USSR. The investigation of “soviet sectarianism” is held according to culture science aspects. Attention is paid to the main events of communist parties and soviet power in regards to sectarianism, classification of sectarianism in the soviet religious sects science.

Key words: sectarianism, sectary, religious search, confession, ideological fight, religious cult.

Egilskiy E.E. Occultism phenomena is modern culture

The article is devoted to occultism phenomena in modern culture and provides characteristic traits of occult doctrines that serve as a basis for singling out of fundamental methods of legalization, statute of the enigmatic, the mysterious, the puzzling: methods of psychological analysis, positivism and reality stratification.

Key words: occultism, method, reality, occult phenomena, neo-occultism, official science.

Junack A.E. Some aspects of culture dialogue

Several aspects of culture dialogue within the modern philosophic and culture science space are analyzed. It is shown that the culture dialogue problem is the name of the related problems range such as mutual understanding and understanding, mindset and historically set world outlook, culture and language interrelation etc.

Key words: culture dialogue, mindset, language.

Surova E.M. Personal style – interior style

The article touches upon interior as a part of architecture. Attention is paid to the formation of tastes and individual styles in various periods of history. According to the results of historic analysis, every culture is represented by style system with a certain correlation of individual, group, general cultural factors, the correlation being conditioned both socially and historically. Origins of 20th century style variety are also brought to light in the article.

Key words: architecture, design, interior, style.

Cherkasova M.A., Cherkasov V.P., Taranenko N.Y. Ways of formation of cross-cultural communication and environmental social competence of the social university students

In this article problems of the communicative competence formation connected with development of global processes are mentioned. In modern Russian society the major indicators of the students' success in communications as future experts in social sphere are pragmatical and social-psychological aspects. The significant factors of the expert's competence are quality of the achieved education, accumulated life experience and professionalism.

Key words: communicative competence, cross-cultural competence, human capital, social structure, creative personality, multicultural education, cross-cultural training.

Pivneva N.V. Formation and development of 'humane pedagogy': history and the present

The sources and the stages of development of 'humane pedagogy' are studied in this work. The ideas by Montessori, Pestalozzi, Leo Tolstoy, Y. Korchak, V. Soukhomlinsky are analyzed. There is also a controversy concerning the matters of humanization of education in its present stage.

Key words – humane pedagogy, education, history of pedagogy/

Sahibgoryaev V.H., Kotov S.V. «Cult of the leader» as a mechanism of transition to fascist state type

The article discusses the phenomena of the fascist «cult of the leader» as an alternative to bourgeois-liberal rule and as a state form under the conditions of totalitarianism. Cult of the leader rises from the archaic principle of khanate. Khanate is seen as a historic form of supremacy taking place between akefal society and bureaucratic dominance. In this sense khanate presents an acceptable form of human society's transition to state hierarchical institutionalization.

Key words: cult of the leader, fascism, society, state.

Rybalka E.A. Personal resource space

The article touches upon the phenomena of personal resource space and suggests interpretation of general tendencies of this space's dynamics in social philosophy categories. The article also accentuates the fact that resource space is one of the initial form of a person's existence in civil society and throws light upon the peculiarities of personal resource space in modern Russian society.

Key words: an individual, personal resource space, civil society, social role, a person's existence.

Novgorodskiy A.A. Drug addiction essence and its reasons

The article is devoted to such an important disease as drug addiction. Its essence and formation reasons are shown. It is outlined the range of biological, psychological and social factors that influence the formation of this disease. It is also mentioned the role of drug dealing in spreading drugs.

Key words: drug addiction, dependence, drugs, narcomania, psychoactive substance, drug dealing.

Pratsko G.S. Social legal order human measurement

Interdependence of order and man as a generic creature is investigated. Therefore several forms of social order are analyzed: social, ecological, political. Attention is paid to the prevailing role of power institutions in institutionalized order structure.

Key words: social order, legal order, social environment, power institution, industrial society, individual.

Plekhova O.A. On authority malversation and abuse of rank

It is introduced a comparative analysis of such crimes as authority malversation and abuse of rank. Taking into account the similarities of all crime features it is offered to amend the corresponding articles of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: authority malversation, abuse of rank, official, deliberate crime, crime components.

НАШИ АВТОРЫ

1. *Евсеева Л.В.* – доктор философских наук. Морская государственная академия. г. Новороссийск.
2. *Ивушкина Е.Б.* – доктор философских наук, профессор. Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса.
3. *Камалова О.Н.* – кандидат философских наук, доцент. Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета.
4. *Котов С.В.* – кандидат философских наук, доцент. Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета.
5. *Новгородский А.А.* – кандидат философских наук. Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета.
6. *Оленич Т.С.* – доктор философских наук, профессор. Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета.
7. *Пивнева Н.В.* – кандидат философских наук. Морская государственная академия. г. Новороссийск.
8. *Плехова О.А.* – кандидат юридических наук. Ростовский юридический институт МВД РФ.
9. *Працко Г.С.* – доктор юридических наук, профессор. Ростовский юридический институт МВД РФ.
10. *Рыбалка Е.А.* – кандидат философских наук, доцент. Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета.
11. *Сахибгоряев В.Х.* – доктор философских наук, доцент. Магаданский институт Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
12. *Сурова Е.М.* – кандидат философских наук. Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета.
13. *Тараненко Н.Ю.* – кандидат философских наук. Филиал Российского государственного социального университета в г. Каменске-Шахтинском.
14. *Черкасов В.П.* – кандидат философских наук. Филиал Российского государственного социального университета в г. Каменске-Шахтинском.
15. *Черкасова М.А.* – доктор философских наук, профессор. Филиал Российского государственного социального университета в г. Каменске-Шахтинском.
16. *Эгильский Е.Э.* – кандидат философских наук, доцент. Педагогический институт Южного федерального университета.
17. *Юнак А.Е.* – кандидат философских наук. Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

В научно-теоретическом журнале «*Экономические и гуманитарные исследования регионов*» публикуются статьи, сообщения, рецензии по всем отраслям общественности. Статьи и другие материалы должны соответствовать тематике издания, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной значимостью.

Представление материалов:

статья;

аннотация (500-550 знаков с пробелами), ключевые слова, сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках.

Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте red-cegr@mail.ru

Материалы, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Решение о публикации принимается на заседании редколлегии в течение одного месяца со дня получения материалов. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректур не высылается. Рукописи, не удовлетворяющие указанным ниже требованиям, авторам не возвращаются.

К рукописи предъявляются следующие требования:

Для подготовки материалов должен использоваться текстовый редактор Microsoft Word для Windows версий 6.0 или выше и шрифт Times New Roman.

Форматирование должно производиться исходя из необходимости распечатки на страницу с параметрами: размер бумаги – А4; ориентация – книжная; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Объем публикуемых материалов: для статей – 9-20 страниц; для сообщений – не более 5 страниц.

Заглавие печатается заглавными буквами (выравнивание по левому краю). Фамилия и инициалы автора(ов) пишутся под заглавием статьи (для рецензий и информационных материалов – в конце статьи).

В тексте следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Рисунок должен иметь объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, название, расположенное под рисунком. В тексте на рисунок дается ссылка. Таблица должна иметь порядковый номер, заголовок, расположенные над таблицей. Все графы в таблице пишутся с прописной буквы, сокращение слов в таблице не допускается. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках только на опубликованные работы [1, с. 15].

Статьи и другие материалы сопровождаются сведениями об авторе (фамилия, имя, отчество, учебное заведение, должность, место работы, адрес и номера контактных телефонов, e-mail). Необходимо указать шифр и наименование специальности (в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников).

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи и иные материалы, редактировать и отсылать авторам на доработку.

Адрес редакции: 357500. Ставропольский край, г. Пятигорск,
ул. Ленина, 116 «а».

Электронный адрес: red-cegr@mail.ru

**Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 201
тел. 8-918-570-30-30
«Экономические и гуманитарные исследования регионов»
2010. № 1. 147 с.**